

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

1968

3

ШУЙСКАЯ-СМОЛЕНСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Святейший Патриарх Алексий принимает поздравления духовенства во второй день праздника Рождества Христова 8 января 1968 года

Святейший Патриарх Алексий с митрополитом Пименом и епископом Питримом совершает всенощное бдение в ночь под Рождество Христово в Богоявленском кафедральном соборе

Епископ Зарайский Ювеналий по окончании Божественной литургии преподносит д-ру Ю. К. Блейку икону Божией Матери в храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове (Москва)

Чин вручения архиастырского жезла епископу Токийскому и Японскому Николаю в Троицком соборе Александро-Невской Лавры в воскресенье 10 декабря 1967 года

Участники приема в честь делегации Римско-Католической Церкви и новопоставленного епископа Токийского и Японского Николая. В первом ряду (справа налево): епископ Токийский и Японский Николай, епископ Подольский Гермоген, епископ Тихвинский Михаил, епископ Тульский и Белевский Варфоломей, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф, митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, епископ Маурианский Иоанн Виллебрандс, епископ Архангельский и Холмогорский Никон, епископ Зарайский Ювеналий, епископ Смоленский и Вяземский Гедеон

Делегация на приеме в протестантском колледже в гор. Тананариве. Слева направо: пастор Ричард Андриаманджато, архиепископ Филарет, протоиерей Матфей Стаднюк, министр финансов Виктор Миодана, министр образования Лоран Ботокеси

Делегация среди верующих протестантского прихода поселка Фихаонане. Справа от архиепископа Филарета президент Федерации протестантских Церквей Мадагаскара пастор М. Расендрахасина

МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

*К ПОЛОЖЕНИЮ В ГРЕЦИИ И ЭЛЛАДСКОЙ ЦЕРКВИ*ЕГО БЛАЖЕНСТВУ БЛАЖЕННЕЙШЕМУ ИЕРОНИМУ,
АРХИЕПИСКОПУ АФИНСКОМУ*Афины*

Ваше Блаженство!

В дни Богоявленских праздников мы имеем нравственную потребность обратиться к Вам наше слово душевного беспокойства о тех сынах и дочерях греческого народа, которые за свои взгляды и стремления к свободе и демократии многое время несправедливо находятся в тюремном заключении. Мы обращаем к Вам наш братский призыв возвысить Ваше слово Архипастыря, которое может иметь свое влияние, об освобождении всех их из тюрем и лагерей, что, несомненно, послужит восстановлению нормальной жизни Греции и принесет радость всем людям доброй воли. Это Ваше выступление было бы даром, приятным Господу Иисусу, Спасителю мира, Который пришел положить душу Свою за избавление многих, «проповедывать пленным освобождение... отпустить измученных на свободу» (Лк. 4, 18).

С братской любовью

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва,

2 января 1968 года

ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВУ АФИНАГОРУ,
ПАТРИАРХУ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМУ*Истанбул*

Ваше Святейшество, до нас дошли сообщения, что диктаторский режим, правящий сейчас в Греции, содержит под домашним арестом Высокопреосвященного митрополита Салоникского Пантеленмона.

Выражая по этому случаю нашу скорбь, мы обращаем наше слово к Вам, в чьей духовной юрисдикции находится Священная митрополия Салоникская, и призываем Вас заявить решительный протест по случаю бесцеремонного и незаконного обращения с этим видным в Православии иерархом.

С братской любовью обнимаю Вашу Святыню.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва,

18 января 1968 года

ЕГО БЛАЖЕНСТВУ ИЕРОНИМУ, АРХИЕПИСКОПУ АФИНСКОМУ

Афины

Ваше Блаженство, до нас достигло сообщение о наложении домашнего ареста на Высокопреосвященного митрополита Салоникского Пантелеимона.

Мы взволнованы этим незаконным действием греческих диктаторских властей и призываем Вас и Священный Элладский Синод мужественно стать на защиту этого почтенного и известного в Православии иерарха.

С братской любовью

АЛЕКСИИ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Москва,
18 января 1968 года

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕИ
ЮДЖИНУ КАРСОНУ БЛЕЙКУ

Женева

Считаю своим долгом обратить Ваше внимание на незаконное отстранение от исполнения архиерейских обязанностей и содержание под домашним арестом митрополита Салоникского Пантелеимона.

Вижу настоятельную необходимость для Всемирного Совета Церквей выразить по этому скорбному случаю решительный протест, чтобы пресечь этот произвол, с которым режим диктатуры относится к Православной Церкви Греции.

Никодим, митрополит Ленинградский и Новгородский

Москва,
18 января 1968 года

ЗАЯВЛЕНИЕ

**ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА ОБЩЕСТВА «СССР — ГРЕЦИЯ»,
ЭКЗАРХА УКРАИНЫ, АРХИЕПИСКОПА КИЕВСКОГО
И ГАЛИЦКОГО ФИЛАРЕТА**

Чувство глубокой скорби и возмущения испытываем я и мои коллеги по обществу дружбы «СССР—Греция» при известии о незаконном деянии нынешних диктаторских властей Греции в отношении митрополита Салоникского Пантелеимона, взятого под домашний арест.

Для всех нас, стремящихся к укреплению традиционной дружбы между народами древней Эллады и Советского Союза, это событие является очередным свидетельством той трагедии, какую переживают в настоящее время наши греческие братья.

Мы решительно протестуем против этого глумления над маститым иерархом и требуем его немедленного освобождения.

Да ниспошлет Господь Бог Свою небесную помощь многострадальному народу Греции и да восстановится, наконец, на ее земле вождельная свобода!

**Филарет, архиепископ Киевский и Галицкий, Патриарший Экзарх,
вице-президент общества «СССР — Греция»**

ВОЗВЕДЕНИЯ В САН МИТРОПОЛИТА И АРХИЕПИСКОПА

Указами Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия ко дню памяти Митрополита Алексия, Святителя Московского, 12 (25) февраля 1968 года, возведены

в сан митрополита:

архиепископ Орловский и Брянский **Палладий**;
архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский **Иосиф**;
архиепископ Таллинский и Эстонский **Алексий**;
архиепископ Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, **Филарет**;

в сан архиепископа:

епископ Горьковский и Арзамасский **Флавиан**;
епископ Аргентинский и Южноамериканский **Никодим**;
епископ Харьковский и Богодуховский **Леонтий**;
епископ Курский и Белгородский **Серафим**.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СВЯЩЕННОГО СИНОДА

В заседании Священного Синода 8 февраля 1968 года под председательством ПАТРИАРХА

слушали: Прошение протоиерея Кировоградской епархии **Всеволода Затовского**, назначенного епископом Житомирским и Овручским, — не считать его в настоящее время, ввиду неподготовленности, кандидатом во епископа.

Постановили: Прошение протоиерея Всеволода Затовского удовлетворить и освободить его от назначения на Житомирскую кафедру.

Имели суждение о замещении Житомирской кафедры.

Постановили: 1. Архиепископом Житомирским и Овручским назначить Преосвященного архиепископа Воронежского и Липецкого **Палладия**.

2. Временное управление Воронежской епархией поручить Преосвященному епископу Курскому и Белгородскому **Серафиму**, о чем и послать соответствующие указы.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

Митрополит Крутицкий и Коломенский ПИМЕН

Митрополит Ленинградский и Новгородский НИКОДИМ

Архиепископ Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, ФИЛАРЕТ

Архиепископ Орловский и Брянский ПАЛЛАДИЙ

Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский ИОСИФ

Архиепископ Винницкий и Брацлавский АЛИПИЙ

Управляющий делами Московской Патриархии

архиепископ Таллинский и Эстонский АЛЕКСИЙ

В заседании Священного Синода 27 февраля 1968 года под председательством ПАТРИАРХА

имели суждение о замещении Воронежской кафедры.

Постановили: 1. Архиепископом Воронежским и Липецким назначить Преосвященного архиепископа Ставропольского и Бакинского **Михаила**.

2. Преосвященного архиепископа Курского и Белгородского **Серафима** освободить от порученного ему временного управления Воронежской епархией.

3. Епископом Ставропольским и Бакинским назначить Преосвященного епископа Астраханского и Енотаевского **Иону**.

4. Временное управление Астраханской епархией поручить Преосвященному епископу Саратовскому и Волгоградскому **Пимену**,
о чем и послать соответствующие указы.

В том же заседании

имели суждение о вызове Преосвященных для присутствия в Священном Синоде на летней сессии 1968 года.

Постановили: К участию в сессии Священного Синода вызвать следующих Преосвященных:

1. **Архиепископа Мукачевского и Ужгородского Григория,**
2. **Архиепископа Курского и Белгородского Серафима и**
3. **Епископа Оренбургского и Бузулукского Леонтия.**

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ЧЛЕНЫ СВЯЩЕННОГО СИНОДА:

Митрополит Крутицкий и Коломенский ПИМЕН

Митрополит Ленинградский и Новгородский НИКОДИМ

Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, ФИЛАРЕТ

Митрополит Орловский и Брянский ПАЛЛАДИЙ

Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский ИОСИФ

Архиепископ Винницкий и Брацлавский АЛИПИЙ

Управляющий делами Московской Патриархии

митрополит Таллинский и Эстонский АЛЕКСИЙ

ОБМЕН ПРИВЕТСТВИЯМИ

МЕЖДУ ИМПЕРАТОРОМ ЭФИОПИИ И ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ

В связи с праздником Рождества Христова Его Величество Хайле Селассие I, император Эфиопии, и Его Святейшество Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, обменялись сердечными приветственными посланиями.

ХРОНИКА

2 января 1968 года на Родину возвратилась делегация Русской Православной Церкви во главе с архиепископом Киевским и Галицким Филаретом, совершившая десятидневный визит в Малагасийскую Республику. Делегация была гостем Совета Евангелической Церкви Мадагаскара и мэра г. Тананариве пастора Ричарда Андриананджато.

За время своего пребывания на Мадагаскаре члены делегации, кроме Тананариве, посетили города Анцирабе, Амбусту, Фихаонан и др., всюду имея широкие контакты с церковными и общественными деятелями страны, посещая храмы и духовные школы. Делегация была принята президентом Республики г-ном Филибером Циранана, генеральным секретарем правящей социал-демократической партии, министром внутренних дел г-ном Андре Ресампа и министром иностранных дел г-ном Рабема-нанджара.

Члены делегации Русской Православной Церкви всюду встречали теплый, дружественный прием.

5 января 1968 года заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата епископ Зарайский Ювеналий принял англиканского священника д-ра Эрика Стэйплса по его просьбе. Д-р Стэйплс передал приветственное послание Святейшему Патриарху Алексию по случаю праздника Рождества Христова от Его Милости д-ра Михаила А. Рамсея, Архиепископа Кентерберийского. Д-ра Стэйплса сопровождал третий секретарь Посольства Великобритании в Москве Д. Миллер.

5 января 1968 года заместитель председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата епископ Зарайский Ювеналий принял сотрудников Общества истории экуменизма братьев Гюнтера и Манфреда Пикеров из ФРГ по их просьбе.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий 16 января 1968 года принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Чили в Советском Союзе Максимо Пачеко в связи с его отъездом на родину.

На приеме присутствовал председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим.

16 января 1968 года на приеме, устроенном Отделом международных связей мусульманских организаций в СССР в честь 60-летия председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтия Зияутдина Бабаханова, в числе гостей присутствовали председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим и управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Таллинский и Эстонский Алексий.

17 января 1968 года в Рим для прохождения курса наук в высших учебных заведениях Римско-Католической Церкви отбыли протоиерей Владимир Рожков и протоиерей Петр Раина.

С 20 по 26 января 1968 года в Москве и Ленинграде проездом в Бангкок для участия в IV Ассамблее Восточноазиатской Христианской Конференции находился секретарь Нью-Йоркского отделения Всемирного Совета Церквей д-р Юджин Смит. За эти дни д-р Смит имел возможность ознакомиться с некоторыми сторонами религиозной, общественной и культурной жизни в нашей стране.

22 января 1968 года председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Эфиопии в СССР г-на Белэй Мерша Фитаурари по его просьбе.

С 23 по 26 января 1968 года в Праге проходили заседания Рабочего комитета Христианской Мирной Конференции, в которых от Русской Православной Церкви приняли участие его члены — митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим, председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, епископ Зарайский Ювеналий, заместитель председателя этого Отдела, а также член Международного секретариата ХМК А. С. Буевский, секретарь Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, и протоиерей Павел Соколовский, представитель Русской Православной Церкви при ХМК.

29 января 1968 года отбыл в Нью-Йорк в распоряжение Патриаршего Экзарха Северной и Южной Америки архиепископа Нью-Йоркского и Алеутского Ионафана протоиерей Матфей Стаднюк, который наряду с пастырским служением будет исполнять обязанности секретаря Экзарха.

Ц Е Р К О В Н А Я Ж И З Н Ь

СЛУЖЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

ДЕКАБРЬ 1967 года

2 декабря (19 ноября), в столетие со дня кончины митрополита Московского Филарета, и 14 (1) декабря, в день памяти св. праведного Филарета Милостивого, Святейший Патриарх Алексей молился за Божественной литургией и причащался Святых Христовых Таин в Крестовой церкви Патриарших покоев в Троице-Сергиевой Лавре.

19 (6) декабря. День памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. Всенощное бдение накануне и Божественную литургию в день праздника Святейший Патриарх Алексей совершил в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе с митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом и епископом Токийским и Японским Николаем.

ЯНВАРЬ 1968 года

7 января (25 декабря). Рождество Христово. В навечерие праздника Святейший Патриарх Алексей после Божественной литургии в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе выходил на славление Христа, а в самый праздник, в полночь, совершал утреню и Божественную литургию в том же соборе с митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом и епископом Волоколамским Питиримом.

8 января (26 декабря). Собор Пресвятой Богородицы. Святейший Патриарх Алексей молился за Божественной литургией и причащался Святых Христовых Таин в Крестовой церкви в Патриархии. А вечером, после вечерни, в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе Его Святейшество принимал традиционное поздравление от московского духовенства и верующих.

19 (6) января. Богоявление. Крещение Господне. Всенощное бдение накануне и Божественную литургию в день праздника Святейший Патриарх Алексей совершал в Богоявленском патриаршем кафедральном соборе с митрополитом Крутицким и Коломенским Пименом и епископом Волоколамским Питиримом.

ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА В ЖЕНЕВСКОМ ПАТРИАРШЕМ ПРИХОДЕ

Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Женеве находится в доме представительства Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея этому храму усвоено название ставропигиального. Настоятелем храма является епископ Звенигородский

Владимир, представитель Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей. Во время недавнего ремонта храм расширен, переоборудован, украшен и обновлен. Накануне праздника Рождества Христова перед Божественной литургией епископ Владимир совершил чин освящения храма и престола. Усердно молились прихожане, и с глубоким вниманием следили за этим чином и некоторые инославные, которым никогда не приходилось видеть архиерейского освящения православного храма.

Особенно нарядным и торжественным выглядел храм в праздник Рождества Христова. По установившейся уже традиции, этот небольшой храм посещают многие инославные. Установились контакты нашего храма и с Экуменическим институтом в Боссэ. Об одной из таких встреч на празднике Рождества Христова мне, как студенту этого института, с большим удовлетворением и хочется коротко рассказать.

Экуменический институт, основанный Всемирным Советом Церквей в 1946 году как филиал Женевского университета, находится недалеко от Женевы, в живописнейшем месте на берегу Женевского озера. Ежегодно с 1 октября по 15 февраля в институте читается курс лекций на экуменические темы. В 1967/68 учебном году слушают лекции 57 представителей от 17 христианских Церквей из 27 стран. От Московского Патриархата в Экуменическом институте занимаются молодые богословы нашей Церкви Леонид Свистун, аспирант Московской духовной академии, и Владимир Пономаренко, референт Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

Согласно программе института, в течение недели перед праздником Рождества Христова для студентов читаются лекции о православном богослужении, значении и смысле икон в Православии, а затем все студенты присутствуют за рождественским православным богослужением.

В этом году на рождественское богослужение студенты прибыли в патриарший храм Рождества Пресвятой Богородицы в Женеве.

Всенощное бдение в русском женевском храме

Богослужение совершал ночью, с 22 час. 30 мин. до 2 часов, епископ Владимир, которому сослужили протоиерей Георгий Цецис (Константинопольский Патриархат), архимандрит Корнилий (Иерусалимский Патриархат), архимандрит Домициан (Болгарский Патриархат), протоиерей Владимир Игнасте, секретарь представителя Русской Православной Церкви при Всемирном Совете Церквей, диакон нашего прихода Гавриил Пейрашон и диакон Траян (Румынский Патриархат). Ектении произносились на разных языках. Евангелие читалось на церковнославянском и французском языках. Иподиаконовствовали за богослужением Владимир Пономаренко и Леонид Свистун, а также двое молодых прихожан.

За богослужением присутствовали директора Экуменического института д-р Никос Ниссиотис (Элладская Церковь) и проф. Джозеф Вебер (Лютеранская Церковь США), около 60 студентов института, его администрация и сотрудники. Несмотря на то, что ночное богослужение длилось непривычно долго для христиан других исповеданий, три с половиной часа, а по обычаю нашей Церкви все они стояли, богослужение показалось для них легким, радостным и недолгим. Для некоторых из присутствовавших это было первое православное богослужение. Рассказывая о своих впечатлениях после службы и в последующие дни, они говорили, что за этим богослужением они молились, как никогда в жизни. Несмотря на то, что у западных христиан праздник Рождества Христова уже прошел, для всех их эта ночь, по их словам, была по-настоящему рождественской. Нельзя не упомянуть о том, что красоте и молитвенности этого богослужения способствовало прекрасное пение хора под руководством Михаила Сергеевича Самарина.

В конце всенощного бдения Владыка Владимир прочитал Рождественское послание Святейшего Патриарха Алексия, а по окончании рождественской литургии произнес краткую проповедь о Рождестве Христа Спасителя, Который пришел в Вифлеемскую ночь к нам, принял зрак раба, чтобы соделать нас свободными, родился в земном убожестве, чтобы даровать нам обожение — вечное богатство. Владыка сказал далее о пользе экуменических контактов, о необходимости единения христиан, ибо это лучший из лучших даров, который мы можем и должны принести Родившемуся ради нас и нашего ради спасения Господу. «Пусть приблизившийся в эту ночь к роду человеческому Христос Бог станет с нынешней ночи еще ближе к сердцу каждого из нас. Пусть вся земля будет благословлена миром, который Он принес», — сказал в заключение Владыка.

В просторных комнатах второго этажа представительства староста прихода с помощью некоторых верующих устроил праздничную трапезу, на которую были приглашены все присутствовавшие за богослужением. Верующие прихода и студенты Экуменического института, как одна семья, поздравляли друг друга с радостью о Родившемся Богомладенце. В эту ночь никто, казалось, не ощущал горького разделения: все были едино. Епископа Владимира приветствовали д-р Н. Ниссиотис и один из студентов института. В ответ Владыка приветствовал и поблагодарил всех собравшихся, директоров Экуменического института, а также студентов.

В заключение все пропели Владыке многолетие, а он в свою очередь предложил спеть «многая лета» всем собравшимся. Затем Владыка пригласил взять подарки под рождественской елкой. Сердечное гостеприимство Владыки и верующих Женевского прихода глубоко растрогало всех присутствовавших, и, уходя, они искренне благодарили за теплый прием, за рождественскую радость и совместную молитву.

В. Пономаренко

ЦЕРКОВЬ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ВИЛЬНЮСЕ

В столице Литвы на одной из центральных улиц находится самая древняя и самая красивая в городе церковь — во имя Святителя и Чудотворца Николая (см. фото на 3-й странице обложки).

Довольно оригинальна архитектура этой церкви. Украшением ее служит высокая восьмигранная колокольня в виде шатра, расположенная с правой стороны от входа в церковь. Каждая грань колокольни разделена медной вызолоченной оправой, а между оправами находятся маленькие часовенки с позолоченными куполами и крестами. Над входом в храм — изображение Святителя Николая, а в средней части колокольни — святого благоверного князя Александра Невского. С северо-западной стороны к церкви примыкает часовня во имя святого Архистратига Михаила. На ней помещены две мраморные мемориальные доски с надписями. На одной начертано: «Церковь Св. Николая — самая древняя в г. Вильне, почему, в отличие от других Николаевских, называлась великою. Вторая жена Ольгерда, Юлиания Александровна, княжна Тверская, около 1350 года, вместо деревянной воздвигнула каменную. В 1514 году князь Константин Иванович Острожский вновь отстроил оную с основания. Доведенная во время унии до грустного уничтожения, она в 1865 году... возобновлена благолепно на добротные пожертвования всей Русской земли». На другой: «Часовня сия, во имя Архистратига Михаила, воздвигнута в 1865 году, во время возобновления церкви Св. Николая...»

Во время вражеских нашествий на Литву литовцы объединялись с русскими против общего врага, соглашаясь жить под управлением одного князя: литовского или русского. С русскими и пришло в Литву христианство. В Хронике епископа Петра Камераневского есть прямое указание на то, что в Литву еще в 11-м столетии русские принесли христианскую веру (Акты Виленской Археографической комиссии, т. XX, 1893, стр. 551. Архим. Иосиф (Соколов). Островоротная, или Остробрамская, икона Богородицы в Вильне. Историч. исследов. 1890.)

С начала появления здесь христианства население относилось с глубоким почитанием к памяти Святителя и Чудотворца Николая. Он считался защитником города Вильны. Потому-то первый православный храм в Вильне был построен в честь его имени (Добрянский. Старая и Новая Вильна. 1883, стр. 152. П. Н. Батюшков. Исторические судьбы Северо-Западного края. Часть 2. СПб., 1890, Виленский календарь за 1892 год, стр. 191).

Одно из древнейших упоминаний о Никольской церкви в Вильне находится в грамоте митрополита Киевского Иосифа (Солтана) виленским мещанам (1511 г.). Из грамоты видно, что эта церковь при западнорусских митрополитах находилась в ведении виленских мещан, которые испрашивали у митрополита священника и сами «вводили его во владение церковью», по тогдашнему выражению — «подавали ключи и увязывали».

Никольская церковь воздвигнута при основателе Вильны — Гедимине (1315—1340) на месте православного молитвенного здания. Сначала она была деревянная, а затем на ее месте была построена каменная церковь. К началу 16-го столетия последняя сильно обветшала. По закону князя Казимира от 1480 года православным запрещалось строить новые и починять старые храмы, и Никольской церкви угрожало полное разрушение. Но в 1514 году князь Константин Острожский за заслуги перед государством исходатайствовал у Сигизмунда I грамоту, которою ему разрешалось построить в Вильне две каменные церкви. В том же году он и возобновил два совершенно обветшавших храма: храм Троицкого монастыря и Никольскую цер-

ковь (Собрание древних актов Вильны. 1843, т. II, стр. 14. Архим. Иосиф, цит. соч., стр. 337).

После введения унии в 1596 году Никольская церковь становится центром, объединяющим православных виленцев в борьбе с унией. В конце 1608 года они собрались здесь и перед Крестом и Евангелием дали клятву не признавать униатского митрополита и неизменно пребывать во Святом Православии (Архим. Иосиф, цит. соч., стр. 336).

В 1609 году последовало королевское приказание передать все православные церкви униатскому епископу Ипатию Поцею. В связи с этим протопоп Варфоломей Жашковский собрал все ценности кафедрального Успенского Пречистенского собора, в том числе чудотворную икону Божией Матери «Одигитрии», дар собору от супруги великого князя Литовского Александра — Елены, дочери Московского великого князя Иоанна III, и перене их в Никольскую церковь в надежде при содействии преданных Православию виленцев отстоять эту святыню. (Успенский Пречистенский собор основан в 1346 году при князе Ольгерде — который и погребен был в нем, — а освящен Святителем Алексием, епископом Владимирским, впоследствии Митрополитом всея Руси.) Долго и мужественно отстаивали православные Никольский храм, но 27 июня 1609 года им пришлось его сдать вооруженным королевским отрядам. Церковь святителя Николая перешла в ведение униатского епископа и принадлежала униатам до 1840 года (Добрянский, цит. соч., стр. 152. О. В. Щербицкий. Св.-Николаевская-Перенесенная церковь в г. Вильне, 1908). Вместе с церковью была взята епископом Ипатием Поцею и чудотворная икона «Одигитрии».

Когда Троицкий монастырь в Вильне заняли базилиане, члены греко-униатского монашеского ордена во имя Святителя Василия Великого, православные перенесли в церковь Святителя Николая и Островоротную (Остробрамскую) икону Божией Матери, где она оставалась до времени насильственного захвата церкви униатами. Ныне эта икона находится на «Острых воротах» Вильнюса и очень почитается виленцами.

С 1828 года церковь Святителя Николая была приписана к Троицкому монастырю. С 1841 года, после перехода в руки православных, она числилась за кафедральным собором.

Самостоятельной приходской церковью Никольский храм становится в 1845 году, и тогда же к нему была приписана Пятницкая церковь, основанная первой супругой Ольгерда — Марией Ярославной Витебской, которая и погребена была в этой церкви.

Церковь Святителя Николая имела в это время крайне запущенный вид. Храм был застроен со всех сторон домами и разными хозяйственными пристройками. Лишь его высокая красивая колокольня указывала место его нахождения. Иконостас представлял собой старую, сколоченную из досок перегородку. И только благодаря стараниям митрополита Иосифа (Семашки) здание несколько подновили снаружи и внутри, устроили новый иконостас, установили печи и сделали новый деревянный пол. В таком виде церковь оставалась до 1863 года.

С 1828 года настоятелем Никольской церкви был о. Михаил Кириллович Бобровский, известный ученый славист, магистр философии и богословия, профессор герменевтики Виленского университета и духовной семинарии, член разных ученых обществ и учреждений, отечественных и заграничных, «украшение университета» и «светоч иерархии» Греко-униатской Церкви (Архим. Иосиф, цит. соч., стр. 415. Щербицкий, цит. соч., стр. 48). Будучи униатом, он сохранял, однако, порядок восточного православного богослужения и учил ему своих учеников. Такое воспитание будущих пастырей облегчило впоследствии воссоединение униатского духовенства с Православием. Первым православным настоятелем в Никольской церкви был в 1845

году протоиерей Плакида Гаврилович Янковский, председатель православной консистории, магистр богословия, известный своими учеными богословскими статьями.

Никольская церковь перенесла все бедствия, постигавшие Вильну от нашествия неприятелей и от опустошительных пожаров, особенно в 1610 году. В это время сгорели почти все православные храмы. Церковь Святителя Николая сильно страдала от пожаров и в 1747 и 1748 гг. В конце 1863 года были снесены постройки, окружавшие церковь. С улицы была устроена чугунная ограда. В 1865 году при церкви построена часовня в честь Архистратига Михаила.

8 ноября 1866 года состоялось торжественное освящение храма. При восстановлении церкви на ее стенах были обнаружены редкостные детали готического способа кладки кирпича XV—XVI веков, времен Ренессанса. Иконостас храма — дубовый, с резными узорами и колоннами. Из всех икон своей художественной ценностью выделяются две — образ Святителя и Чудотворца Николая и образ святого великомученика и целителя Пантелеимона, привезенный с Афона в 1895 году. Стены декорированы художественным орнаментом. В окнах — цветные витражи с рисунками и крестами, в свинцовых оправах. Пол мраморный, печи облицованы художественным изразцом.

Часовня также красива и вполне гармонирует с храмом. При входе помещено изображение Архистратига Михаила. Икона эта сделана из мозаики в петербургской мастерской Академии художеств и представляет большую художественную ценность. Вокруг иконы скульптурные орнаменты, художественно расписанные и с позолотой. Направо и налево от этой иконы в симметрично установленных резных киотах помещены иконы святых. В нижней части купола — изображения ангелов. В промежутках — прекрасные лепные радиусы, сливающиеся в разноцветную звезду. Над входной дверью часовни, в полукружии, воспроизведен стих книги пророка Даниила «И се, Михаил, один от старейшин первых, прииде помози нам» (10, 13). Часовня освящена 8 ноября 1869 года.

В церкви хранилась частица святых мощей великого угодника Божия Святителя и Чудотворца Николая, принесенная из города Бар (Италия). Она была изъята униатами.

В церкви были погребены и нетленные мощи святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, пострадавших за веру Христову при князе Ольгерде в 1347 году. Сейчас их святые мощи почивают в пещерной церкви виленского Свято-Духова монастыря.

В церкви находились также мощи «благословенного Иоанна Контрыма, пресвитера», обретенные в 1781 году в подвале полуразрушенной Воскресенской церкви, в которой он был священником. В настоящее время мощи его также почивают в Свято-Духовом монастыре.

* * *

Со времени последнего ремонта церкви прошло много лет, и она постепенно ветшала. Годы фашистской оккупации внесли свою долю разрушений: не стало церковной ограды, на стенах оказались выбоины, продырявлен был купол часовни, выбиты два витражных окна. Печи давно перестали обогревать древние стены, церковь сырела.

Благодаря заботам Святейшего Патриарха Алексия в 1952 году церковь Святителя Николая была обновлена и приведена в благолепный вид.

В период с 1963 по 1966 год в храме производился капитальный ремонт: заново была перекрыта вся крыша с заменой стропил, проведено местное центральное отопление, стены снаружи выкрашены масляной краской, вновь отлита по первоначальному образцу и постав-

лена на гранитном фундаменте чугунная ограда. Особенно большая работа была проведена по восстановлению колокольни. Весь шатер ее перекрыт железом с частичной заменой железного каркаса. Восстановлены медные с позолотой оправы, разделяющие грани.

Ко дню столетия возобновления храма (1866—1966), молитвенно отмеченному прихожанами 19 декабря 1966 года, над входом в храм была воздвигнута вновь написанная икона Святителя Николая.

**Протоиерей Максимилиан Никонюк-Оренбургский,
настоятель виленской Никольской церкви**

АРХИЕПИСКОП ДИОНИСИЙ

12 сентября 1967 года, на 85-м году жизни, скончался пребывавший на покое архиепископ Дионисий, бывший Сан-Францисский и Калифорнийский (в миру Дмитрий Иванович Дьяченко).

Родился он в станице Тифлисской, Кубанской области, в семье диакона. В 1905 году окончил Ставропольскую духовную семинарию, в 1909 году — Казанскую духовную академию. За курсовое сочинение «Гипноз как средство нравственного воспитания» Совет академии присвоил Дмитрию Дьяченко степень кандидата богословия.

С 1909 по 1911 год Дмитрий Иванович слушал лекции в Петербургском Археологическом институте, в 1912 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1911 года Дмитрий Дьяченко был столоначальником в Петербургской православной духовной консистории. В марте 1914 года он был назначен преподавателем Александровской духовной семинарии во Владикавказской епархии. В июле 1914 года был рукоположен во диакона, а через несколько дней — во иерея. С того же времени исполнял обязанности настоятеля Михаило-Архангельского кафедрального собора в г. Владикавказе и к празднику Рождества Христова того же года был возведен в сан протоиерея. Осенью 1917 года о. Дмитрий выехал в Маньчжурию, где служил на приходе в Саманном городке, близ Харбина, а с 1930 года — в кафедральном соборе в Шанхае.

В 1935 году протоиерей Дмитрий принял монашество с именем Дионисий и к Пасхе того же года епископом Шанхайским Иоанном (Максимовичем) был возведен в сан архимандрита. В 1941 году архимандрит Дионисий по приглашению митрополита Феофила (Пашковского) выехал в США. Там он занимал различные церковно-административные должности в Митрополичьем округе.

В декабре 1947 года архимандрит Дионисий был хиротонисан архiereями этого округа во епископа Питтсбургского и Вест-Вирджинского. 17 декабря 1956 года он, будучи епископом Чикагским, подал прошение Святейшему Патриарху Алексию о принятии в лоно Матери-Церкви. Решением Святейшего Патриарха и Священного Синода от 5 января 1957 года епископ Дионисий по принесении покаяния был принят в патриаршую юрисдикцию и назначен заместителем Экзарха Московской Патриархии в Америке с титулом епископа Нью-Йоркского. Святейший Патриарх Алексей писал епископу Дионисию: «Радуюсь воссоединению Вашего Преосвященства. Братски приветствуем Вас. Желаем благословенного успеха Вашим трудам в лоне Матери-Церкви...» Отвечая Святейшему Патриарху, епископ Дионисий от своего имени и от церковного комитета и сестричества телеграфировал: «Ваше Святейшество! Любовь и доверие, проявляемые Вами ко всем, и милость к моему недостоинству побуждают нас благодарно склониться перед Вами... Торжественно обещаем оправдать Ваши ожида-

...о наших трудах в Америке во славу Божию, на пользу нашей родной Матери-Церкви...» 29 января 1957 года епископ Дионисий, во внимание к занимаемой им должности, был возведен Святейшим Патриархом Алексием в сан архиепископа.

В декабре 1958 года архиепископ Дионисий был назначен на Сан-Францисскую кафедру. Тогда же он был удостоен права ношения креста на клобуке. В октябре 1960 года архиепископ Дионисий просил уволить его на покой «по состоянию здоровья, затрудняющему ему выполнять обязанности по управлению епархией».

Преосвященный Дионисий скончался в Сан-Франциско. Святейший Патриарх Алексий выразил соболезнование по поводу его кончины и благословил совершить погребение епископу Бруклинскому Досифею.

В Свято-Николаевском соборе в Сан-Франциско в субботу 16 сентября епископ Досифей, в сослужении настоятеля собора архимандрита Марка и других священнослужителей Патриаршего Экзархата, совершил отпевание почившего архипастыря.

Вечный покой усопшему архиепископу Дионисию и вечная ему память!

В. Овсянников

ИЗ ЖИЗНИ ЕПАРХИИ

Ленинградская епархия. 9 августа 1967 года митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим совершил всенощное бдение в Смоленской церкви в Ленинграде, а 10 августа — там же Божественную литургию. 9 октября он совершил Божественную литургию в храме св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Ленинградской духовной академии и семинарии. 21 октября митрополит Никодим возглавил всенощное бдение в храме Ленинградской духовной академии, за которым состоялось наречение архимандрита Гедеона (Докукина) во епископа, а 22 октября служил Божественную литургию в Троицком соборе в Александро-Невской Лавре и совершил хиротонию архимандрита Гедеона во епископа Смоленского и Вяземского. В наречении и хиротонии принимали участие архиепископы Таллинский и Эстонский Алексий, Новосибирский и Барнаульский Павел, епископы Симферопольский и Крымский Антоний, Дмитровский Филарет, Пермский и Соликамский Иоасаф. 3 и 4 ноября Владыка митрополит совершил всенощное бдение с акафистом и Божественную литургию в Князь-Владимирском соборе в Ленинграде. 5 ноября вечером он совершил всенощное бдение с акафистом в Троицкой церкви («Кулич и Пасха») в Ленинграде пред иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». 12 декабря митрополит Никодим совершил монашеский постриг — с наречением имени Дамаскин — студента II курса Ленинградской духовной академии Алексея Бодрого, а 17 декабря служил литургию в Троицком соборе в Александро-Невской Лавре, за которой рукоположил во иеродиакона монаха Дамаскина. Вечером в тот же день в Иоанно-Богословском храме академии он совершил монашеский постриг студента II курса академии Николая Кузьмина с наречением ему имени Гурий, а 19 декабря за Божественной литургией в Николо-Богоявленском кафедральном соборе хиротонисал его во иеродиакона. 31 декабря Владыка митрополит совершил Божественную литургию в Покровской церкви пос. Рошаль, Гатчинского района, где был отмечен 75-летний юбилей настоятеля храма протоиерея Петра Белавского возложением на него Патриаршего голубого креста.

К назначению митрополита Ленинградского и Ладожского Никодима управляющим Новгородской епархией. Вступивший по определению Святейшего Патриарха и Священного Синода в управление Новгородской епархией митрополит Ленинградский Никодим прибыл в древний Новгород 23 декабря 1967 года. На новгородском вокзале Владыку встречали председатель Епархиального совета протоиерей Иосиф Потапов и секретарь Епархиального совета протоиерей Анатолий Малинин. Митрополит Никодим с вокзала направился в храм св. апостола Филиппа. Там был совершен молебен перед мощами святого епископа Никиты — одного из самых чтимых новгородских святителей. Несмотря на ранний час, в храме собралось много верующих новгородцев, чтобы вместе со своим новым архипастырем испросить милости и благословения великому Новгороду, предстоятелю, клиру и всей пастве Земли Новгородской. Настоятель храма прот. А. Малинин встретил Владыку сердечным приветствием. Митрополит Никодим, отвечая ему, сказал о своем волнении при вступлении на славный архиерейский престол древнего русского города; затем совершил молебен, а затем приветствовал паству и преподал каждому благословение.

Вечером того же дня было совершено торжественное всенощное бдение. Соборное служение при участии многочисленного духовенства, большое стечение верующих, проникновенное пение соборного хора новгородским распевом, уставная архиерейская служба создали особый духовный подъем. Под старинными сводами новгородского храма как-то особенно благоговейно переживались глубина и величие общей молитвы и религиозного чувства православных людей. Во время этого богослужения был впервые произнесен новый титул митрополита по прежней традиции: по благословению Святейшего Патриарха Алексия Владыка поминался как митрополит Новгородский и Ленинградский. Это новое именование употребляется только в пределах Новгородской епархии. За вечерней перед возгласом «Благословение Господне на вас...» митрополит произнес поучение. После всенощной он еще раз приветствовал паству, просил ее молить и призвал на всех Божие благословение.

На следующий день, в воскресенье 24 декабря, митрополит Никодим совершил Божественную литургию, а вечером читал акафист святителю Никите. Владыке митрополиту сослужило местное духовенство при большом стечении народа. За каждой службой Владыка говорил слово назидания.

Владимирская епархия. 28 января 1968 года архиепископ Владимирский и Суздальский Онисим совершил Божественную литургию и всенощное бдение накануне в Христорождественском соборе г. Коврова. За литургией архипастырь произнес поучение о силе веры на слова евангельского чтения: «Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя... Прозри: вера твоя спасе тя» (Лк. 18, 38, 42). После литургии архиепископ Онисим преподал благословение всем молящимся.

Днепропетровская епархия. Епископ Симферопольский и Крымский Антоний, управляющий Днепропетровской епархией, в праздник Рождества Христова совершил всенощное бдение и Божественную литургию в Троицком кафедральном соборе г. Днепропетровска. На второй день праздника он служил Божественную литургию в Покровском соборе г. Запорожье, а на третий день — в Вознесенском молитвенном доме г. Кривой Рог. За богослужениями архипастырь произносил поучения на праздничные темы и благословлял верующих.

Ивано-Франковская епархия. Праздник Успения Божией Матери в Ивано-Франковске отмечается с особой торжественностью. Верующие города и окрестностей собираются в этот праздник в кафедральный собор на молитву, согласно древней традиции празднования Успения, как храмового праздника города. 27 августа 1967 года праздничное всенощное бдение возглавил архиепископ Ивано-Франковский и Коломыйский Иосиф. Он же совершил и позднюю литургию в день праздника. 19 сентября архиепископ Иосиф посетил г. Снятин, где когда-то на протяжении 12 лет был благочинным. Здесь Владыка совершил всенощное бдение и Божественную литургию. 14 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Владыка Иосиф посетил с. Саджавка, Коломыйского района, где в сослужении местного духовенства совершил Божественную литургию, а 22 октября посетил с. Печенижын, того же района, и освятил в местном храме новосооруженный престол, а затем совершил Божественную литургию. В день празднования памяти святой Параскевы архиепископ Иосиф посетил с. Шевченково и в местном храме совершил Божественную литургию и водосвятный молебен.

Архиепископ Иосиф посетил также приходы в Новоселицах, Подмыхайле, Рогатине и других местностях Ивано-Франковской епархии, где при стечении большого числа верующих совершал архиерейские богослужения, послужившие еще большему молитвенному единению православных верующих, а для еще невоссоединившихся — убедительным свидетельством красоты и величия православного богослужения.

При всех посещениях Владыка Иосиф обращался к верующим с поучениями, в которых разъяснял значение общественной молитвы и призывал быть верными детьми Русской Православной Церкви, говорил о необходимости расширения и укрепления экуменического движения, о большом престиже и выдающейся роли во всем христианском мире Русской Православной Церкви во главе с ее Святейшим Кормчим, призывал молиться о мире во всем мире.

Пермская епархия. В субботу 9 декабря 1967 года, по случаю престольного праздника в честь иконы Божией Матери «Знамение» в Знаменской церкви в с. Большое Городище, Соликамского района, епископ Пермский и Соликамский Иоасаф совершил всенощное бдение, а в самый праздник — Божественную литургию. За литургией Владыка обратился к верующим с поучением о любви христианской. По окончании литургии он совершил молебное пение Матери Божией и преподавал верующим благословение. В этот же день Владыка посетил церковь во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в с. Морчаны.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОЧИВШИМ!

14 сентября 1967 года, после непродолжительной тяжелой болезни, на 80-м году жизни, в больнице г. Иознсу (Финляндия) скончался игумен Валаамского монастыря о. Нестор.

Игумен Нестор (в миру Иаков Григорьевич Киселенков) родился в Калужской губернии в благочестивой крестьянской семье. По окончании школьного обучения он некоторое время помогал родителям в их хозяйственных трудах. Глубокая религиозная настроенность, любовь к храму Божию и тогда уже обнаружившийся интерес к церковному пению определили дальнейший жизненный путь 18-летнего юноши Иакова.

Получив родительское благословение, он отправился на Валаам, в обитель, известную строго духовной жизнью опытных старцев. Туда прибыл он 21 июня 1905 года. Число братьев достигало тогда более 1500 человек. То было время расцвета духовной жизни Валаамской обители. Во многих келлиях не угасали молитва и духовные подвиги их насельников, а в многочисленных монастырских скитах и просто в лесных хижинах жили невидимые миру подвижники.

К такому духовному подъему монастырской жизни располагали, служа в этом отношении назидательным примером, и сами выдающиеся игумены того времени — о. Пафнутий, о. Виталий и в особенности игумен Маврикий, делатель непрестанной молитвы Инсусовой, отличавшийся особой высотой духовной жизни. Все это, несомненно, оказывало благотворное влияние и на искавшего образца иноческой жизни юношу Иакова. Шесть лет трудился брат Иаков на разных монастырских работах, по указанию монастырского начальства. И только 1 ноября 1911 года он стал послушником и был отдан под наблюдение и духовное руководство одного из опытных старцев. 15 ноября 1918 года в церкви при архиерейском доме в Выборге послушник Иаков был пострижен в мантию с наречением ему имени Нестор, а 15 ноября 1922 года архиепископом Финляндским и Выборгским Серафимом был рукоположен во иеродиакона. С 1917 по 1924 год о. Нестор исполнял разные послушания в монастырской малярной и на клиросе, проживал в скиту преподобного Германа и в архиерейском доме в Выборге и в архиерейской церкви был певчим и канонархом, а также принимал участие в совершении богослужений и в качестве иподиакона.

29 июня 1926 года архиепископом Финляндским Германом иеродиакон Нестор был рукоположен во иеромонаха, причем на него монастырским начальством были возложены и новые послушания. Обладая небольшим, но приятного тембра тенором, о. Нестор становится постоянным певчим, а позднее — и регентом монастырского хора

на левом клиросе. Кроме того, несет он и обязанности чередного священнослужителя. Во всех своих многочисленных монастырских трудах и послушаниях о. Нестор был образцовым их исполнителем, в поощрение чего был награжден золотым наперсным крестом ко дню Святой Пасхи в 1943 году.

На братском собрании Валаамского монастыря (уже после эвакуации монастыря во время войны 1939/40 г.) 12 декабря 1948 года о. Нестор был избран благочинным монастыря, а 24 августа 1949 года — казначеем. По кончине игумена Иеронима о. Нестор в июне 1952 года был избран братией монастыря на должность настоятеля, а 26 июля 1952 года был утвержден в этой должности архиепископом Германом.

24 октября 1952 года в Николо-Богоявленском кафедральном соборе в Ленинграде митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий возвел иеромонаха Нестора в сан игумена с правом носить митру (привилегия валаамских игуменов), возложил на него игуменский крест и палицу и вручил ему игуменский посох.

В течение 15 лет о. Нестор управлял Валаамской обителью в ее уже новом местопребывании (Новый Валаам), в глубине Финляндии, в одном из ее приходов, в Куопиоской губернии, расположенном на мысе Папинниеме.

Еще на старом Валааме у о. Нестора обнаружались признаки болезни ног, которая с годами все больше давала себя чувствовать, вследствие чего во вторую половину своей жизни в монастыре, в особенности в последние три года, он почти не мог совершать богослужения, исполняя, однако, послушание теще и певца до самого последнего дня — 5 сентября 1967 года, когда неожиданный приступ острого заболевания желудка вынудил его прибегнуть к операции, после которой он скончался.

Шестьдесят два года подвигом добрым подвизался игумен Нестор как на старом, так и на Новом Валааме. По свидетельству насельников обители Валаамской, о. Нестор всю свою долгую монашескую жизнь прожил со всеми в мире и согласии и за свой тихий, кроткий нрав пользовался неизменной любовью и уважением со стороны монастырской братии и многочисленных паломников-богомольцев и посетителей Валаама. Он для всех был добрым и милостивым отцом и усердно трудился всю свою жизнь для дорогой его сердцу Валаамской обители.

18 сентября 1967 года состоялось погребение почившего о. игумена. В 5 часов утра была совершена заупокойная литургия, в которой приняли участие благочинный монастыря иеромонах Симфориан, настоятель церкви в г. Хяменлиина протоиерей А. Касанко, священник Покровского прихода в Хельсинки о. Н. Старостин, монастырский архидаккон о. Виктор и иеродиакон Мефодий. По окончании литургии тем же духовенством было совершено отпевание по монашескому чину. За литургией и отпеванием присутствовали Высокопреосвященный Павел, Архиепископ Карельский и всей Финляндии, представители духовенства Финляндской Православной Церкви, монастырская братия, друзья и почитатели почившего о. игумена.

По воздании последнего целования умершему гроб с телом о. игумена был отнесен на братское кладбище и опущен в очередную могилу. Архиепископ Павел совершил краткую литию и совместно с протоиереем Е. Пийройненом и диаконом Ф. Макконею возложил венки на могилу о. Нестора от имени Церковного управления Финляндской Православной Церкви. Священник Р. Линту от имени всех многочисленных почитателей почившего о. игумена возложил на его могилу букет живых цветов.

Так закончил свой земной подвижнический путь смиренный инок и благостный старец-игумен Нестор.

Да упокоит Господь его душу в светлых райских обителях, и да услышит он там призывающий, вводящий в вечность любвеобильный глас Пастыреначальника Христа: «Добре, рабе благий и верный! О мале был еси верен, над многими тя поставлю. Вниди в радость Господа твоего» (Мф. 25, 21).

Протоиерей Георгий Павинский

Хельсинки, Финляндия

Митрофорный протоиерей **Иоанн Фаддеевич Цитович** скончался 30 декабря 1967 г., на 87-м году жизни, в м. Лужках, Глубокского благочиния, Минской епархии. Прослужил он в священном сане 47 лет. С 1961 года находился за штатом.

БЕСЕДА СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО О ПОСТЕ*

Сказано: *утешайте, священницы, люди, глаголите во уши Иерусалиму* (Ис. 40, 1). Таково свойство слова, что его достаточно и к усилению стремления в прилежных, и к возбуждению охоты в нерадивых и ленивых. Посему военачальники, поставив войско в строй, перед вступлением в битву говорят увещательные речи, и увещание имеет такую силу, что во многих производит часто даже презрение к смерти. А искусные в телесных упражнениях и обучающие оным молодых людей, когда выводят борцов на поприще для подвигов, много убеждают их в необходимости трудиться для венцов, и многие, вняв убеждениям, не щадят тела из соревнования о победе. Потому и мне, который Христовых воинов устрою на брань против невидимых врагов и подвижников благочестия воздержанием приготавливаю к венцам правды, необходимо увещательное слово.

Итак, что говорю я, братия? Кто упражняется в военном деле, кто занимается телесными упражнениями, тем свойственно укреплять свою плоть обилием пищи, чтобы с большими силами приниматься за труды, но у кого *несть брань к крови и плоти, но к началом, ко властем, к миродержителем тьмы сея, к духовом злобы* (Еф. 6, 12), тем необходимо приготавливаться к подвигу воздержанием и постом. Ибо елей умащает борца, а пост укрепляет подвижников благочестия. Поэтому, сколько отнимешь у плоти, столько придашь душе, чтобы сиять ей духовным здравием, потому что не телесными силами, но постоянством души и терпением в скорбях одерживается победа над невидимыми врагами.

Полезен пост во всякое время для подъемлющих его, потому что на постящегося не смеют нападать демоны, охранители же жизни нашей — ангелы деятельнее пребывают с теми, которые очистили душу постом.

Но гораздо более полезен он ныне, когда во всей вселенной возвещается о нем проповедь. И нет ни одного острова, ни твердой земли, ни города, ни народа, ни отдаленного края, где не была бы слышна сия проповедь; напротив того, все равно слышат и с радостью принимают повеление. Посему никто не исключай себя из списка постящихся, в который вносятся все роды людей, все возрасты, все различия чинов. Ангелы в каждой церкви записывают постящихся. Смотри же, ради кратковременного наслаждения яствами, не лишись ангельской записи, и пред тем, который набирает воинов, не окажись виновником в побеге из воинского строя. Меньше опасности, если кого обличат, что бежал с сражения без щита, нежели когда окажется, что бросил великое оружие — пост. Притом, когда предписан дальний поход, воины запасаются необходимым, а не тем, что служит к роскоши; и нам, которые выходим против невидимых врагов и после победы над ними поспешаем к горнему отечеству, не гораздо ли более прилично, как живущим в воинском стане, довольствоваться самым необходимым? *Злопостражди, яко добр воин* (2 Тим. 2, 3), и подвизайся законно, чтобы тебе быть увенчанным, зная, что *всяк подвизаясь от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25).

* Печатается в сокращении.

Но не должно оставлять без внимания и того, что пришло мне на мысль недавно, пока говорил я сие, а именно: мирским воинам, по мере трудов, увеличивают выдачу жизненных припасов; а духовные воины, чем у кого меньше пищи, тем больше имеют достоинства. Ибо как шлем наш различной природы с тленным: вещество последнего — медь, а наш составлен из надежды спасения (1 Фес. 5, 8); и щит у них сделан из дерева и кожи, а у нас щит — твердыня веры; мы облечены и броней правды (Еф. 6, 14), а они носят на себе какую-то кольчугу; и мечом нашим при защите служит меч духовный, а они защищаются мечом железным. Так, очевидно, не одни и те же снеди придают силу тем и другим, — но нас укрепляют догматы благочестия, а для них нужно насыщение чрева. Итак, поелику возвращающийся круг времени привел к нам сии многожеланные дни, примем их с радостью, как древних своих воспитателей, чрез которых Церковь воздоила нас для благочестия. Поэтому, намереваясь поститься, не будь уныл по-иудейски, но покажи себя веселым по-евангельски (Мф. 6, 16), не оплакивая скудость желудка, но радуясь душою о духовных наслаждениях. Ибо знаешь, что *плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 17). Поелику же *сия друг другу противятся*, отнимем у плоти ее наслаждение, приумножим же душевную силу, чтобы, с помощью поста одержав победу над страстями, увенчаться нам венцами воздержания.

Поэтому приготовь уже себя, чтобы стать достойным достоцимейшего поста, и сегодняшним пьянством не порти завтрашнего воздержания. Потому что в душу, оскверненную пьянством, не войдут пост и молитва. Постящегося приемлет Господь внутрь священных оград, но не допускает упивающегося, как скверного, чуждого святыни. Если завтра придешь, издавая от себя запах вина, и притом перегнившего, то ужели пьянство твое вменю тебе в пост? Рассуждай не о том, что недавно не вливал ты в себя вина, но о том, что не очистился еще от вина. Куда причислю тебя? К упивающимся или к постникам? Предшествовавшее пьянствование присволяет тебя себе, а настоящее неядение свидетельствует о посте. Пьянство оспаривает тебя, как своего невольника, и по праву не отступается от тебя, представляя ясные доказательства твоего рабства, — именно запах вина, оставшийся в тебе, как в бочке. Так первый день поста не будет у тебя истинным постным, потому что в тебе хранятся остатки упоения. А где начатки подозрительны, там, очевидно, и все теряет цену. *Пиянцы царствия Божия не наследят* (1 Кор. 6, 10). Если, упившись, приступаешь к посту, что тебе пользы в посте? Ибо, если пьянство заключает для тебя царство, полезно ли уже будет тебе поститься? Не видишь ли, что опытные в обезживании коней, назначенных для ристания, когда ожидают дня ристания, готовят к сему тем, что не дают им корма? А ты намеренно обременяешь себя объядением. Столько преходишь чревоугодием и бессловесных! Обремененное чрево не только к скорости бега, но и к сну неспособно, потому что, стесняемое множеством принятой пищи, не дает лежать спокойно, но принуждает часто ворочаться с одного боку на другой.

Если бы все приняли пост в советники касательно дел своих, ничто не препятствовало бы тогда быть глубокому миру в целой вселенной: народы не восставали бы друг на друга, воинства не вступали бы между собою в сражения. Когда владычествовал бы пост, тогда не ковали бы оружия, не собирали бы судилищ, не содержались бы иные в узах; одним словом: в пустынях не было бы грабителей, в городах — клеветников, на море — разбойников. Если бы все были учениками поста, то, по слову Иова, вовсе не было бы слышно *гласа собирающего дань* (Иов. 3, 18). Пост научил бы всех не только воздержанию от яств, но и совершенному удалению и отчуждению от сребролюбия, любостыжательности и всякого порока, по истреблении которых ничто не препятствовало бы нам проводить жизнь в глубоком мире и душевном безмятежии.

Пост — уподобление ангелам, сожитель праведным, обучение целомудренной жизни. Пост Моисея сделал законодателем. Плод поста — Самуил. Постящаяся Анна молилась Богу: *Адонаи Господи, Елои Саваоф! аще, призирая, призриши на рабу Твою, и даси мне семя мужеско, то дам е́ пред Тобою в дар: вина и сикера не испиет до дня смерти его* (1 Цар. 1, 11). Постом воздоев великий Сампсон; и пока не разлучен был с ним пост, враги падали тысячами, городские врата исторгались, и львы не выдерживали крепости рук его. Но когда овладели им пьянство и блуд, — уловлен он nepřиятелями, и лишенный очей выставлен на посмешище детям иноплемеников. Постившийся Илия заключил небо на три года и на шесть месяцев: поелику видел, что от пресыщения рождается много наглости, то по необходимости наложил на них невольный пост — голод, и им остановил без меры уже разлившийся грех их, постом, как бы прижиганием каким или сечением, прервав дальнейшее распространение зла.

Примите пост, бедные, — он разделит с вами и обитель и трапезу. Примите его, богатые, — он уврачует вас от вреда, причиняемого пресыщением, и через перемену сделает более приятным пренебрегаемое по привычке. Примите его, больные, — это мать здоровья. Примите его, здоровые, — это охранитель вашей телесной крепости. Спроси врачей, и они скажут тебе, что крайняя степень здоровья всего опаснее; поему наиболее опытные постом истребляют излишнее, чтобы под бременем утучненной плоти не сокрушились силы. Ибо, воздержанием от пищи намеренно истребив, что превышало меру, дают питательной силе какой-то простор, поддержку и начало к новому приращению.

Так польза поста открыта всякому роду жизни, всякому состоянию тела: пост везде одинаково приличен — и в домах и на торжищах, и ночью и днем, в городах и в пустынях. Поэтому радостно примем пост, который в столь многих случаях доставляет нам блага свои, примем, по слову Господню, *не сетующе, якоже лицемери* (Мф. 6, 16), но и не ухищренно показывая душевное веселие.

И думаю, не столько будет мне труда убедить вас к принятию поста, сколько к удержанию, чтобы кто сегодня не впал в гибельные следствия пьянства, потому что пост принимают многие и по привычке и из стыда друг перед другом. Но боюсь пьянства, которое охотники до вина берегут, как отеческое некое наследие, потому что иные безумцы, как бы собираясь в дальний путь, нагружаются сегодня вином на дни поста. Кто так несмыслен, чтобы, не начав еще пить, безумствовать уже подобно пьяным? Разве не знаешь, что чрево не сохраняет данного ему залога? Оно — самый неверный в договорах союзник. Это — ничего не сберегающая кладовая. Если многое в него вложено, то вред в себе удерживает, а вложенного не сохраняет. Смотри, чтобы тебе, когда придешь завтра с пьянства, не было сказано читанное ныне: *не сицеваго поста аз избрах, глаголет Господь* (Ис. 58, 6). Для чего соединяешь несоединимое? Какое общение посту с пьянством? Что общего между воздержанием и винопитием? *Кое сложение Церкви Божией со идолы* (2 Кор. 6, 16)? Ибо храм Божий — те, в которых обитает Дух Божий, а храм идольский — те, которые через пьянство принимают в себя нечистоты невоздержания.

Нынешний день — преддверие поста. Но осквернившийся в преддверии недостоин войти во святилице. Ни один слуга, желая прийти в милость у своего господина, не употребляет в заступники и примирители его врага. Пьянство — вражда на Бога, а пост — начало покаяния. Посему, если хочешь через исповедь возвратиться к Богу, бегай пьянства, чтобы оно еще более не отдалило тебя от Бога.

Впрочем, для похвального поста недостаточно одного воздержания от яств; но будем поститься постом приятным, благоугодным Богу. Истинный пост — удаление от зла, воздержание языка, подавление в себе гнева, отлучение похотей, злословия, лжи, клятвопреступления. Воздержание от сего есть истинный пост. В этом пост — прекрасное дело. Насла-

димся же *Господеву* (Пс. 36, 4) в поучении словесам Духа, в восприятии спасительных узаконений и во всех учениях, служащих к исправлению душ наших.

Поэтому во все последующие дни будет улаживать вас Дух Святой утренними и вечерними веселиями. Никто да не лишает себя произвольно духовного пира. Все причастимся трезвенной чаши, которую премудрость растворила и равно предложила нам, чтобы каждый почерпал, сколько может вместить. Ибо *раствори чашу свою, и заклá своя жертвенная* (Притч. 9, 2), то есть *пищу совершенных, имущих чувства обучена долгим учением в разсуждение добра же и зла* (Евр. 5, 14). Напитавшись сим изобильно, да обрящемся достойными и радости брачного чертога о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки. Аминь.

(Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. Ч. IV. М., 1846, с. 18—29).

СЛОВО

митрополита Ленинградского и Ладожского НИКОДИМА после вечерни в Прощеное воскресенье *

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

В Послании к евреям св. апостол Павел говорил христианам: «Наставляйте друг друга... ибо мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца» (3, 13—14), т. е. убеждайте друг друга в необходимости сохранить верность Христу, призывайте друг друга неотступно следовать за Ним, просите друг друга не ослабевать в подвиге исполнения Его святых заповедей, ибо только таким путем возможно для нас действительно «облечься в Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 13, 14).

Восходя ныне на эту кафедру для благовестия, и я почитаю своим долгом исполнить апостольское завещание и обращаюсь к вам с наставлением о воздержании, как чрезвычайно важном способе возгревать наше усердие в последовании Христу.

Есть две причины, почему я избрал эту тему для моего слова к вам. Одна заключается в том, что для спасительной жизни по духу воздержание столь же необходимо, как и любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, кротость, милосердие и вера (Гал. 5, 22—23). Вторая состоит в том, что мы готовимся вступить в Святую Четырнадцатую — время внутренней подготовки к празднику Святой Пасхи, которая, согласно древней церковной традиции, требует от нас усиленной молитвы, духовного очищения и разумного воздержания от всего, что может отвлечь от пути Христова.

Славное Воскресение Христа Спасителя открыло нам вход в вечное Его царство (2 Пет. 1, 11). Но невозможно вступить в это царство, не воскреснув духовно, не совлекишись ветхого человека с делами его и не облекшись в нового — по образу Создавшего его (Кол. 3, 9—10).

Именно поэтому в самом акте нашего духовного рождения — в таинстве святого крещения неразрывно сочетаются две вещи: благодатный дар новой жизни во Христе и обещание доброй совести Христу, за нас умершему и воскресшему. «Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились... Мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни» (Рим. 6, 3—4).

* Произнесено в Николо-Богоявленском кафедральном соборе в Ленинграде 12 марта 1967 года.

Приняв крещение, человек еще не становится достойным вечной жизни. Правда, в нем восстанавливается расположение души к добру, желание жить для Христа. Богословы называют это изменение человека к лучшему первоначальным оправданием. Но праведность, полученная в крещении, может быть и утрачена человеком, ибо слишком велик соблазн жить по стихиям мира, а не по Христу (Кол. 2, 8). И тот, кто внимателен к себе, кто проверяет свои мысли и поступки, повергая их суду слова Божия и своей совести, тот часто, к прискорбию своему, видит, как далек он от христианского идеала святости и чистоты. «Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас», — утверждает св. апостол и евангелист Иоанн Богослов (1 Ин. 1, 8).

Правда, в крещении мы освобождаемся от всякой греховной скверны и получаем благодатную помощь для дальнейшей добродетельной и угодной Богу жизни, но «если нужно получить царствие, — говорит св. Иоанн Златоуст, — то недостаточно освободиться от греха, но еще нужно много упражняться и в добродетелях» (На Послание к ефесянам беседа 16, 1. Творения св. Иоанна Златоуста, т. XI., СПб., 1905, стр. 137). «Для сохранения чистоты нам недостаточно только креститься и уверовать, но если мы желаем приобрести совершенную святость, то должны вести достойную того жизнь. А это Бог предоставил нам самим» (На Евангелие от Иоанна беседа 10, 3. Там же, т. VIII, изд. 2. СПб., 1914, стр. 71).

Сын Божий Господь Иисус Христос обращается к нам: «Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое. И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Изъясняя это место, известный русский подвижник епископ Феофан Затворник писал: «Исполнивший все заповеди благоуукрашает свою душу всякими добродетелями и делает сердце свое храмом, достойным быть обителью Господа. Он и вселяется в него тогда. Он в нем бывает с минуты святого крещения и еще приискреннее приобщается с ним во святом причастии. Но, помогая ему в жизни святой, все еще не всецело успокаивается в нем, потому что, пока не водворятся в душе все добродетели чрез исполнение заповедей, — в ней все еще остаются следы страстей... Он и не успокаивается в нем, как бы не доверяя ему и еще только изговоря Себе покойную в нем обитель. Когда же душа освятится добродетелями, тогда уже Он благонадежно входит в нее, как в дом, и обитает спокойно, нетревожимый неприятными Ему движениями греха и страстей» (Письма к одному лицу в Петербурге. СПб., 1881, стр. 26—27).

Православная Церковь с древнейших времен приготовляет христиан к достойному празднованию Святой Пасхи посредством продолжительного сорокадневного поста.

Сама продолжительность его имеет целью напомнить о том духовном подвиге и борении, в котором пребывал в пустыне искушаемый от диавола Господь наш Иисус Христос (Мф. 4, 2).

По учению Православной Церкви, воздержание есть Божественное установление (Мф. 6, 18; 9, 15), соблюдавшееся святыми апостолами (2 Кор. 6, 5) и завещанное Церкви посредством апостольского предания (см. «Апостольские Постановления», кн. 5, гл. 13).

Воздержание в пище имеет целью укрепление духовных сил и достижение внутренней сосредоточенности, создание такого внутреннего настроения души, при котором человек, смиряя себя пред Богом и сознавая свою греховность и недостойность, в то же время делает усилие, чтобы пресечь свою греховную волю и отрешиться от греховных навыков, и хочет решительно пойти навстречу милующей и спасающей благодати Божией.

О целях и значении поста в жизни православного христианина ярко

говорят многие церковные песнопения. Вот одно из них: «Всечестное воздержание начнем светло, лучами сияюще святых заповедей Христа Бога нашего, любви светлостью, молитвы блистаньем, чистоты очищением, благомужества крепостию: яко да светлоносни предварим во святое и тридневное воскресение, осиявающее нетление миру» (седален по 3-й кафизме, понедельник 1-й седмицы).

И в самые дни воздержания и молитвы Церковь напоминает постящимся о том, что истинный пост есть не простое воздержание от пищи, но «зла отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, отлучение похотей» (стихира на стиховне в понедельник вечера 1-й седмицы) и от «всякия вещественныя страсти отчуждение» (стихира на стиховне во вторник вечера 1-й седмицы).

Но с особенной силой глубина чувства православного христианина, проходящего поприще святого поста и покаяния, раскрывается в многократно повторяемой молитве св. Ефрема Сирина, где испрашиваются, как дары милости Божией, плоды покаянного настроения и воздержания.

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Разнообразными способами выражаем мы свое благоговение пред величием Божиим. И в дни, предшествующие Светлому Празднику Воскресения Христова, различным образом совершается подготовка к достойной его встрече. Но за всем этим многообразием форм скрывается одно, для всех святое и обязательное:

— желание проверить нашу верность Господу и испытать свою совесть;

— решимость отказаться от греховных пристрастий, от злых дел, от вражды и неприязни к людям;

— смиренная молитва о нашем внутреннем очищении;

— просьба о помощи свыше в нашем повседневном служении Христу, в исполнении Его заповедей, в борьбе с грехом;

— наконец, смиренное предание себя милосердию Божию в надежде на то, что «Воскресивший Господа Иисуса воскресит чрез Иисуса и нас» (2 Кор. 4, 14).

Да наполняют же эти святые чувства и желания, стремления и надежды наши сердца в предпасхальные дни и недели! Да возгорится в нас огонь Божественной любви к нашему Искупителю, друг ко другу и ко всем, а оставленный нашим Спасителем мир да приносит свои драгоценные плоды в нашей личной, семейной и общественной жизни и во всем мире! Ведь только пребывая в состоянии глубокого мира, можно наиболее успешно совершать свое спасение.

Поэтому при начале нашего подвига молитвы и воздержания во имя любви нашей к Господу Спасителю и нашим ближним по заповеди Его простим искренне и нелицемерно всем людям, сотворившим нам какие-либо обиды или огорчения или раздражившим нас, простим им все во имя всепрощающей любви Божней, сами чистосердечно испросим у всех наших ближних прощение и, так подготовив себя к восприятию божественной благодати, вступим в спасительное поприще Великого поста, веруя и надеясь, что упражнение в подвиге для нас будет свято и спасительно.

Бог же, богатый милостию (Еф. 2, 4), да освятит нас (1 Фес. 5, 23), да поможет нам пребыть пред Ним непорочными (2 Пет. 3, 14), соединенными в любви (Кол. 2, 2)! И мир Божий, который превышает всякого ума, да соблюдет сердца и помышления наши во Христе Иисусе (Флп. 4, 7), Господе нашем! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ МЯСОПУСТНУЮ

Ныне Святая Церковь напоминает нам своим богослужением о последнем суде Христовом, о том нелицеприятном и праведном суде, на котором прочтутся неизгладимые записи на скрижалях нашего сердца и в памяти мира и будет совершен окончательный приговор о нашей вечной участи.

Конечный приговор! Вдумывались ли мы когда-нибудь в это? И произнесен он будет на основании дел нашей земной, временной жизни.

Признаемся сами себе, что вместо серьезного размышления, должного приготовления и горячей молитвы о «добром ответе на страшном Судищи Христове» нашу душу поражает духовная беспечность, вызываемая мыслью о бесконечном Божием прощении. По крайней мере, такое прощение в мыслях своих каждый лелеет и уготовляет себе. Никто не ставит себя по левую сторону, вместе с отвергнутыми и осужденными.

В Божием всепрощении мы измышляем основание для оправдания себя. Бог, говорим мы, есть Любовь, а Любовь не может не простить.

То верно, что прощение возведено всякому грешнику: разбойнику забывается полная злодеяний жизнь, блуднице — ее развращение, мытарю — корыстолюбие... Безмерность Божией прощающей любви апостол выразил в таких словах: «идеже умножится грех, преизбыточества благодать» (Рим. 5, 20). Чем с большей глубины греха поднимается кающийся грешник, тем больше проявление прощающей Любви, тем больше радость Любви.

Но кто может сказать, что он приносит должное покаяние? Где плоды нашего покаяния? Всех нас заключил Господь в неведение о собственной судьбе. Мы словами апостолов, некогда вопрошавших о предателе, взывать должны: не я ли, Господи, не я ли из тех, которые услышат слово отвержения и будут поставлены ошуюю?

Одинаково пагубно как самонадеяние и самопревознесение фари́сея, так равно и отчаяние Иуды. «Трепещу страшнаго дне суднаго», но и «надеюся на милость благоутробия Твоего» — вот образ христианского переживания и христианского жития.

Итак, две возможности предлежат нам — вечная жизнь со Христом в Его Царстве, уготованном от создания мира, или вечное от Него адское отчуждение и духовная смерть. Сейчас мы только пройдем земной наш путь, и каждая из возможностей пока еще в становлении, но одна из них станет для каждого действительностью в страшный час Божия суда. И повествуется нам об этом в сегодняшней притче не с тем, чтобы нас утратить, но чтобы призвать к духовному бодрствованию.

Что же должны делать мы, чтобы избежать гибели? От чего зависит наше спасение?

В этой же притче Господь открывает нам, что дело спасения совершается любовью и делами любви. Он повелевает накормить алчущего, напоить жаждущего, приютить странника, одеть нагого, посетить больного. И это не только телесно, но и духовно. Если же в сердце человека нет любви, то сухими и мертвыми станут для него даже такие христианские добродетели, как правая вера, христианская надежда и молитва. Об этом выразительно говорит апостол Павел: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1—3). Сердца милующего — вот чего хочет от нас Бог.

Но в притче Господа о Страшном суде содержится и еще более поразительная мысль: любовь к ближнему, по словам Христа Спасителя, есть любовь к Нему Самому. Любя ближнего, мы любим Христа. В человеке и через человека мы любим Самого Господа. Этого в смирении своем отрицаются праведники: «Господи, когда мы видели Тебя алчущим и накормили...» (Мф. 25, 37). Этого же в своем ослеплении и ожесточении отрицаются и грешники. Подлинная любовь к ближнему, выражающаяся в делах любви, содержит и тайное ведение Господа и сокровенную любовь к Нему. И многие, не ведая Христа, любят Его и делами своими служат Ему.

Страшен для нас час последнего суда Божия, но страшен только до тех пор, пока в сердце нашем нет любви. «Совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин. 4, 18). И хотя в самой любви нашей к Богу содержится страх Божий, но это не страх раба и наемника, а страх сына, старающегося не оскорбить Бога нарушением воли Его. И эта сыновняя наша любовь может достичь в нас такого совершенства, что будем иметь дерзновение даже «в день суда» (1 Ин. 4, 17). Потому св. апостол Иоанн Богослов, имевший эту совершенную любовь, и восклицает: «Ей, гряди, Господи Инсусе!» (Откр. 22, 20).

Да возгорятся же с новой силой в сердцах наших древние заповеди, на которых зиждутся закон и пророки: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим...» (Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27) и вторая, подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39; Мк. 12, 31; Лк. 10, 27), которую вновь и вновь повторяют нам Христос Спаситель и святые апостолы: «Любите друг друга!» (Ин. 13, 34; 15, 12, 17).

В тайне любви да приблизимся и мы к познанию любви и правды Божией, дабы в ожидании последнего суда звучал в душе нашей постоянный молитвенный призыв: «Воскресни, Боже, суди земли, яко Ты наследуиши во всех языцех».

Протоиерей Владимир Тимаков

ПОУЧЕНИЕ В НЕДЕЛЮ 2-Ю ВЕЛИКОГО ПОСТА

«Ныне время делательное явися, при дверех суд, востанем убо постящися, принесем слезы умиления, милостынями, зовуще: согрешихом паче песка морскаго. Но ослаби, Содетелю всех, яко да примем нетленные венцы».

(Кондак по 3-й песни канона)

Такими трогательными словами ныне напоминает нам Святая Церковь снова и снова о днях Великого поста, чтобы мы не забывали и о суде Божиим, — «при дверех суд», чтобы со слезами умиления проводили спасительные дни поста.

Без постоянства в вере и молитве не достигнем этого!

Это подтверждает и евангельский рассказ, который ныне мы слышали (Мк. 2, 1—12), — об исцелении Господом расслабленного в Капернауме. Он такой яркий, что нетрудно представить себе всю картину: залитую солнцем улицу Капернаума, пёструю толпу теснящегося у дверей дома народа и стоящего в нем посреди, окруженного людьми, великого Пророка, быструю разборку кровли дома и неожиданное появление постели, спущенной к ногам Учителя, с лежащим на ней расслабленным, что взывало к Его состраданию... Наконец, мы слышим великие слова, прервавшие внезапно наступившее молчание: «Чадо, от-

отпускаются тебе греси твои!» (Мк. 2, 5), которые Господь Иисус Христос произнес, «видя веру их», принесших.

Не видим ли мы отсюда, что вера была тем условием, которого ожидал Христос, прежде чем приступить к великому делу милосердия Своего? Можно даже сказать, что Христос, скорее, увидел веру принесших, чем веру самого болящего. Итак, братия, вера друзей послужила к исцелению расслабленного. Здесь разительный пример и для нас. Была бы непоколебимой наша вера, и молитва, выражающая ее, постоянна, и Господь не оставит без утешения любящих Его.

Друзья больного и толпа ожидали слов и поступков, подающих исцеление. Услышали же от Господа сначала обращенные к расслабленному слова: «Чадо, отпускаются тебе греси твои», а затем уже «востани» (Мк. 2, 11) и ходи в обновлении жизни. Видим, что, пока расслабленный лежал у ног Спасителя, он больше думал не об этой своей болезни, а о своей больной совести, скорбел о своих прегрешениях. В этом была тайна души расслабленного, ведомая Исцелителю.

Посмотрим теперь на себя. Не все ли мы до известной степени расслаблены? Усердие к молитве часто незаметно нами утрачивается; духовное зрение наше омрачается; оправдываем мы под разными предлогами свою грехолюбивую жизнь. Совершенно забываем при этом, что необходимо нам и самоиспытание, а главное — раскаяние и исповедание грехов.

Вот обо всем этом особенно напоминают нам и слова приведенной мною церковной песни: «Ныне время делательное явися... встанем убо постящися...». Забвением же своих грехов мы никогда не достигнем духовного умиротворения, удаляясь от Бога.

Чрез искреннее наше покаяние, прощением нам грехов, Господь — Источник жизни и всех благ изливает и в наши души благодать избавления от расслабления греховного. Аминь.

**Михаил,
архиепископ Казанский
и Марийский**

КОММЮНИКЕ ЗАСЕДАНИЯ РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ХРИСТИАНСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«Ищи мира и стремись к нему. Спасите человека — мир возможен» — таков лозунг III Всехристианского Мирного Конгресса, который созывается Христианской Мирной Конференцией в период с 31 марта по 5 апреля 1968 года в Праге. Для изучения состояния подготовки этого Конгресса в Праге в период с 23 по 26 января 1968 года собрался Рабочий комитет ХМК.

В III Всехристианском Мирном Конгрессе примут участие 500 участников со всего мира и 100 наблюдателей, экспертов, гостей и журналистов. Рабочий комитет мог констатировать, что повсюду наблюдается большой интерес к предстоящему Конгрессу. Все меры по подготовке организации и содержания этого крупного экуменического форума осуществлены, и Рабочий комитет с уверенностью готовится к Конгрессу.

Рабочий комитет обменялся также информацией о подготовке содержания III Всехристианского Мирного Конгресса в Церквах-членах и региональных комитетах Христианской Мирной Конференции. Он заслушал сообщения региональных комитетов Великобритании, ГДР, Голландии, Польши, ФРГ, Франции и Швейцарии, сообщения о крупных консультациях по линии ХМК, состоявшихся за последние месяцы на Мадагаскаре и в Японии, и о консультациях по проблемам европейской безопасности. Особое внимание он уделил вопросу сотрудничества с римо-католическими христианами, с которыми он хотел бы в будущем наладить еще более тесную связь. Подробно обсуждался также вопрос вовлечения молодежи в работу Христианской Мирной Конференции.

Ситуация в Греции и ее опасное развитие побудили Рабочий комитет принять специальную резолюцию по этому вопросу. Ввиду продолжающегося напряженного положения на Ближнем Востоке Рабочий комитет решил более интенсивно продолжать в этой связи свою работу по богословским и политическим вопросам. Далее он получил сведения о второй сессии Всемирной Конференции ООН по торговле и развитию на следующей неделе в Нью-Дели и выразил надежду, что Конференция незамедлительно предпримет шаги по расширению и улучшению торговых отношений и помощи между развитыми и развивающимися странами, чтобы преодолеть постоянно растущую пропасть между ними.

В дискуссии, последовавшей за вступительным рефератом президента Движения проф. д-ра И. Громадки о предстоящей ассамблее Всемирного Совета Церквей в Упсале и об особом вкладе, который могла бы внести Христианская Мирная Конференция в рамках экуменической деятельности, Рабочий комитет констатировал, что имеется много задач и требований к Церквам и христианам, особенно в отно-

шении народов «третьего мира» в Азии, Африке и Латинской Америке, которые борются за осуществление справедливого социального порядка. В этой связи Рабочий комитет подчеркивает свою озабоченность трагедией вьетнамского народа и повторяет требование прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, что может послужить условием для начала мирного урегулирования этого конфликта, являющегося кровотокающей раной на теле человечества.

В заключение совещаний Рабочий комитет занимался также и перспективой работы Христианской Мирной Конференции после III Все-христианского Мирного Конгресса, выполнением ею своей задачи христианского миротворческого служения.

Прага,
26 января 1968 года

ЗАЯВЛЕНИЕ РАБОЧЕГО КОМИТЕТА ХРИСТИАНСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Рабочий комитет Христианской Мирной Конференции выражает свою глубокую обеспокоенность по поводу все усиливающегося террора в Греции, осуществляемого режимом фашистской диктатуры, который посягает также на жизнь Православной Церкви Греции и несет страдания всему греческому народу.

Рабочий комитет обращается ко всей христианской общественности во всем мире с призывом о расширении ею своих усилий в поддержку страдающего народа Греции.

Прага,
26 января 1968 года

ТЕЛЕГРАММЫ

**У Тану, Генеральному Секретарю ООН
Ким Ир Сену, Председателю Кабинета министров КНДР
Л. Джонсону, Президенту США**

Инцидент с исследовательским кораблем США перед побережьем Корейской Народно-Демократической Республики вызывает большое беспокойство во всем мире. Рабочий комитет Христианской Мирной Конференции на своем заседании оценил это событие как чрезвычайно серьезное, поскольку оно нестабильную ситуацию в Юго-Восточной Азии делает еще более критической. По этой причине Рабочий комитет просит Ваши Превосходительства со всей энергией выступить за мирное урегулирование этого конфликта.

Мы просим Вас сделать все для спасения мира.

**Рабочий комитет
Христианской Мирной Конференции**

Прага,
26 января 1968 года

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ О ВЕЛИКОМ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИИ

Как сообщалось в нашем журнале (1968, № 1, с. 14), 26 октября 1967 года по инициативе Национального Совета Национального Фронта Демократической Германии в Магдебурге состоялся международный коллоквиум, посвященный значению Великой Октябрьской социалистической революции в борьбе за мир, человечность и социальный прогресс.

Участниками коллоквиума были христианские деятели из Венгрии, ГДР, Польши, СССР, ФРГ и ЧССР. На коллоквиуме присутствовал Геральд Геттинг, заместитель председателя Государственного Совета ГДР и председатель Христианско-Демократического Союза Германской Демократической Республики.

Коллоквиум в Магдебурге (ГДР)

Коллоквиум был открыт приветственным словом Вернера Кирхофа, заместителя председателя Национального Совета Национального Фронта Демократической Германии.

Доклады на тему коллоквиума прочитали д-р Ганс-Дитер Дёпман, доцент богословского факультета Берлинского университета имени Гумбольдта, и А. С. Буевский, секретарь Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата.

В дискуссии выступили земельный епископ д-р Мориц Митценхейм, ГДР, проф. д-р Дьюла Надь, Венгрия, пастор Рудольф Рютер, ГДР, проф. д-р Гастпари, Польша, оберкирхенрат д-р Ганс Карс, ГДР, генеральный епископ д-р Ян Хабада, ЧССР, пастор Эрих Арндт, ГДР, д-р Анезка Эбертова, ЧССР, пастор д-р Вальтер Арнольд, ГДР, Архиепископ Евангелическо-Лютеранской Церкви в Эстонии Альфред Тооминг, СССР, проф. д-р Герхард Бассарак, ГДР.

Заключительное слово произнес Ганс Зейгевассер, государственный секретарь по церковным вопросам ГДР.

Ниже мы публикуем сокращенное изложение докладов д-ра Г.-Д. Дёпмана и А. С. Буевского на тему коллоквиума.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОРЬБЕ ЗА МИР, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Реферат д-ра Ганса-Дитера Дёпмана, доцента богословского
факультета Берлинского университета имени Гумбольдта
(в сокращении)

Представители различных Церквей и конфессий, миряне и люди, облеченные духовным саном, во всё возрастающем числе присоединяются к тому и требуют того, что нашло свое воплощение в Великой Октябрьской социалистической революции, к тому всколыхнувшему весь мир событию, благодаря которому начался процесс, который в течение пятидесяти лет привел не только к принципиальному обновлению жизни в целом ряде государств, но и, кроме того, находит продолжительный отзвук в тех частях мира, где полагали, что Октябрьскую революцию можно просто игнорировать или даже исключить. То, почему это так происходит, объясняют нам слова русского митрополита Никодима, сказанные им недавно в беседе с епископом Земли Тюрингии М. Митценхеймом и характеризующие *tertium comparationis* (общее между двумя членами сравнения.—*Ред.*) двух больших юбилеев, совершившихся в 1967 году: «В период Реформации, как и в период Октябрьской революции, речь шла о свободе человека». А епископ Митценхейм дополнил это утверждение следующими словами: «Я полагаю, что это правильные слова, над которыми мы должны задуматься. Освобождение человека от средневековой церковной законности и от эксплуатации и угнетения очень глубоко связано одно с другим».

То, что уже являлось существенным компонентом в событиях Реформации 16-го столетия, было осуществлено марксистами благодаря Великой Октябрьской социалистической революции, основавшей новый общественный строй, единственная цель которого — помочь человеку достигнуть истинно достойного его бытия.

Благодаря освобождению трудящихся от эксплуатации и угнетения возникла качественно новая форма бытия, возникли условия для социалистического гуманизма.

Переход к этому новому общественному строю совершился не путем стихийных реакций или путем так называемого «самотека истории», а на основе точных анализов социально-экономических отношений, тщательно продуманным и планомерно организованным образом. При этом уже в первых мероприятиях молодой Советской власти затрагивались два момента. Во-первых, благодаря переходу всей власти в руки Советов, а также провозглашению и осуществлению Декрета о земле произошли принципиальные изменения политического соотношения сил и структуры общества. Во-вторых, как первый Декрет о мире, так и дальнейшие меры, принятые Советским Правительством, свидетельствовали о желании немедленно положить конец всем кровопролитиям и вступить на мирный путь проведения социалистической революции. Характерно, что молодая народная власть показала себя в то же время как первая в истории государственная власть, которая провозгласила мир основным принципом своих действий.

Все мы знаем, что империалистические государства не были готовы ни на какой подлинный мир. Мы знаем, с какими жертвами связан путь, по которому с самого начала шло осуществление социалистического строительства в борьбе против различных форм контрреволюционных выступлений как внутри государства, так и за его пределами, в борьбе против попытки блокады и изоляции, в борьбе против выступлений иностранной интервенции в 1918—1920 годах или во время Великой Отечественной войны. Именно ввиду этих трудностей, которые иной раз приводили и к неудачам, на основании которых враги Советского Союза вплоть до второй мировой войны пытались проповедовать предстоящий провал социалистической системы, можно видеть силу рабочего класса в союзе с крестьянством и передовой интеллигенцией, — силу, которая позволила из когда-то отсталой полуфеодальной царской империи, население которой было большей частью неграмотно, образовать великую державу, задающую сегодня тон в политике и экономике, — державу, которая благодаря своей политике мира, проводимой последовательно вместе с остальными социалистическими государствами, в значительной мере содействует мировому развитию.

Гуманные идеи, рожденные Октябрьской революцией, сегодня имеют огромное значение и для современного христианства. В этих идеях — великое свидетельство того, что стремления социализма близки к путям, начертанным Евангелием в отношении любви к ближнему.

Часто даже в Церкви не замечают, какие сильные социальные моменты присущи христианству и даже эффективны со дня его возникновения. Это основательно разработал недавно скончавшийся лейпцигский богослов проф. Иоганн Лейпольд, показав, какое воздействие исходило из общин древней Церкви, как из обществ, которые в том, старом мире выполняли единственную в своем роде деятельность, связанную с любовью к ближнему, и выражали революционную для того времени позицию в своем отношении к ручному труду, общественному положению женщины и даже к вопросу рабства.

Из всей дальнейшей истории Церкви можно также привести массу примеров действительной самоотверженной любви к ближнему. Здесь достаточно сослаться хотя

бы на то значение, которое придавалось труду в произведениях деятелей Реформации, или на разработанные Лютером правила попечения о бедных.

Именно благотворительной работой Церковью самым различным образом удовлетворялось огромное число личных нужд. И все же мы должны рассматривать это сегодня как нечто одностороннее, если наши Церкви ограничиваются только традиционной благотворительностью. Ибо при этом речь идет об индивидуальном действии, поскольку объект, нуждающийся в помощи, всегда сугубо индивидуален. И хотя сегодня стараются облегчить нужды насколько можно, речь идет о том, чтобы выявить и устранить причины их. В то время, когда не только одиночки, но и все человечество находится в опасности стать жертвой атомной войны, принимая также во внимание, что во многих частях мира миллионы людей голодают, в то время как где-то царит изобилие, речь идет о новом, более всеобъемлющем качестве служения, а именно о стремлении помочь созданию таких условий, которые в корне устраняют нужду и опасность.

Для русского Православия путь, начиная с его отношений с царизмом и кончая его сегодняшней точкой зрения, был далеко не легким. Но и среди остального христианства этот путь уже частично пройден.

Если сначала Октябрьская революция была встречена почти единодушным отрицанием, то это произошло в силу различных причин, из которых здесь указаны только некоторые. Действие оказывал тот «константиновский» образ мысли, согласно которому правящие верхние слои безапелляционно считались как «Богом поставленные» и в каждом революционном протесте против существующего строя видели святотатство. В немецкой сфере этот образ мысли определил позицию Церкви во время Крестьянской войны и особенно после немецкой ноябрьской революции 1918 года, в которой увидели отражение «богопротивной» Октябрьской революции. Здесь налицо индивидуалистическое понятие набожности, которому не свойственен общественный образ мышления.

Далее сказывалось распространенное влияние интерпретации слов Киприана Карфагенского о Церкви — *extra ecclesia nulla salus* («вне Церкви никакого спасения»), которые понимались в смысле установления всех нравственных ценностей в Церкви и все нехристианское, следовательно, объявлялось полностью предосудительным.

В период антифашистского сопротивления и в совместном заключении в концлагерях христиане и марксисты не только встретились, но также и научились уважать друг друга, как об этом сказал в июне 1944 г. Эрх Вайнерт: «Если исповедующая Церковь защищается от враждебного отношения и притеснения со стороны людей, обожествлявших Гитлера, то это справедливая война, на стороне которой находятся симпатии всех нехристианских антифашистов. Более того, они рассматривали эту «воинствующую Церковь» как союзников и братьев по оружию в борьбе за свободу. Поэтому мы глубоко убеждены, что такое боевое содружество и в будущей Германии станет нерушимым союзом, в основе которого будет лежать уважение одного к другому».

В противоположность ситуации в современных странах народной демократии, где благодаря активному участию Церковью в антифашистском сопротивлении, которое привело к более глубокому боевому содружеству, как это было с похвалой отмечено Георгием Димитровым в отношении Болгарской Православной Церкви, если взять, к примеру, христиан Германии, то здесь речь идет прежде всего только об опыте одиночек. И все же эти опыты продолжали оказывать определенное влияние и несколько лет спустя после поражения фашизма нашли свое выражение и в немецком протестантизме, а именно в Дармштадтской декларации в августе 1947 года «Относительно политического пути нашего народа», в которой были проанализированы ошибки прошлого и указан одновременно конструктивный выход. Ввиду того, что эта Декларация не нашла надлежащего отклика в наших Земельных Церквях, разрешите напомнить очень актуальную, даже еще и сегодня ключевую ее мысль. «Мы шли по ложному пути, — гласит третий тезис Декларации, — когда мы начали образовывать «христианский фронт» по отношению к ставшим необходимыми преобразованиям в общественной жизни людей. Союз Церкви с силами, сохраняющими старое и традиционное, сильно отомстил нам за себя. Мы предали христианскую свободу, которая нам разрешает и предоставляет возможность видоизменять образ жизни там, где совместная жизнь людей требует таких преобразований. Мы имели право отрицать революцию, но одобряли и терпели «развитие абсолютной диктатуры». И далее мы читаем в пятом тезисе: «Мы пошли по ложному пути, когда недоглядели, что экономический материализм марксистского учения должен был напомнить Церкви о ее миссии и о данных ей заветах относительно жизни и сотрудничества людей в этом мире. Мы отказались вопрос об униженных и оскорбленных сделать, согласно евангельскому обетованию о грядущем Царстве Божиим, делом христианства».

В то время как Церкви, прежде всего в Западной Германии, за малым исключением, возвратились к позициям реставрации, эта Декларация для многих христиан, которые в Германской Демократической Республике вместе с марксистами приступили к строительству нового общественного порядка, стала полезным путеводителем.

Сегодня христиане работают у нас во всех областях вместе с нехристианами, работают они вместе на благо общего дела, что означает одновременно дальнейшее усовершенствование нашего социалистического общественного строя.

Такая новая ориентировка, откровенность по отношению к соучастникам, соотаврицам, с тех пор как она стала практиковаться после Великой Октябрьской революции сначала в Советском Союзе и уже около двадцати лет в странах народной демократии, все больше и больше обращает на себя внимание даже там, где к социалистическому общественному строю относятся с явным предубеждением. Достаточно привести только несколько примеров.

В одной статье, написанной в 1954 году ныне покойным западногерманским богословом Гансом Иоахимом Ивандом, говорилось: «Само собой разумеется, существует злоупотребление христианством в политике и ради политики, существует смешивание обоих царств, как это называли люди Реформации, и существует область умственных спекуляций, превращающих Евангелие в программу, а свободу полного принятия вероучения в закон». Эти слова соответствуют нашим принципам относительно того, что общение христиан и марксистов не может привести ни к неправомерному синкретизму, ни к измене вере или к секуляризации Церкви. С другой стороны, Иванд, таким образом, указывает на тот факт, что в настоящее время часто — и в принципе даже правильно — приходит к выводу, что Евангелие не означает никакой идентификации с тем или иным существующим общественным строем. Однако еще меньше можно это сделать предлогом для того, чтобы уклониться от диаконии (служения), исходящей из евангельского учения. И этот момент выступает у Иванда даже очень конкретно: «Таким образом, не может быть сказано, что мы имеем право и свободу как бы отмахиваться от слова Божия и заставить его замолчать там, где оно непосредственно вклинивается в наше политическое существование... Лишь только мы закроем от него какую-либо одну сферу, оно перестанет действовать и во всех остальных областях...» Нельзя разграничивать сферу, к которой относится Царство Божие, по отношению к другой, которая от нее отгорожена и изолирована.

Карл Барт еще в 1935 году в произведении «Евангелие в современности» признавал: «...христианско-буржуазный или буржуазно-христианский век миновал... Таким образом в настоящий момент христианство, Церковь призваны к совершенно новой свободе своего самопознания. Не к бегству от мира или из мира, а к свободе в мире, отнятой у нее в константиновский век».

Несмотря на известные оговорки, К. Барт констатирует, что «то, что в Советском Союзе начато, является конструктивной идеей; это разрешение вопроса, который и для нас является серьезным и животрепещущим, за решение которого мы своими чистыми руками довольно долго брались недостаточно энергично. Это — социальный вопрос...»

До тех пор... пока на Западе существует «свобода» устраивать экономические кризисы, высыпать пшеницу в море в то время, когда люди голодают, до тех пор, во всяком случае, мы, как христиане, не имеем права бросить в лицо Востока свое резкое «нет!».

Это, вероятно, можно свести к тем представлениям, когда К. Барт в противоположность своей прежней позиции в томе III/2 своей Догматики, хотя и не ссылаясь на социализм, признавал за христианином и нехристианином как общее, присущее всякому человеку, — гуманность, которая может быть понята и нехристианином.

Представители этих воззрений все же неоднократно соглашались на общность в борьбе за мир, который и представляет главный момент социализма. В своей уже упомянутой статье Ганс Иоахим Иванд поставил вопрос: «Как может считать себя еще христианином человек, который ничего другого не может сказать, как только то, что грех сокрушил мир, поэтому войны будут до конца света и вследствие этого люди, которые верят в мир, должны считаться мечтателями? Как можем мы еще считаться христианами, когда мы не вникаем в смысл утверждения идеи о мире, которую мы находим у пророка Исаии, которая обычно оглашается в дни Рождества, когда мы не видим и не верим во внутреннюю связь между рождением Сына Божия и миром на земле, что и является исполнением и подтверждением ветхозаветного Откровения?» Иванд принадлежит к числу одних из основателей Пражской Мирной Конференции, которая, являясь теперь организованным движением, плодотворно развивает идею борьбы за мир в экуменическом плане. В соответствии со стремлениями сторонников движения борьбы за мир во всем мире и аналогичной работой христианского рабочего комитета Совета мира нашей республики сначала удалось в церковной сфере только маленькой группке вокруг проф. Громадки, в неустанным труде, несмотря на различные препятствия и нападки, создать заслуживший внимание базис для идеи всеобщего мира в этом мире. Именно признание социалистической политики мира долгое время давало повод к злобной клевете, пока действия Христианской Мирной Конференции не нашли широкую поддержку, и теперь она стала одной из сил, которая неразрывно связана с экуменической работой. Это означает, что даже отсюда исходит определенная точка зрения, например относительно опасности войны, которую может повлечь за собой агрессивная позиция западногерманского правительства, особенно в результате его территориальных требований. Подобно этому и недавняя Конференция Европейских Церквей в Пёрчах внесла в свои решения насущные вопросы европейской безопасности, выступая против западногерманской позиции и требуя обязательного признания в Европе статус-кво.

Наряду с идеями мира в поле зрения экумены все больше вклиниваются вопросы социальной справедливости и национальной независимости. Да, мы должны ска-

звать, что именно во взаимной деятельности, направленной на удовлетворение земных нужд, разрешение существующих проблем расовой ненависти, голода и угнетения, не в малой мере осуществляется сближение отдельных Церквей и конфессий.

Если колониальные народы освободили себя от политического и социального гнета и начали революционные преобразования своей общественной структуры, то это является бесспорным влиянием Октябрьской революции. Многочисленные миряне и люди, облеченные церковным саном, участвовали в этой борьбе и благодаря этому внесли в экуменический диалог свою собственную проблематику. Первым большим результатом этого явилась всемирная конференция «Церковь и общество» в июле 1966 года. Если уже сама тема, целеустановка этой конференции, — «Христианская ответственность в технической и социальной революции нашего времени», — означала нечто новое, то еще больше ее результат в том, что она согласна с революционными изменениями, как и с участием в этом христиан, с полной ответственностью за это дело.

Установки этой конференции нашли широкий отклик. Так, например, на закончившемся недавно в Амстердаме Всемирном Конгрессе меннонитов один из лидеров американских негров — Хардинг с одобрения участников Конгресса заявил, что христианство не имеет права уклоняться от революционных движений, направленных против эксплуатации и угнетения.

Значительным в этой связи является факт, что указанные проявления, которые, впрочем, находят некоторые параллели и в римском католицизме, сегодня воспринимаются частично как сближение с гуманистическими принципами социализма. Об этом свидетельствует, во-первых, растущий интерес к позиции Церквей в социалистических странах и как раз к практике, имеющей место в нашей Германской Демократической Республике. Во-вторых, это вытекает из изменения структуры Всемирного Совета Церквей. В то время как экуменическая работа первоначально определялась преимущественно англо-американским протестантизмом, теперь все более заметным становится участие не только Церквей из так называемого «третьего мира», но и Православия, прежде всего после последовавшего в 1961 году вступления во Всемирный Совет Церквей Русской и других Православных Церквей из социалистических стран. Это было для многих одновременно неожиданностью, поскольку именно эти Церкви считались застывшими в формализме и, однако, проявили столь живое сотрудничество. А если мы примем во внимание, что на будущей генеральной ассамблее Всемирного Совета Церквей Православие будет представлять самую сильную из всех конфессиональных групп, причем от русского Православия будет самое большое число делегатов, то здесь уже налицо явная предпосылка к плодотворному сотрудничеству.

И, наконец, следует отметить растущее желание непосредственного диалога с марксизмом... диалога, как средства содействия сотрудничеству христиан и нехристиан в интересах мира и прогресса.

В заявлении Конференции коммунистических и рабочих партий, проходившей весной 1967 года в Карловых Варах, говорится: «Мы обращаемся ко всем людям доброй воли, независимо от их политических убеждений и партийной принадлежности, национальности и вероисповедания, с призывом использовать все свое влияние и приложить все усилия для достижения нашей общей цели — мира. Преодолев то, что нас разъединяет, мы сможем создать могучую силу, способную восторжествовать над войной и неуверенностью в завтрашнем дне, открыть путь к прочному миру и благосостоянию народов».

Такая общность, в которой встречаются основные гуманные желания христиан и марксистов, практикуется в социалистических странах в больших масштабах. Но для дальнейшего развития человечества необходимо добиться сотрудничества всех сил доброй воли с той целью, чтобы на нашем земном шаре создать условия, при которых навсегда уйдут в прошлое социальная несправедливость, голод и война.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОРЬБЕ ЗА МИР, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Доклад А. С. Буевского, секретаря Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (в сокращении)

Возлюбленные о Христе братья и сестры, дорогие друзья!

Христианин, оценивая происходящие исторические события, неизменно стремится рассмотреть их в свете моральных ценностей, заключающихся в Евангелии Господа и Спасителя мира. Событие Великой Октябрьской социалистической революции, поистине значительнейшее явление мировой истории, с христианской точки зрения представляет собой значение Божественного Промысла и как таковое несет в себе великое моральное сокровище, отвечающее стремлению человека если не искать Бога, как Высшего мироправителя, то стремиться к тому, чтобы «естеством творить законное» (Рим. 2, 13—15). Если в революционные годы далеко не все христиане смогли по достоинству оценить то, что происходило в нашей стране, если частное и мелкое

порой закрывало от них величественную перспективу происходящих изменений, — перспективу, не просто человеческую, но воистину промыслительную, то теперь, спустя пятьдесят лет, и ближние и дальние видят истинное лицо происшедшего перелома, его моральный смысл и значение.

Вероятно, самая большая моральная ценность, многократно свидетелеваемая Евангелием и апостольскими посланиями, — мир, мир внутренний и мир внешний. Все дело спасения — это дело примирения человека с Богом.

Пришествие в мир Сына Божия означало внесение небесного мира в человеческие отношения. Послание Духа Святого — это постоянное вдохновение и возобновление благодати и мира. Создание Церкви Христовой — это реализация мира в избранных и призванных наследниках дела Христа, которые должны мир Божий нести вместе с благовестием Евангелия в мир весь. Но вместе с тем мир на земле — и самая трудная вещь. Нигде так реально не отражены трудности внедрения мира в человеческое общество, как в самом Евангелии, где Христос говорит: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34 и дал.; Лк. 12, 51—53). В этих словах — горечь и глубокое сердечное страдание Того, Кто хотел, чтобы были все едины, и Который пролил пречистую Свою Кровь, чтобы смерть была побеждена жизнью и чтобы благодатный мир Божий снизошел на землю, даруя человечеству благоволение (Лк. 2, 14). Каждый человек хорошо осознает, насколько трудно бывает сохранить мир в собственном сердце, и вместе с тем он знает цену благодатной тишины, внутренней радости, ощущения мира, что, по вере Церкви и по слову Господа, означает вхождение в сердце Царства Небесного. Люди, связанные семейными отношениями, ничто так не ценят, как мир между мужем и женой, мир между родителями и детьми. Вместе с тем житейский опыт показывает, что хранить мир в семье — совсем не легкая вещь. Мир в социальных отношениях — это то, что было наиболее уязвимым местом во всем развитии человеческого общества до настоящего времени. Классовая борьба, социальное неравенство, угнетение одних групп человеческого общества другими, расовая дискриминация — все это примеры отсутствия социального мира, примеры извращения самой природы взаимоотношений между людьми, и в особенности между теми, кто именуют себя христианами, ибо все это противоречит сказанному в Евангелии: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Мы часто слышим в нашей экуменической практике рассуждения о возможности классового или расового примирения через логическое утверждение определенных общих концепций — философских, богословских или социологических. Опыт истории свидетельствует, что это является заблуждением. До тех пор, пока в сердцах всех людей не будет царствовать любовь, бессмысленны умственные спекуляции. В реальной ситуации более логичны взрывы, ломающие классовые и расовые перегородки. Нельзя забывать, что доведенные до предела противоречия влекут за собой революцию, через которую должна восторжествовать справедливость и тем самым открыться путь для царственного вхождения любви.

Наконец, мир политический, мир между народами. Общеизвестно, что со времени Христа войны и международные несогласия не стали редкими и тем более не прекратились. Евангелие мира, призывающее быть миротворцем каждого, оказалось как будто бессильно в этом беспрерывно хлопочущем котле международных напряжений, подчас кровопролитных, с каждым новым веком становящихся все ужаснее и отвратительнее. Но бессильно ли? — должны задать мы себе вопрос. Разве не в «внемощи сила Царствия Божия» (см. 1 Кор. 1, 25)? И разве не призваны христиане препоубждать мирское зло, в том числе бесконечную вражду международных интересов? К сожалению, христиане пока слишком мало сделали для исполнения этой своей миротворческой миссии. Промысл Божий выдвинул новый фактор внедрения в мир мира — чрез революционное преобразование общественной и политической структуры государств, в основе которого лежит понятие общечеловеческой справедливости и такая концепция гуманизма, которая очень близко подходит к концепции евангельской любви. В конечном итоге это является тем радикальным средством, чрез которое мир должен, наконец, понять безумие вражды и услышать Божественный призыв к миру. Трудность в достижении личного, семейного, социального или политического мира с необходимостью требует от каждого христианина усилий в подвиге нравственного совершенствования, ибо сказано: «Царствие Божие берется силою, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12).

Возможно, найдутся люди, которые будут утверждать, что понятия «мир» и «революция» противоречивы. Действительно, революция — это большой социальный и политический взрыв. Но вместе с тем революция — это целеустремленный процесс, направленный к достижению справедливости и мира. Не будем рассуждать теоретически. Обратимся к событию Великой Октябрьской социалистической революции. Измученные империалистической войной народы жаждали мира, и наша революция послужила фактическому прекращению первой мировой войны. Декрет о мире без аннексий и контрибуций был первым декретом Советского государства и естественным результатом революции, целью которой было покончить с войной, с отсталостью, со всем ужасным грузом причудливого сплетения феодализма и капитализма в нашей стране. Революция была истинным благодеянием для страны, и поставленный революцией вопрос о мире явился естественным и необходимым венцом революционного

процесса. Поистине providенциальное значение имеет тот факт, что среди различных революционных течений, часть которых не понимала должной значимости постановки вопроса о мире, мощной струей пробил себе дорогу поток, вдохновляемый мыслями В. И. Ленина. Именно здесь ясно выкристаллизовалась идея миротворческой сущности революции. Идею эту не так легко было сохранить в боях гражданской войны, в сражениях с интервентами. Но революция вышла из этих схваток со своими врагами еще более окрепшей, и тогда победивший народ первого Советского государства смог, наконец, вступить на стезю мирной созидательной работы. «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира» — таков был не только лозунг, но таковым было и самое существо политики Советского Союза в годы первых пятилеток, когда создалась экономическая база социалистического общества. Заботой о мире страна жила в годы, когда Европу лихорадил фашизм. Разведка боем на Халхин-Голе и на линии Маннергейма, которую предприняли милитаристские силы, показала, что первое в мире социалистическое государство готово защищать мир самым активным образом, противостоя с оружием его нарушителям. Если внутри Советского Союза все было подчинено идее мирного развития, то за его границами лихорадочно велась подготовка ко второй мировой войне. Гитлеровская Германия захватила Францию, Чехословакию и ряд других европейских стран. В конечном итоге Советский Союз был тем государством, которому пришлось вступить в единоборство с этим тогда сильным врагом мира, демократии и прогресса. В этой войне, которую наш народ называет Великой Отечественной войной, происходило сражение за будущее нашей Родины, за социализм, за будущее Европы и всего мира. В Великой Отечественной войне народы Советского Союза осуществили в интересах гуманизма великую миротворческую миссию, святую и жертвенную. 20 миллионов погибших на полях сражений от ран и в концлагерях — такова цена, которую заплатил советский народ за свою свободу и за свободу народов мира. Русская Православная Церковь в первый же час военных действий благословила эту Великую Отечественную войну и нарекла ее делом Божиим. В этой борьбе за мир социалистическое государство солидаризировалось с государствами иной политической и социальной системы. Тем самым был подтвержден смысл социалистического миротворческого служения, ибо мир нужен всему человечеству. Мир нужен всему миру, и социалистический строй жертвенно отдал этому делу и служению свои силы. Вторая мировая война окончилась поражением агрессора. Вместе с тем в ряде стран Европы и Азии потерпели поражение внутренние силы, тормозившие общественное развитие, и народы этих государств смогли встать на путь социалистического строительства. Образовалась мировая система социализма. Мощный толчок получила национально-освободительная борьба народов зависимых стран.

Перенесясь теперь мысленно через два с лишком десятилетия к нашим дням, мы входим в мир, исполненный во Вьетнаме бесконечного страдания и жертв и беспредельного героизма малого народа, противостоящего величайшей империалистической державе, входим в мир, в котором насилие все еще пытается утвердить свое торжество, как это мы видим во многих странах так называемого «третьего мира», где господствуют различные формы колониализма, или на Ближнем Востоке, где аннексированы части арабских земель. Не радует идиллией и ситуация в Европе: насилие — на древней земле Эллады, милитаризация Западной Германии как средство решения германского вопроса силой и как реальная угроза истинно народному государству — Германской Демократической Республике.

И в это ответственное для судеб человечества время Советский Союз и другие социалистические страны неустанно ведут борьбу за мир, за мирное сосуществование и сотрудничество государств с различным социальным и политическим строем. Как известно, самые эти понятия — мирное сосуществование, сотрудничество различных по своему политическому и социальному устройству государств — впервые предложены социалистическим миром, который вложил в эти понятия реальное и глубоко жизненное содержание. В странах социализма с необыкновенной отчетливостью понимают, что миру нужен мир, что опасность для дела мира находится там, где проявляются империалистические и антигуманистические тенденции, где нарушаются свобода и демократия. Борьба за мир не предполагает, конечно, примирения с империализмом. Наоборот, будущее мирное развитие многих районов мира выковывается ныне в сражениях партизан Вьетнама, в освободительной борьбе истинных патриотов. Идея и практика социалистического развития требуют поэтому соединения всех сил в борьбе за мир и прогресс. Мы слышали призывы к нам, христианам, Совещания коммунистических и рабочих партий в Карловых Варах и приняли их как голос благоразумия, как свидетельство глубокой озабоченности о созидании международного мира, как выражение доброй воли к сотрудничеству в таком важном деле, как обеспечение мира между народами. Пятьдесят лет, истекшие со дня Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменованы великим миротворческим служением нового, социалистического общества. Это служение с признательностью воспринимается всеми людьми доброй воли. С благодарностью воспринимает его и Русская Православная Церковь, видя в этом плоде революции моральное сокровище огромной ценности.

Борьба за мир, какую ведет социалистическое общество, обусловлена тем высоким гуманизмом, который, собственно, составляет главный стимул революционных изменений. В условиях гонки вооружений, холодной и горячей войны под ядерной угрозой невозможен подлинно гуманистический общечеловеческий прогресс. Поэтому

борьба за мир — это прежде всего борьба за человечность, за гуманизм социальный и личный.

Христианство, взирая на своего Спасителя и Господа, видит в Нем образ подлинной человечности. Человечность Господа выразилась в том, что Он, будучи все-совершенным Богом, принял зрак раба, умалил себя и «образом обрелся якоже человек». Он смирил Себя даже до смерти, смерти же крестной (Флп. 2, 7—8). Все это Он сделал, чтобы всякого человека, приходящего в этот мир, возвысить и вознести к примирению с Богом через вхождение в сердце человеческое Царствия Божия. Человечность Христа — в том, что Он через самоуничтожение показал путь к личному возвышению каждого в бесконечных пределах богоуподобления. Человечность Его и в том, что Христос основал Церковь — совершенный институт гуманизма. Сознывая это, а также понимая, что силы Божественного созидания действуют во всем мире и могут быть обнаружены как в христианстве, так и вне его, человек-христианин не может не симпатизировать гуманистическим основам революции и не может не проникнуться благодарностью Богу за то, что плоды Великой Октябрьской социалистической революции оказываются истинно добрыми в гуманистическом плане.

Нет никакой необходимости аргументировать пункты благотворного гуманистического развития, последовавшего за Октябрьской революцией. Факты, имеющие к этому прямое отношение, известны и внутри Советского Союза и за его пределами. Мы перечислим лишь их, чтобы общая картина гуманистического развития нового общества выступила рельефнее.

Социалистические отношения — это прежде всего отношения справедливости внутри общества, в условиях общенародной собственности на средства производства, когда от каждого требуется возможно полное развитие способностей и талантов в служении обществу и каждому обществу воздает соответственно затраченному труду. Этим была уничтожена эксплуатация человека человеком, и все накопления общественного богатства были обращены на пользу каждого члена общества.

В подобных отношениях созрела существенно новая связь между индивидуумом и обществом. Личность во всем многообразии ее талантов и особенностей составляет действительную ценность социалистического общества, которое в силу самой своей природы, устремленной в будущее во имя человека, заинтересовано не в ограничении индивидуального развития, но, наоборот, во всестороннем раскрытии возможностей каждого своего члена. Однако здесь ставится предел и разрушительному индивидуализму, т. е. такому эгоцентрическому формированию личности, которое обрывает социальные контакты и делает ее самодовлеющей величиной, мы сказали бы с наших христианских позиций — величиной греховной. Иными словами, внутреннее богатство личности в социалистических отношениях направляется на службу обществу, на усиление социальных связей, на созидание общественного тела, в котором каждому принадлежит известная жизненная и созидательная роль. Легко можно убедиться, насколько эта демонстрация личностно-общественной связи близка учению апостола Павла о Теле Церкви. Конечно, общее правило может иметь досадные исключения, однако, как мы видим из примеров пятидесятилетней истории социалистического общества в Советском Союзе, эти исключения, извращения или помехи в конце концов упраздняются и указанная выше связь вновь и вновь направляется к идеалу.

Здесь уместно сказать о дружеском характере отношений между социальными группами трудящихся в советском обществе. Рост образования и культуры в нашей стране обеспечивает постепенное стирание различий между ними, чему также способствует свободный переход из одной социальной группы в другую. Интересно отметить, что такие процессы, как, например, миграция, урбанизация и т. д., создающие большие трудности в капиталистических странах, в социалистической ситуации, хотя и имеют свои проблемы, но в целом сказываются благотворно на процессе созидания разумного и ответственного бесклассового, социалистического общества. Нравственное, разумное, ответственное общество — идеал социального гуманистического процесса — в условиях социалистической системы становится реально ощутимым благом. Это путь к замене государственности другой, более совершенной и гуманной формой устройства общества, это дорога к торжеству свободы, разумно и ответственно направляемой к всеобщему благу.

Гуманизация отношений вызвала к жизни социалистическую национальную политику. Одним из первых декретов Советской власти был Декрет о предоставлении нациям полной свободы самоопределения. Свобода и самоопределение народов остаются и поныне жизненными принципами национальной политики нашей страны. Эти принципы входят в известное противоречие с западной концепцией интеграции, однако в последней концепции социалистическое общество отрицает главным образом доминирование одной нации над другой. В Советском Союзе реально утвердилось отношение равенства, дружбы и сотрудничества наций и народностей, обусловленные принципиальным отрицанием расового и националистического шовинизма и культурным и экономическим ростом, обменом материальными и духовными богатствами. Для социалистического общества важно и характерно то, что любая нация получает не только право, но и гарантию на всецелое равенство в любом направлении культурного, научного или экономического созидания. Отсюда и гуманистический характер отношений к другим народам, в каких бы районах земного шара они ни находились и какой бы социальной и политической системы ни придерживались. Социалистиче-

ское общество выдвигает перед человечеством требования свободы и независимости народов, полного социального, технического, экономического и культурного прогресса любого, даже самого малого народа, национального и расового равенства. С этих позиций неравномерное развитие народов, колониальная и неоколониалистическая политика, экономическая дискриминация или угнетение, расовое неравенство, сегрегация, апартеид и другие проявления расовой несправедливости, вообще все то, что ослабляет народы и препятствует им достигать достойного нашего времени уровня жизни и развития, вызывает внутри социалистического общества резко отрицательное отношение.

Одна из существенных сторон социалистического гуманизма — свобода совести. Человечность в первую очередь и заключается в том, чтобы внутренняя, духовная сила каждого человека представляла собою цельную и целенаправленную величину. Эта сила есть совесть, делающая человека человеком по преимуществу, побуждающая его жить и действовать в достоинстве и силе человека. Именно поэтому свобода совести в нашем государстве с самого его начала ограждена законом. Легитимацию свободы совести следует подчеркнуть потому, что, по-видимому, с самого начала предусматривалась некая трудность с реализацией этого принципа в той обстановке, в какой формировалось социалистическое сознание и в какой устанавливался баланс между личным и общественным. Здесь-то и содержится деликатность проблемы. Как достичь того, чтобы моя свободная совесть не стесняла совести моего ближнего, или, наоборот, чтобы совесть ближнего не подавляла моей совести? Ответ на этот вопрос можно было получить лишь в процессе столкновения идей, процессе, еще не закончившемся. Но ответ этот уже имеется в достигнутой гармонии личного и общественного, в таком служении, которое вытекает из свободы совести одного члена общества и находит отклик в свободе совести другого. Так, христианин с полной ответственностью служит социалистическому обществу, и социалистическое общество своим нравственным богатством удовлетворяет гражданскую совесть христианина. Так, атеист становится близким и понятным христианину и христианин — атеисту, ибо тот и другой несут одинаковое активное служение благожелательности, справедливости, мира.

Итак, социальный гуманизм в целом и гуманизм в отношении каждого отдельного человека составляют то главное, с чем Великая Октябрьская социалистическая революция выступила перед миром. Человечность во всех отношениях явилась основой внутренней и внешней политики Советского Союза и других социалистических стран и будет оставаться таковой, поскольку эти страны находятся на прямой и открытой дороге, свободной от оппортунистических искривлений. Молитва и доброты нашей Церкви будут всегда поддерживать это доброе направление всецелого возвышения человека и всецелой человечности нового мира.

Осуществляя социальный прогресс внутри Советского Союза и других социалистических стран, революционное движение, начатое Великой Октябрьской социалистической революцией, оказывает благотворное влияние на развитие социальной и политической жизни во всем мире. Мы уже отметили это влияние, когда говорили о миротворческом устремлении социалистического общества. Мы подчеркнули и еще раз подчеркиваем моральную силу общества новых социальных отношений в утверждении идей братства и дружбы между народами, их свободы и независимости, в осуждении всякого рода неправды, выражающейся в несправедливых экономических отношениях, в расовой дискриминации, в политике милитаризма, реваншизма, во всем том, что несет за собой империализм.

Обращаясь к практике поддержки социального прогресса во всем мире, каковая осуществляется социалистическими странами примером и помощью, мы в то же время подчеркиваем, что было бы несерьезно говорить о возможности насаждения революций извне. Идеи не могут насаждаться силой, ибо где начинается насилие, там кончается духовный прогресс. Сила социалистического влияния как раз не в возможности завоевания, а в том, что пример социализма в служении человечеству составляет неотразимый аргумент для возбуждения социального прогресса. Антикоммунизм обречен на неудачу в самом своем существе, ибо в нем воюючи обнаруживается зло насилия и лжи. Наоборот, идеям социализма принадлежит будущее, ибо в них находят свое место чаяния и стремления человечества к добру и справедливости. Поэтому тезис «экспорта революции» ложен в самом своем основании. Во всем мире люди стремятся к прогрессу в социальных отношениях. Это закономерно с точки зрения евангельской правды. Это создает почву для революционных изменений. Однако можно затормозить социальный прогресс. И в этом-то как раз цель антикоммунизма. Антикоммунизм опасен потому, что он делает неизбежный процесс социального обновления болезненным и исполненным жертв.

Представляется весьма важным христиански оценить те принципы, какие социалистическим обществом прилагаются к современному социальному прогрессу.

На первое место следует поставить международную солидарность в деле оказания помощи народам, борющимся за свою свободу и независимость. Наиболее яркий пример такой солидарности мы видим в оказании помощи Советским Союзом и другими социалистическими странами борющемуся народу Вьетнама, а также помощь арабским народам в тяжелой современной обстановке на Ближнем Востоке. Нет сомнения, что христиане во всем мире глубоко скорбят о трагическом положении вьет-

намского народа, оказавшегося жертвой американской агрессии, словом и делом демонстрирующей антикоммунистическое противление нормализации жизни в Юго-Восточной Азии. Христиане Советского Союза и других социалистических стран не только скорбят о проливаемой крови, но и поддерживают в качестве членов социалистического общества народы Вьетнама и арабских государств.

Затем следует помощь развивающимся странам. Эта помощь, как известно, имеет задачей создание у них сильной и самостоятельной национальной экономики, которая была бы прочной основой социального прогресса их народов. Эта помощь имеет в виду не только взаимовыгодные операции, но и подготовку местных специалистов для всех областей народного хозяйства и другие сферы содействия. Сравнивая различные виды и способы помощи, какие идут от капиталистических и социалистических стран, мы невольно вспоминаем слова Господа: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень, и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» (Мф. 7, 9—10). Поистине, не всякий говорящий «Господи, Господи» строит на твердом основании, но только тот, кто исполняет волю Отца Небесного. И мы видим волю Божию в том, чтобы давать нуждающимся то, что наиболее необходимо для их свободы, независимости и прогресса.

Говоря о стремлении социалистических стран в целом к сотрудничеству со всеми государствами, независимо от их политического и социально-экономического устройства, во имя прогресса и взаимопонимания, мы видим в этом свидетельство созидательной природы социалистического общества, сформированного Великой Октябрьской революцией. Совершенно очевидно, что борьба идей будет и должна происходить и что и далее будет наличествовать острота идеологического противостояния. Однако не менее ясно и то, что все человечество захвачено ныне всеобщим процессом технического и социального прогресса, в котором блага мира могут быть достигнуты лишь в условиях взаимного понимания и сотрудничества. Поэтому социалистическое общество предлагает свое сотрудничество всем народам мира и ищет сотрудничества с другими обществами в достижении мира, справедливости и свободы, в техническом развитии, в культурном, экономическом, медицинском, образовательном и прочих гуманитарных служениях. Достижение такого сотрудничества — поистине благородная задача. Она воодушевляет христиан социалистического лагеря и находит отклик в сердцах христиан западного мира. Мы видим в этом устремлении промыслительное указание Спасителя мира.

Таким образом, время, истекшее со дня исторического события, начавшего новую эру человеческой истории — Великой Октябрьской социалистической революции, дает нам многочисленные примеры проявления моральных ценностей, указанных в Евангелии Господа, являющихся достоянием христианства, но не всегда им использованных должным образом. Мы видим эти ценности в руках людей нового мира, частью согласных с нами в наших идейных убеждениях, а частью исходящих из других принципов. Мы благодарны Богу за то, что Он являет Свою Высшую Силу в нашем новом, социалистическом мире. Мы видим главную ценность происшедшей революции в том, что она возвысила человека и побудила его созидать нравственное, разумное и ответственное общество. Мы понимаем подлинное значение свободы в строительстве новой жизни и в социальном прогрессе. Мы осознаем свою способность и ответственность трудиться для нового мира и служить ему, как и всему человечеству.

Мы, христиане Советского Союза, осознаем импульс, данный нам и всем христианам Великой Октябрьской социалистической революцией, — импульс к объединению наших усилий с усилиями наших нехристианских и внерелигиозных братьев для совместного активного творческого труда по созиданию на земле прочного и справедливого мира, а для нас, европейцев, — прежде всего по упрочению европейской безопасности, содействию всестороннему прогрессу социалистических наций и всех народов земли, по утверждению в жизни человечества великих гуманистических идей революции. Мы почерпаем для этого нашего многообразного служения силы в Святом Евангелии и верим, что благословение Божие сопутствует этим нашим усилиям.

БОГОСЛОВЫ АФРИКИ О ПОСТРОЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА

Читателям «Журнала Московской Патриархии» известно, что в 1965 и 1966 гг. в Фритауне (Сьерра-Леоне) и Лимуру (Кения) проходили консультации с африканскими богословами, организованные Христианским мирным движением. Продолжением этих консультаций явилась встреча в Тананариве (Мадагаскар) в декабре 1967 года, в которой приняли участие богословы и видные церковные деятели Кении, Уганды, Камеруна, Ганы, Дагомеи и Малагасийской Республики. Христианскую Мирную Конференцию представляли генеральный секретарь пастор д-р Я. Ондра, д-р Л. Брош (ЧССР) и протоиерей П. С. Соколовский. Непосредственным организатором и руководителем консультации был один из вице-президентов ХМК пастор Р. Андриаманджато, который своим участием в Христианском мирном движении внес важный вклад в углубление понимания задач христиан и христианских Церквей в служении международному миру и определении путей христианских действий при решении многих и

порой весьма важных проблем, стоящих перед африканскими странами и народами. Консультация была посвящена изучению проблем мира и справедливости. Понятие справедливости при этом было подвергнуто обсуждению в библейско-богословском плане, в законодательно-конституционном отношении и в социально-экономическом аспекте. На консультации были заслушаны шесть докладов, четыре из которых сделали представители богословско-христианской мысли стран Африки. Если в докладе д-ра Л. Броша на тему «Библейское понятие справедливости» главное внимание было обращено на обоснование тезиса о принципиальном различии между библейским вообще и новозаветным, христианским, в частности, пониманием справедливости, то в выступлении д-ра Джона Мбити (Макерере-колледж, Кампала, Уганда) центральным пунктом явилось сопоставление понятия справедливости, данного в Откровении, с тем, которое имеется у африканских народов. Докладчик на основе библейских текстов, с одной стороны, и на анализе устоев общественной жизни ряда африканских племен — с другой, показал наличие широкого сходства в понимании справедливости, свойственного африканским традициям, с теми библейскими нормами, которые регулировали иудейское общество в дохристианский период. Как в иудейском ветхозаветном, так и в африканском традиционном обществе, например, нет различия между светским и религиозным, светской и религиозной справедливостью. Справедливость сама по себе считается религиозной.

Теме «Институции и политические устои в Африке в доколониционную эпоху» был посвящен доклад пастора П. Кадье, директора пасторской школы в Порто-Ново (Дагомея). Докладчик, в частности, отметил наличие в африканских общественных устоях в доколониционный период элементов демократии, хотя эти формы общественного строя и не получили тогда такого развития, как в странах Востока и Запада. С другой стороны, в докладе говорилось, что однопартийная система государственного управления имеет своё основание в традиционном африканском обществе. Как бы продолжением доклада П. Кадье и дополнением его было содержательное выступление пастора Р. Андриаманджато на тему «Институции в Африке в наше время». Христиане африканских стран в социально-политической жизни призваны играть ответственную роль. Каждая организация должна рассматриваться с христианской точки зрения в плане реализации ею справедливости в жизни. Конституции в развивающихся странах могут меняться. Они принимаются для человека. Форма демократических устройств, представленных в Африке, ведет нас к деколонизованному обществу. В то же самое время конституции ряда африканских стран имеют тенденцию к ограничению демократии. Одной из очень важных проблем, характеризующей жизнь стран современной Африки, является проблема привлечения народа к участию в государственной жизни.

Доклады молодого богослова Ганы Дж. Поби и малагасийского пастора Макса Рафрансуа были посвящены раскрытию темы «Экономическая и социальная справедливость». В этих выступлениях был дан анализ современного положения в африканских странах в социально-экономической области. В докладе Дж. Поби содержалось осуждение диктатуры, как противоречащей христианской вере. Докладчик подробно анализировал рост и развитие неравенства в социальном плане в африканском обществе, где наблюдается пропасть между образованными и неграмотными, где до сего дня женщина не имеет равного положения с мужчиной.

В наше время христиане должны быть особо внимательны к этим вопросам. С одной стороны, Христос не имел целью оставить Своим последователям какой-либо экономической системы, с другой — наша христианская обязанность состоит в том, чтобы созидать достоинство человека в любом обществе. Несправедливость в экономическом отношении проявляется, в частности, в гонке вооружений, когда ежегодно 130 млрд. долларов расходуется на вооружение и только 0,3 проц. дохода высокоразвитых стран выделяется для помощи развивающимся странам. США и Канада, например, ежегодно сжигают тысячи тонн пшеницы во имя «справедливости» — сохранения цен на рынке сбыта.

Проблемы справедливости в аспектах библейском, конституционно-политическом и социально-экономическом вызвали глубокий интерес у участников консультации, и они обсуждали эти проблемы в трех группах и на пленарных заседаниях.

При обсуждении справедливости в библейско-богословском плане важным тезисом, высказанным д-ром Дж. Мбити (Уганда) и поддержанным другими африканскими участниками, была необходимость признания человеческой взаимосвязи. Христианство как таковое не представляет собой общественной системы. Церковь и христианство не имеют программы по социально-политическому преобразованию общества. Церковь сама не совершает революции. Её задача — духовно совершенствовать своих членов, дабы они были способны активно участвовать в созидании новых, более справедливых общественных отношений. Евангелие требует обновления жизни, и в свете его христиане и Церковь призваны распознавать и ясно, положительно свидетельствовать о том, какая общественно-политическая система дает больше справедливости и свободы. Мы как христиане должны рассматривать себя как часть космоса и видеть справедливость как христологический феномен. При этом дело не может идти об отдельной личности только или о христианах, но о всем мире. Христос воплотился, чтобы изменять не только человека, но весь этот мир, и мы должны работать в плане его изменения во всех аспектах. Христиане и Церкви в Африке призваны бороться за спра-

ведливость и справедливую конституцию не для себя только, но для всех. И эта борьба может быть успешной только в совместных усилиях с секулярными прогрессивными движениями. С христианской точки зрения, справедливость не может быть только религиозной или только светской. Нельзя ее так разделять. Каждая из этих сторон совмещается. Высокая светская справедливость является сама по себе в силу ее реализации и претворения в жизнь в человеческом обществе уже священной. И порочная «справедливость», справедливость для сильного, остается порочной, независимо от того, какую окраску или какую основу ей стремятся придать те, кому она выгодна.

При обсуждении понятия справедливости применительно к общественно-политическим структурам и конституциям был поставлен вопрос о связи традиционных общественных устоев и демократии в Африке. Со стороны ряда африканских участников прежде всего было высказано предупреждение не говорить об африканских традициях как о чем-то едином, всеафриканском, чего на самом деле нет и никогда не было. Устой отдельного племени или группы племен нельзя выдавать за нечто всеафриканское. В этой связи подчеркивалась важность постановки проблемы о демократии в применении не к африканскому обществу вообще, но в связи с африканской ситуацией, африканской реальностью на сегодня. Здесь недостаточно только противопоставлять устой традиционного африканского общества современной общественной структуре. Необходимо изучать старые общественные нормы африканских народов и с учетом современности изменять существующее положение. В качестве примера в этом отношении указывали на положительный опыт развития кооперативного сельского хозяйства, которое получает все большее развитие во многих странах Африки. Сопутничество групп и кооперация имеют исключительное значение в обществе, где отношения между личностями не сбалансированы.

На консультации широко обсуждался вопрос об отношениях личности и общества. При этом указывалось, что в традиционном африканском обществе свобода личности была несколько ограничена, но было бы неправильно говорить, что в нем не имела места свобода индивидуума. Современное общество лишено традиционного понимания в указанном плане. В нем уже возникла опасность роста индивидуализма, которому отводится слишком много места. Задачей христиан в современной ситуации является помогать созданию таких общественных отношений, на которые опиралось бы современное понимание роли личности и традиционного африканского коллективизма. Руководители государств часто оторваны от широких масс, они оставили массы, забывают о них. Задача заключается в том, чтобы побудить народные массы к большему и активному участию в государственной и общественной жизни своих стран. Часто в африканских странах наблюдается ситуация, когда правительства недостаточно связывают свою политику с нуждами простого народа.

В дискуссии было определено, что современные конституции ряда африканских стран не отвечают ни историческому развитию их народов, ни лучшим народным чаяниям. Они были созданы по образцу конституций метрополий, в прошлом владевших этими странами, и принимались без учета местных условий.

В связи с обсуждением вопроса справедливости в социально-экономическом отношении подчеркивалось, что в мире существуют две общественных системы — капиталистическая и социалистическая. Социализм и общественные отношения, которые он созидает и несет человечеству, соответствуют и лучшим устоям традиционного африканского общества, и сегодня к участию в его построении призываются африканские Церкви и христиане. Капиталистическая система — это «статус-кво» в общественных отношениях. Имущество, богатство для капитализма — это главное. Богатые в африканских странах стремятся стать еще богаче и способны лишь покровительственно снисходить к бедным. Задача сводится к тому, чтобы пробуждать сознание масс, чтобы они убедились, что, несмотря на свою бедность, они делают что-то очень важное для общества, для его развития. Общественно-политическая эволюция масс положительно способствует осуществлению революции в локальном и всеафриканском плане.

На консультации был остро поставлен вопрос об угрозе африканским народам, их политической независимости, построению более справедливого общества на социалистических началах со стороны монополистического капитала и связанных с ним сил империализма. Вопрос был поставлен в связи с сегодняшними событиями во Вьетнаме, где имеет место военная агрессия США против небольшой развивающейся страны.

Итогом работы консультации явилось коммюнике, принятое единогласно всеми участниками (опубликовано в предыдущем номере нашего журнала. — *Ред.*)

Консультация в Тананариве явилась новым свидетельством возрастающей вовлеченности африканских богословов и христианских работников в дело мира и справедливости. Это не была консультация африканских Церквей или их официальных представителей. С этой точки зрения можно было бы пожелать большего. Но если рассматривать этот вопрос несколько ретроспективно, то можно без преувеличения сказать, что наши африканские братья и соратники на поле миротворчества проделали большой путь за годы, которые были временем свободного становления их народов и вместе возрастающих усилий к большей независимости. Но очень важно и то, что Церкви и официальные церковные деятели во многих случаях не остаются безразличными в этом деле. В этой связи важно вспомнить, что уже в 1965 году на

консультации ХМК во Фритауне представители Христианского Совета Сьерра-Леоне горячо приветствовали ее участников. А год спустя, в Лимуру, это доброе начало было продолжено руководителями Экуменического Совета и отдельных Церквей Кении. Теперь же, на Мадагаскаре, церковные руководители и церковные комитеты десяти основных церквей г. Тананариве не только приветствовали консультацию и ее участников, но и оказывали им свое поистине братское гостеприимство. Гости в Тананариве испытали всю глубину малагасийской христианской диаконии. Они выступали перед многолюдными собраниями в отдельных общинах с проповедями и сообщениями о результатах консультации и планах мирных усилий на будущее, в частности о подготавливаемом Третьем Всехристианском Мирном Конгрессе в Праге. Гостей братски приветствовали в домах и семьях членов отдельных общин, занимающих самое различное положение в Церкви и обществе. Это были не столько официальные приемы, сколько братские трапезы, имевшие место ежедневно по вечерам, во время которых хозяева и гости могли ближе узнать друг друга, рассказать о жизни, достижениях и устремлениях своих народов, обсуждать проблемы, общие для христиан различных исповеданий и граждан развитых и развивающихся, капиталистических и социалистических стран, а также те проблемы, которые особенно остро стоят перед народами отдельных стран.

Участники консультации имели возможность широко ознакомиться с церковной, культурной и общественной жизнью Мадагаскара. В нынешнем году малагасийские Церкви будут отмечать 150-летие христианства в своей стране, которое за сравнительно небольшой исторический срок стало религией около половины шестимиллионного государства-острова. Христианство Мадагаскара связано тесными узами с Церковью Христовой, и об этих узах прежде всего свидетельствуют множество мучеников-малагасийцев, пострадавших в первые десятилетия становления христианства, патристическое служение местных христиан в доколониальный период, их страдания и муки вместе с передовыми борцами за освобождение от колониального порабощения и нынешнее их участие в борьбе с теми, кто направляет свои усилия на построение справедливого и процветающего общества. Юбилей 150-летия будет ознаменован церковными торжествами, которые состоятся в гг. Таматаве и Тананариве в августе 1968 года. В этот юбилейный год три христианские общины Мадагаскара — евангелисты, конгрегационалисты и община Братьев — решили объединиться в литургическо-молитвенном и организационно-административном планах в единую Церковь Христа на Мадагаскаре. В условиях развивающейся страны, где Церковь призвана играть особо важную роль в социальном и экономическом развитии, христианское единение на базе единой веры во имя братства и равенства всех граждан страны, братской дружбы с Церквями других стран и укрепления добрых отношений между народами может иметь только сугубо положительное значение.

Малагасийский народ имеет свою большую историю, традиции и культуру. До колонизации острова французами здесь добывалась железная руда и было налажено производство металла. Страна имела связи и даже дипломатические отношения с некоторыми европейскими государствами. Экспонаты музея, находящегося в бывшем королевском дворце, повествуют о народных умельцах Мадагаскара, их вкусах и любви к простым и вместе прекрасным формам в архитектуре, живописи и различных предметах быта.

Большой интерес у всех участников вызвал концерт, данный народными музыкантами в местном театре в Тананариве. В каждом из номеров концерта был ярко выражен народный эпос, дух трудолюбивого малагасийского народа, его радости и скорби, его вера в возможность построения счастливой жизни. В этой связи можно назвать два номера программы, которые навсегда останутся в памяти тех, кому довелось увидеть их исполнение. Это изображение в танцах и песнях процесса выращивания и обработки риса, основной сельскохозяйственной культуры страны, и небольшая пьеса о ламбе (народном одеянии в виде шали), в которой было показано, как одна и та же вещь имеет совершенно различное значение для богатого и бедного человека. Содержательно и наглядно был представлен номер, посвященный всем тем, кто борется за мир и стремится к нему. Программа заканчивалась поэмой о Вьетнаме, написанной местным автором, «Весь день, всю ночь во Вьетнаме», которая декламировалась на малагасийском языке и в английском переводе. Театральная программа была организована специально в честь участников богословской консультации под руководством министра информации, туризма и искусства Малагасийской Республики г-на Альфреда Рахаунаривелу.

Закончилась консультация на Мадагаскаре, и весь ее ход и те результаты, к которым она пришла, свидетельствуют о новом, важном шаге в деле сотрудничества во имя мира богословов и христиан Африки в рамках Мирного христианского движения. Консультация открыла важные возможности сотрудничества во имя мира и справедливости. Она явилась ценным вкладом в дело подготовки и проведения Третьего Всехристианского Мирного Конгресса в Праге, на котором ожидается широкое и представительное участие африканских богословов и христианских деятелей.

Протоиерей Павел Соколовский

СВ. БЛАГОВЕРНЫЙ ПЕТР, ЦАРЬ БОЛГАРСКИЙ

«Проповѣдый ты Владыка яко унша в братии,
суша меньшия, яко Давида помазав, поручи зем-
лю сию соблюдати всяко от напасти» *

Воинственный болгарский князь Симеон († 927) имел четырех сыновей. Сына от первого брака — Михаила он постриг в монахи, а князем Болгарским, своим преемником, назначил Петра, сына от второй супруги — гречанки. Сыновья Иоанн и Вениамин были еще отроками.

По греческим летописям, царь Петр, женившийся на внучке греческого императора Романа, заключил выгодный мир с греками: за Болгарией были оставлены завоевания Симеона, а за болгарским государем утвержден титул царя.

Царь Петр примирил Болгарскую Церковь с Константинопольским Патриархом, и Болгарский Архиепископ получил титул патриарха. Первым Болгарским Патриархом стал в 927 году Архиепископ Доростольский Дамиан. Автокефальная Болгарская Церковь просуществовала в патриаршем достоинстве до покорения первого Болгарского царства византийцами в 1018 году. Вся иерархия Болгарской Церкви при св. Петре стала болгарской. Богослужения совершались на болгарском языке, который был также и языком государственных сношений. Сам Петр переписывался с греками не иначе, как по-болгарски. Всем этим он оказал большие услуги Болгарской Церкви в ее становлении.

После 933 года Болгарии пришлось пережить большие трудности. Сначала против царя Петра восстали некоторые из бояр от имени его брата Иоанна. Петр был вынужден заключить Иоанна в темницу и покарал бунтовщиков. Потом другой брат Петра — монах Михаил, помогая царского венца, занял одну крепость, разорил Стримонскую область, но его сообщники умертвили его и сами рассеялись. В 934 году на Болгарию делали набеги венгры. В 963 году вспыхнуло тлевшее недовольство на хозяйничанье в стране византийцев — родственников царя. Боярин Шишман поднял восстание и после непродолжительной борьбы завладел Македонией и Албанией. Сербы также отделились в это время от Болгарии.

И церковная жизнь в Болгарии в правление Петра также испытала тяжелые потрясения. После введения в Болгарии христианства у части новообращенных, еще не окрепших в вере, возникла своеобразная оппозиция. Появилось еретическое учение попа Богомила (Богумила). Учение Богомила было дальнейшим развитием разных религиозных воззрений, смешанных с некоторыми положениями христианства. Наряду с Библией у богомилов были многие иные книги. Сам Богомил со-

* Сравни текст, приведенный в статье проф. В. И. Григоровича «О древнейших памятниках церковно-славянских». — «Петроу царю». «Известия Академии Наук по отделению русского языка и словесности», т. I (СПб., 1852), с. 98, 99.

ставил сборник апокрифов, считавшийся его приверженцами «священной книгой». Богомил учил о добром и злом началах. Ересь быстро распространилась, отчасти потому, что ее проповедники прикрывались внешним благочестием и добрым отношением к людям. Учение это, можно полагать, возникло на Балканах от переселившихся туда в VIII в. армянских павликиан, названных так по имени родоначальника павликианской ереси еп. Самосатского Павла (IV в.). Богомил выступил, по-видимому, в качестве преобразователя павликианского и еще более древнего — манихейского учений. Происходило все это постепенно. Мы не знаем, в какой форме воспринимались в Болгарии манихейско-павликианские учения. Но можно предположить, что они сразу подверглись на болгарской почве изменениям и получили характер и вид ереси «новоявившейся». Это видно из послания патриарха Константинопольского Феофилакта царю Петру. Петр дважды обращался к нему с запросами по поводу богомилской ереси. До нас дошел только один ответ патриарха. Из него видно, что распространившаяся тогда в Болгарии ересь была не вполне известна патриарху. Известный болгарский церковный писатель X в. Косма Пресвитер в 13 «Беседах» («Словах») против богомилов говорит, что при Петре Богомил стал распространять ересь: «Нача пёрвее учити в земли болгарстей». («Беседы» Космы Пресвитера является главным, собственно болгарским источником для изучения богомилства. Они напечатаны в «Православном собеседнике» за 1864 г., по рукописи XV в.)

Царь Петр после соборного осуждения ереси предпринял решительные меры против еретиков за дерзкие кощунства над церковными таинствами и учением. Собор поручил Косме Пресвитеру написать «Слово» против богомилов. Когда состоялся Собор, осудивший ересь, и было написано «Слово», Косма Пресвитер прямо не говорит, но пишет о наказаниях, которым были подвергнуты еретики.

Самым тяжелым временем для царя Петра были последние два года его жизни, когда происходили вторжения в Болгарию мадьяр, хорватов и других народов и был нарушен мир с Византией в ответ на оскорбления болгарских представителей в Константинополе, которые были посланы к Никифору II Фоке с суровым требованием тяжелой дани. Но тот обошелся с послами крайне оскорбительно и потребовал от царя Петра не допустить перехода враждебных империи мадьяр через Дунай. Петр отвечал, что, не получив от империи помощи против мадьяр, он был вынужден заключить мир с ними и исполнить желание императора не может. Мадьяры врывались в Византию через Болгарию в 959 и 962 гг. Нашествия их были тяжелы и для Болгарской страны. Оставленные без договорной помощи и грубо оскорбленные в лице своих послов болгары не могли не воевать с Византией. Это понимал и Никифор, как и то, что империя была тогда слаба для войны с болгарскими. Поэтому он поспешил тайно сговориться с неприятелями для совместных военных действий. В апреле 967 года войска Никифора появились в устьях Дуная. Царь Петр выслал войско, но не устояв против натиска неприятелей, войско поспешно заперлось в Дрествине, а потом сдалось. Это тяжело отразилось на ослабленном здоровье царя Петра, и он скончался в 967 году (по другим данным — в 969 году), на 56-м году жизни. Житие св. Петра написано блаж. Феофилактом, Экзархом Болгарским.

Основой всех действий и стремлений в жизни св. Петра служили закон евангельский и наставления преподобного Иоанна Рыльского, современником которого он был и к которому питал глубоко благоговейное уважение, как к великому подвижнику. Он очень желал видеть его, но смиренный отшельник отклонил свидание и только в письме написал царю нужное для него наставление. Прибыв в Средец (ныне София), царь Петр послал 10 человек отыскать в горах блаженного

подвижника, и те через пять дней нашли его. Получив от них сведения о местопребывании преподобного, царь Петр с несколькими приближенными сам отправился в горы. Дойдя до источника Рыла, он встретил неприступные утесы и громадные осыпи. Тогда он поднялся на гору Книшову. (Место, где он стоял, с того времени называется «царской вершиной».) Там ему указали на утес, где видели великого пустытника. Царь послал двух человек, чтобы они добрались до него и испросили у него благословения царю. Посланные исполнили поручение. Преподобный Иоанн послал царю свое благословение и ответ: «Труд твой и приношения, как благовонное кадило, вознеслись к Богу, но поспеши уйти с места, на котором стоишь,— место опасное, можешь неожиданно пострадать с твоими приближенными. Худости нашей не увидишь в этой жизни, но в будущей узрим друг друга, насладимся радостью, если принесем плоды, достойные покаяния» (Филарет, архиеп. Черниговский. Святые южных славян. СПб., 1894, с. 34).

После этого царь Петр послал отшельнику богатые дары и писал ему: «Всечестному Иоанну пустынножителю. Слышав о боголюбивой жизни твоей и пустынном пребывании, о совершенном удалении от мира и ангельском житии, весьма желал я видеть твое преподобие и послушать твоих наставлений. Надеялся я получить много пользы от одного созерцания твоей жизни, хотя несколько взглянуть на свет невещественной жизни. Желание богатства, суетная слава, страсти не оставляют нас, мирских людей, и душевные очи наши помрачены мирским мятежом. Потому-то, пробудившись несколько от глубокого сна, желал я видеть твою святость. Но, несчастный, я лишился этой благодати по грехам моим. Потому припадаю и молю—пошли мне какое-нибудь утешение, прохлады зной печали моей. Твое преподобие знает, какие бури мира и какие заботы обуревают сердце моё» (Там же). Блаженный Иоанн принял плоды. Но к присланному при этом золоту не хотел и дотронуться. В ответ он написал царю: «Пустынику не нужно золото. Царю же оно нужно на оружие и на войско,— он должен тратить деньги. Если хочешь наследовать Царство Небесное, будь щедр, как Отец Небесный. Не надейся на неправду и не жаждай корысти, будь кроток и тих, доступен для каждого. Багряница твоя пусть сияет добродетелями. Память о смерти да посещает душу твою. Смиряться пред стопами Матери нашей Церкви, преклоняй главу твою пред ее первопрестольниками, дабы Царь царствующих, видя такое твое усердие, подал тебе блага, какие не всходили на сердце человеку» (Там же). Царь Петр, получив это письмо, с любовью поцеловал его и потом постоянно держал при себе, часто читал и стремился в жизни своей осуществить завет святого подвижника.

Святая Православная Церковь обращается к св. Петру с молитвенным воззванием: «Якоже прежде возлюби миром пребывати в житии своем, тако и ныне нам молитвами к Богу страны вся умири».

**Иоанн Христов,
священник Болгарского подворья
в Москве**

ВТОРОЙ ВИЗИТ ДЕЛЕГАЦИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЦЕРКВИ БРАТЬЕВ (США)

По приглашению Церкви Братьев делегация Русской Православной Церкви находилась в США с 11 ноября по 1 декабря 1967 года. Совместное коммюнике об этом визите напечатано в нашем журнале (1968, № 1, с. 9—11). Ниже публикуются три речи главы делегации Русской Православной Церкви митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата, произнесенные им на официальных встречах во время визита.

РЕЧЬ

**митрополита Ленинградского и Новгородского НИКОДИМА
при посещении центра служения Церкви Братьев США
13 ноября 1967 года**

Возлюбленный о Господе д-р Роу, дорогие во Христе сестры и братья!

Находясь в этом центре служения, мы в своем сердце содержим мысль о Христе—Господе, Который сказал о Себе: «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20, 21), и Который в другом месте возгласил: «Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит» (Ин. 14, 12). Как нам кажется, эти тексты слова Божия более всего уместно произнести здесь, среди любвеобильных и самоотверженных братьев и сестер, по призыву Господа своего посвятивших свои силы служению ближним. Дела Христовы — это дела служения. То, что Он совершил для спасения рода человеческого и для облегчения земных страданий людей, надлежит неустанно делать тем, которые последуют своему Господу и хотят Ему служить. Путь служения Христова — путь самоотвержения и самопожертвования «даже до смерти» — это наш христианский путь. Нам радостно сознавать, находясь здесь, что вечно живое благовестие Евангельской правды нашло отклик в душах братьев и сестер — соединенных любовью Христовой — Церкви Братьев и что практическое выражение христианского ответа на приведенные мною слова Господни являет и этот центр — центр служения.

Нам вспоминаются одновременно недавние встречи и собеседования, какие проводились между членами Русской Православной Церкви и представителями Церкви Братьев в нашей стране. Мы имели приятную возможность принять дорогих гостей в православных русских центрах — в Троице-Сергиевой Лавре в Загорске, Успенской Лав-

ре в Почаеве, в Московской и Ленинградской духовных академиях — центрах молитвы и научного христианского образования. И там наши гости и соратники видели примеры служения, — целеустремленного и самоотверженного служения в соответствии с нашими обычаями и традициями, в котором принимают участие не отдельные подвижники благочестия и науки, а весь наш православный народ, а потому это служение можно назвать поистине общественным. Мы рады сознавать, что между нашими православными центрами и центром служения вашей Церкви как бы установились такие связи, которым не страшны ни ложные предубеждения, ни пропаганда недоброжелательства.

Благодаря нашим встречам и другим формам дружественного общения мы создаем, образно говоря, совместную программу служения благу наших народов и человечеству вообще, смущаемому неустойчивым современным миром и жаждущему справедливости, свободы, процветания и мира.

Мы должны служить друг другу и всем людям братской любовью и той открытостью сердец, которая возможна для близких и искренних друзей; мы должны взаимно служить и нашим народам, уничтожая предубеждения, борясь с проявлениями недоброжелательства и вражды, способствуя развитию взаимопонимания и сотрудничества во всех возможных областях, ибо нам совершенно ясно, что наши великие державы — Советский Союз и Соединенные Штаты — могут и должны найти путь взаимопонимания и сотрудничества, а это будет благом не только их собственным народам, но полезно и для должного мирного развития в мире. Мы при этом не молчим, видя несправедливость в социальной области или такое направление политики, которое создает угрозу миру, справедливости и свободе, как, например, мы видим это ныне во Вьетнаме. Соединение наших христианских сил с усилиями всех людей доброй воли на земле — это важнейший пункт программы мира, свободы, справедливости и процветания.

Мы знаем, как многообразно может быть служение христианское, которое должно быть всегда направлено как к отдельному человеку — нашему ближнему, так и к обществу людей, окружающих нас. Церковь Христова — это всегда в какой-то степени и социальная структура, и служение ее, кроме присущего ей приготовления своих сынов к вечности, носит отчасти и социальный характер. В этом служении гуманитарный аспект стоит на первом плане, он проникает всё, ибо главная ценность мира — человек и главная задача нашего служения — способствовать полному раскрытию человека и всех его дарований и способностей в общественной жизни с всё большим и большим его возвышением в направлении всецелого и главным образом нравственного совершенствования, к чему призывает нас Христос словами: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Мы имеем много общего в понимании важности социального христианского служения, имеющего в виду равное достоинство всех людей, независимо от расы, национальности или культурного уровня, а также должны использовать наши возможности для правильного пользования духовными и материальными благами и техническими достижениями современного мира для мирного и созидательного развития человечества.

Господь Всемогущий да благословит социальное служение Церкви Братьев! Христиане Русской Православной Церкви через нас передают свои благопожелания этому центру в его христианском служении миру, справедливости и прогрессу.

РЕЧЬ

митрополита Ленинградского и Новгородского НИКОДИМА
на официальном приеме в штаб-квартире Церкви Братьев
в Эдджине, Иллинойс, 16 ноября 1967 года

Возлюбленные о Христе братья! Нельзя без внутреннего глубокого чувства произносить священное слово «братья», которое вы употребляете в качестве наименования вашей общины.

С незапамятных времен человек стремился с наречением имени или с выбором какого-либо названия соединять любимое понятие или выскокую идею, как бы предначертывая чрез это человеку или группе людей их жизненный путь и призвание. Благодать Божия, открывшаяся во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому Бог дал Имя выше всякого имени (Флп. 2, 9), возвысила и одухотворила все человеческие понятия, идеи и стремления, в результате чего познание о Боге любви и мира стало распространяться множеством способов (2 Кор. 2, 14), в том числе и посредством прекрасных, глубоко христианских по смыслу имен и наименований.

Одним из таких наименований, несущих на себе благоухание первохристианской эпохи, является и слово «братья». Конечно, оно не заменяет собой полноты внутреннего смысла, заключенного в слове «христиане», происходящем непосредственно от имени Христа, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3) и сосредоточена полнота жизни и света (Ин. 1, 4). Но, раскрывая в себе одну из важнейших черт христианства, слово «братья» имеет неоспоримое и серьезное значение в жизни Церкви с древнейших времен, что видно из слова Божия и из истории. Оно введено в употребление Самим Господом, Который, по выражению апостола, не стыдится называть освящаемых крещением во имя Живоначальной Троицы Своими братьями, говоря: «Возвещу имя Твое братиям Моим, посреди церкви воспою Тебя» (Евр. 2, 11—12, Пс. 21, 23). В книге Деяний Апостольских почти каждая страница говорит о том, что слово «братья» было самым привычным и излюбленным выражением в среде тех, кто имел счастье общаться с Самим Господом или с Его непосредственными очевидцами или учениками. Слово «братья» напоминает нам о нашей близости к общему нам Небесному Отцу, а также о нашем призвании «быть некоторым начатком Его созданий» (Иак. 1, 18), строителями Царства Божия, служителями Любви, собирающей всё человечество в единую великую семью Божию.

Но дерзновение, с которым мы прилагаем к себе такие священные слова, как «христиане» или «братья», сопряжено с большой нравственной ответственностью. Носить такое имя — значит всегда напоминать себе о том, что мы не должны «оставлять первую любовь» свою (Откр. 2, 4), но должны содержать имя Христово и соблюдать дело Его до конца (Откр. 2, 13, 26).

Отношение к брату является верным показателем того, по какому пути мы идем: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете» (1 Ин. 2, 9—10).

Дорогие братья, я искренне рад предоставленной мне возможности передать вам благословение и добрые благопожелания от Предстоятеля нашей Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, а также засвидетельствовать вам сердечные братские чувства наших иерархов, пастырей и православных христиан нашей Церкви и страны.

Предстоящие дни нашего общения помогут нам, как я надеюсь,

еще ближе узнать и полюбить друг друга, укрепить узы нашей дружбы, связать наши Церкви союзом нерушимой любви Христовой, что, несомненно, послужит делу сближения и взаимопонимания и между народами наших стран.

Благодарю вас за сердечные встречи и за то внимание, которым вы окружаете нас. Господь да пребудет всегда со всеми нами, содействуя нашим добрым начинаниям, укрепляя наши усилия в созидании мира и любви, осеняя нас Своим небесным благословением.

Как представитель Русской Православной Церкви я имею честь приветствовать ваше генеральное собрание братства, что составляет одно из свидетельств добрых экуменических отношений между Русской Православной Церковью и Церковью Братьев, сложившихся за последнее время, а также братских связей между христианами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Нас радует возможность углубления между нами диалога по вопросам христианского служения миру. Последнее посещение Московского Патриархата делегацией Церкви Братьев было весьма плодотворным, ибо особенно глубоко раскрыло перед нами добрые устремления и любвеобильную природу вашей Церкви. Мы рады были ознакомить прибывших к нам братьев с жизнью православных христиан в Советском Союзе, в различных его районах — в Москве и Ленинграде, Почаеве и Одессе и в других местах. Мы были рады показать жизнь и служение нашей Церкви теперь, когда наша страна празднует пятидесятилетний юбилей Великой революции, совершившейся у нас в октябре 1917 года, принесшей новые человеческие отношения с устремлениями к миру, справедливости, свободе и всеобщему прогрессу. В нашем новом обществе религиозная жизнь находит свое место, как и христианское служение, имея в виду прежде всего внутреннее совершенствование, а также содействие развитию всего доброго и полезного. В жизни нашего общества христиане Советского Союза ведут практический диалог со всеми остальными гражданами нашей страны на основе общих устремлений к миру, справедливости и прогрессу. Они — участники больших социальных преобразований и в то же время верные последователи своего Господа. Мы с радостью свидетельствуем это здесь точно так, как вся Русская Православная Церковь свидетельствует то же самое своей жизнью на протяжении истекших пятидесяти лет.

Мы надеемся, что и сотрудничество наших Церквей и начатый нами откровенный, сердечный и искренний диалог продолжатся во славу Божию и на пользу людям. Задача нашего сотрудничества состоит в экуменическом сближении наших Церквей. Мы видим нашу общность также и в служении человечеству и думаем, что через такое служение наши экуменические цели станут более достижимыми. Перед христианскими Церквями в наше время лежит особенно большая задача — реализация в мире любви Христовой, отображающейся в делах мира, правды и милости. Мы знаем, что это путь узкий и тернистый, но мы веруем, что иного пути нет и только этим путем должны мы идти, дабы мы сами и наши ближние во всем мире вкусили сладостные плоды Царства Божия, которое начинается на земле в бесконечном и всестороннем совершенствовании человека. Для этого мы восстаем против ненависти и неравенства, порабощения и угнетения, против подавления свободы и независимости народов. Мы боремся за преодоление международной напряженности и добиваемся ныне прекращения кровопролития во Вьетнаме и мирного разрешения этого опасного для человечества и могущего привести к большим осложнениям конфликта.

Наши христиане и наш народ с радостью готовы сотрудничать со всеми людьми доброй воли для достижения великих целей мира, об-

щественного созидания на справедливых началах и всякого развития, служащего благу человечества и процветанию мира. Мы определенно считаем, что нам и христианам США необходимо сотрудничество для сближения народов наших стран в благих целях мира, ибо опасность разобщения и вред разжигания недоброжелательства в нашем мире при современных технических возможностях могут привести к катастрофе.

И сейчас со всей братской любовью и откровенностью мы вновь и вновь повторяем, что главное препятствие на пути сотрудничества между народами наших стран — это война, какую правительство Соединенных Штатов ведет во Вьетнаме. Эскалация войны вызывает страдания не только народов Вьетнама, но и народов Соединенных Штатов, сыны которых гибнут в Юго-Восточной Азии, приносимые в жертву антикоммунистической политике. Как долго будет литься кровь? — вопрошаем мы. Как долго некоторые граждане вашей страны будут обманывать себя миражем национального престижа? Как долго они будут думать, что прогрессивные социальные изменения несут в себе опасность для мирового порядка? Мы имеем право задать эти вопросы, потому что народ нашей страны, победив в революции, объявил принципом социалистического устройства мир между народами, потому что он вместе с народами Соединенных Штатов, Великобритании и Франции отстаивал мир во время второй мировой войны и своей великой жертвенностью и жаждой мира победил человеконенавистнический фашизм. Мы верим, что разум и человечность восторжествуют, ибо над нами — Господь, зовущий нас быть миротворцами, и в нас живет любовь Христова. Мы благодарны Церкви Братьев за то, что находим в ней понимание нашей озабоченности.

Да благословит Господь Церковь Братьев и да дарует ей силы в борьбе за мир, справедливость, свободу, прогресс и процветание мира!

Мир и человеколюбие — величайшие слова — полны глубокого значения. Христиане всего мира в союзе с людьми доброй воли должны исполнить эти слова в конкретном служении своем на благо человечеству, во славу Господа нашего и Бога, «Иисусом Христом примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения» (2 Кор. 5, 18).

РЕЧЬ

**митрополита Ленинградского и Новгородского НИКОДИМА
на специальном собрании в Вифанской богословской
семинарии 21 ноября 1967 года**

Досточтимый г-н ректор, дорогие братья и сестры!

Сердечно благодарю вас за честь, оказанную мне, и за этот почетный диплом. Здесь сказано обо мне так много, что я по всей справедливости должен заявить, что моя деятельность — это труд обычного служителя Святой Церкви. Словами апостола Павла я могу ответить: как неключимый раб за двадцать лет своего служения в священном сане я сотворил то, что должен был сотворить. Вместе с тем я хочу сказать, что этот диплом будет еще одной видимой связью моей с Церковью Братьев и я буду продолжать в своей деятельности стараться укреплять взаимоотношения нашей Церкви, Московского Патриархата, с Церковью Братьев и их сотрудничество для умножения на земле любви, мира и справедливости.

Дорогие друзья, я всегда почитаю большой для себя радостью выступать перед руководителями, наставниками, учащими и учащимися духовных школ, перед церковными богословами и особенно перед изучающими богословские науки молодыми людьми, потому что мне

Вручение митрополиту Никодиму почетного диплома
в Вифанской семинарии, Оук Брук, Иллинойс, США

близки их устремления и надежды, вдумчивое их отношение к жизни, поиски решения жизненных проблем, и, наконец, я всегда помню, что молодежи принадлежит будущее.

Я приветствую вас, дорогие друзья, от имени Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного нашего Синода, от имени клира и паствы, от имени профессоров и учащихся наших духовных школ, от лица православных христиан нашей Церкви, а также от имени нашей церковной делегации. Мы желаем вам, вашей семинарии, вашей стране и народу и всем членам Церкви Братьев успехов в трудах, мира и единомыслия во взаимоотношениях со всеми людьми.

Мы прибыли к вам с миром и любовью. Это уже второй визит делегации Русской Православной Церкви Американской Церкви Братьев, что свидетельствует о развитии и укреплении наших дружеских связей, об экуменических наших устремлениях.

В настоящее время характерным моментом в жизни человечества является становящееся всеобщим стремление к миру и братству. Нам известно миролюбие простых американских людей. Оно традиционно. Еще в 1855 году ваш поэт Лонгфелло, основываясь на народном эпическом творчестве, в своем всемирно известном произведении «Песнь о Гайавате» изумительным поэтичным языком призывал всех людей к миру и братству. Мне вспоминаются такие, правдивые и сегодня, слова героя этой поэмы Гитчи Манито, обращенные к современникам:

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе.
Примиритесь, о, дети!
Будьте братьями друг другу!

Этими словами выражается древняя мысль библейского призыва перековать мечи на орала (Ис. 2, 4), они отвечают миротворческим заветам христианской веры, и, наконец, осуществление этого идеала в жизни связано с самым наименованием вашей Церкви — Церкви Братьев! И не только с наименованием, но и с делами вашей активной церковной общины. Мы знаем, что с момента своего зарождения Церковь Братьев, осуществляя свою деятельность, вносила в жизнь людей евангельские начала мира и братства. И это вполне естественно, ибо христиане не могут стоять в стороне от разрешения тех вопросов, которые волнуют жителей нашей планеты.

Именно этот момент актуальной направленности церковной жизни сблизил нас и послужил установлению взаимопонимания и контактов между нашими Церквями, скрепленными братской во Христе любовью.

Дорогие мои друзья, позвольте мне выразить искреннюю благодарность вашей Вифанской семинарии за честь, оказанную мне сегодня.

В этом я вижу проявление любви и внимания со стороны Церкви Братьев к Русской Православной Церкви и вместе с тем интереса к православному миропониманию. Еще в сравнительно недалеком прошлом трудно было даже представить себе возможность такого рода экуменических жестов. Мы почти не знали друг друга и жили обособленной жизнью не только по причине территориальной отдаленности, но и вследствие взаимных межконфессиональных предубеждений. Благодарение Господу, ни исторические факты, ни склад нашей церковной психологии отнюдь не служили источником каких-либо недоразумений между нашими Церквями и не являлись почвой для взаимной отчужденности. Мы просто избегали друг друга, как представители двух конфессий, которые далеко разошлись в вопросах вероучения и церковной практики, и, желая внутреннего мира, мы замыкались в себе.

Теперь мы живем в другое время, когда не только техника успешно преодолевает расстояния, но и сама жизнь властно требует от всех отказа от всякого рода самодовольства и перехода к совместному ответственному служению ради общего блага. В мире, который, несмотря на все коллизии, становится все более и более единым, ибо закон Божий, написанный в сердцах человеческих (Рим. 2, 15), побуждает всех людей доброй воли объединяться ради торжества человеколюбия и мира на земле, — в таком реальном сегодняшнем мире не может быть места и для христианской самоизоляции и провинциализма, ибо христиане призваны светить всему миру (Мф. 5, 14) с высокого свещника своей веры, а не быть тормозом на пути человеческого развития. Боязнь нарушить свой внутренний мир в сложном переплете экуменических отношений и социального служения человечеству недостойна христианина, ибо боящийся несовершенен в любви (1 Ин. 4, 18).

Сознавая и чувствуя это, в смиренном послушании Богу любви и мира, мы, христиане, независимо от наших разделений, смело и решительно идем ныне по пути, который указывает нам Господь Иисус Христос и как Божественный Учитель наш и как Господин истории. Сердца наши расширены (2 Кор. 6, 11) друг для друга, мы идем друг другу навстречу, стремясь обрести ревностных поборников христианского единства, правды и мира, и при помощи Божией действительно достигаем этого.

Самый факт, что Господь наш Иисус Христос пламенно молился о церковном единстве в последние часы перед Своими страданиями, говорит, что единение христиан в вере и жизни не только составляло одну из наиболее важных Его забот, но и было тем бесценным даром и сокровищем Его Церкви, которому, как Он предвидел, предстояло в будущем подвергнуться тяжким испытаниям.

И апостолы Христовы хорошо усвоили и значение этой заботы и смысл этого предвидения. Они увещевали христиан подвизаться за ве-

ру, однажды преданную святым (Иуд. 1, 3). Они со скорбью душевной предупреждали пастырей Церкви о том, что из среды самих христиан восстанут люди, которые будут говорить превратно (Деян. 20, 30). Они вынуждены были прибегать иногда к строгим прещениям против тех, кто пытался «превратить благовествование Христово» (Гал. 1, 7—9).

В жизни оказывается так, что разрушение церковного единства влечет за собой и ущербленность веры и оскудение любви внутри христианской общины. «Если между вами... споры и разногласия, — говорил ап. Павел коринфянам, — то не плотские ли вы?» (1 Кор. 3, 3), показывая этими словами, насколько несовместимы распри и разделения, возникающие в христианской общине, с истинной духовной природой христианской веры. Какой пример может дать миру разделенное или разрушающееся христианское братство? Не остается ли у него вместо всепокоряющего духа любви одно лишь наименование? Не становится ли оно тогда той солью евангельской притчи, которая потеряла свою силу и перестала быть соленой? На бездейственность или, во всяком случае, на слабую действенность разделенного христианства явно указывают слова Спасителя, сказанные Им в Его первосвященнической молитве: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17, 21). Где нет единства во Христе, там не может быть и убедительной для мира проповеди о Христе и его мире.

История христианских разделений и их преодоления сложна и глубоко трагична. Нередко весьма добрые человеческие намерения, осложняясь множеством случайных обстоятельств, — увлечениями, непредусмотрительностью и т. д., — не только не приводили к устранению зол, внедрившихся в церковную жизнь, но вели к печальным последствиям в виде новых глубоких разделений. Трагизм этот в значительной степени усугубляется тем, что можно условно охарактеризовать как своего рода почти необратимость процесса христианских разделений. Нарушение предания — будь то истинного или искаженного — немедленно переходит в новую традицию, быстро укореняющуюся в умах и сердцах людей. Здесь происходит нечто, подобное известному нравственному закону, действующему в человечестве после грехопадения: грешить и укореняться в греховном расположении души несравненно легче, чем творить добро и преодолевать свою греховность. Чтобы внести разделение, не требовалось больших усилий, но чтобы преодолеть разделение, нужны поистине героические усилия и, кроме того, особая Божественная помощь.

Несомненно, веруя в то, что такая благодатная помощь будет дана разделенным христианам ради их покаяния и сердечного устремления к единству, мы не можем, однако, оставаться бездейственными в ожидании чуда нашего воссоединения. Благодать Божия не действует неодолимо и не делает ничего помимо нашей воли, проявляемой в наших постоянных усилиях. Если мы действительно хотим быть едиными в соответствии с волей Самого Христа Спасителя, то нам предлежит большой и долгий труд, в результате которого и может быть даровано нам подлинное и совершенное единство веры и жизни во Христе.

Христианское единство, однако, не есть полное единообразие. И слово Божие и бесчисленные свидетельства древности убеждают нас в том, что Церковь Божия есть единство существенного и множественность второстепенного.

Хорошо известен прекрасный принцип, выражающий сущность истинного единства Церкви: «In necessariis unitas, in dubiis libertas, in omnibus charitas». Последний член этой формулы напоминает нам о нелицемерном братолюбии (1 Пет. 1, 22), которое составляет нравственную основу христианских отношений. Первый же ее член устремляет мысль

нашу к апостольскому увещанию относительно послушания истине (там же), а следовательно, Церкви, Главой которой является Сама Истина — Богочеловек Господь Иисус Христос (Ин. 14, 6) и которая одушевляется Духом Истины (Ин. 14, 17) — Духом Святым.

И каковы бы ни были причины существующих христианских разделений, для восстановления нарушенного единства должны в полной мере проявиться — и не в отдельных только личностях, а во всем христианском мире — эти два подлинно христианских качества: братолюбие и послушание истине, то есть в первую очередь разумная ревность о чистоте богопреданного учения, исключаящая и отметающая все, что может каким-либо образом «превратить благовествование Христово» (Гал. 1, 7).

Опыт прошлого привлекается иногда скептиками для подкрепления предвзятого убеждения, будто качества эти противоречивы чуть ли не по самой своей природе. Действительно, история знает немало примеров фанатической ревности о чистоте вероучения, совершенно исключившей христианское братолюбие. Такая ревность не только становилась ревностью «не по разуму» (Рим. 10, 2), но и приобретала подчас чудовищные антихристианские формы, — братоубийственные религиозные войны и т. д. Но подобные исторические примеры, если их правильно объяснить, доказывают как раз обратное: не существенную якобы противоположность братолюбия и ревности по вере, а, напротив, их прямую и неразрывную взаимосвязанность.

В самом деле, если ревность не по разуму исключает подлинное братолюбие, то верно и несомненно, что нелicenseрное братолюбие возможно лишь при наличии в среде христиан разумной ревности о вере. Именно эту святую истину, которую достойно и праведно было бы написать на знамени всемирного христианского экуменического движения, внушает нам в своем Соборном послании св. апостол Петр: «Послушанием истине чрез Духа очистив души ваши к нелicenseрному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца» (1 Пет. 1, 22). Послушание Божественной Истине необходимо для стяжания подлинного братолюбия потому, что без него братолюбие легко может обратиться в склонность к легким и беспринципным компромиссам в области вероучения, основанным на догматическом минимализме и даже полном адогматизме. Такие компромиссы способны только усыплять христианскую совесть, создавая только видимость духовного единства. Это уже не братолюбие, а, скорее, шаг к братоубийству, ибо, как говорил еще великий учитель Древней Церкви св. Амвросий Медиоланский, тот не может быть безопасен, кто решится нарушить веру (2-я книга «О вере», гл. 4).

Но, говоря о важности разумной ревности по вере для истинного братолюбия, мы должны иметь в виду и обратное соотношение: искреннее братолюбие есть та необходимая почва, на которой только и могут вырасти и созреть плоды единства, основанного на всецелом послушании Божественной Истине. Эту истину подтверждает нам тот же св. апостол Петр в другом своем послании. В нем он предупреждает нас, что только при наличии братолюбия мы «не останемся без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа» (2 Пет. 1, 7—8), а, следовательно, пребудем в должном и спасительном послушании Истине.

Если при забвении братолюбия ревность по вере может обратиться в сухой и бессердечный ригоризм, мелочное «ощеживание комара» (Мф. 23, 24), самодовольное богословствующее фарисейство, то нелicenseрное братолюбие открывает путь ко всякому плодотворному христианскому деланию: и к стремлению восстановить полное единство в вере и жизни, и к широкому совместному служению человечеству, к которому мы призваны, притом на любой ступени нашего единства, которая оказывается доступной в данный момент.

Христианское служение людям, осуществляемое во имя любви, является нашим прямым долгом, поскольку мы хотим быть последователями Христу, Который «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20, 28). В частности, священное дело миротворчества завещано нам и лично Христом Спасителем (Мф. 5, 9; Мк. 9, 50) и чрез святых Его апостолов (Евр. 12, 14; 2 Кор. 5, 18), и его мы должны совершать при всех обстоятельствах, не ожидая, пока созреет и осуществится полное всехристианское единство. Христианское братолюбие помогает нам выполнять это великое служение наиболее действенно и плодотворно.

Притом мы не можем и не должны забывать о другом Божественном завещании, выраженном в словах «Да будут все едино!» (Ин. 17, 21), ибо в его исполнении содержится залог успешности всякого христианского служения. Делая все, что мы можем на данной степени христианского единства, мы должны постоянно думать и об углублении самого единства, ибо в едином законе Христовом нельзя одно делать, а другое оставлять (Мф. 23, 23; Иак. 2, 10).

Христианские разделения затрагивают важные истины вероучения и нравоучения, они касаются не только внешних форм церковной жизни, но и понимания самой сущности спасения. Православная Церковь ясно осознает и глубину этих расхождений и трудность их преодоления. Но именно потому она и не стремится уклоняться от обсуждения всего, что относится к самому существу веры, а, напротив, считает своим нравственным долгом напоминать о важности такого обсуждения.

Бессмысленны и недостойны христианина лишь фанатичные споры о вере, которые ведутся «по любопрению или по тщеславию» (Флп. 2, 3). Их решительно отклоняет великий апостол языков. «Если бы, — говорит он, — кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни Церкви Божии» (1 Кор. 11, 16). Но всякое объяснение и выяснение любой Церковью или деноминацией своих искренних убеждений, всякое братское обсуждение вопросов веры, из которого удалены «раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие» (Еф. 4, 31), есть дело доброе.

Православная Церковь непоколебимо убеждена в том, что она не только во всей чистоте хранит Божественное учение, в котором «нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства» (1 Фес. 2, 3), но что и обычаи ее не содержат в себе ничего, не согласного с этим чрез апостолов переданным учением. И именно в силу этой непоколебимости своих убеждений она всегда готова с искренней любовью не только делиться своими духовными сокровищами, но и выслушать любые доводы, сомнения и возражения и всякому, вопрошающему о ее уповании, «дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3, 15). Не дерзая ни приносить что-либо новое в сокровищницу Священного Предания, ни что-либо из нее исключать, Православная Церковь, наставляя своих чад в этом Предании, внушает им, что «кто из нас совершен, так должен мыслить» (Флп. 3, 15).

Если послушание Истине побуждает нас стремиться к взаимопониманию до конца, до полного преодоления разногласий, то братолюбие требует от всех нас, конечно, решительного отказа от всего, что могло бы задеть или оскорбить благочестивые чувства наших братьев во Христе. Здесь нужно, быть может, проявлять даже особую заботливость, доходящую до шепетильности, о том, чтобы и случайно сказанным «гнилым словом» (Еф. 4, 29) не подать брату повода к преткновению или соблазну (Рим. 14, 13).

Если все христиане согласны, что единство должно обнимать область необходимого (*In necessariis unitas*), то в применении к вероучению это означает признание неизбылемости и общеобязательности догматов, то есть боготкровенных истин веры. Но здесь обычно и начи-

нается острое межконфессиональное и труднопреодолимое разномыслие. Поднимается вопрос: как и где найти несомненные догматы?

Еще проф. А. Гарнак на рубеже XIX и XX века усматривал в богословии Православной Церкви «продукт соединения эллинизма с христианской проповедью». В результате такого соединения, по мнению Гарнака, «все, что нарастало в течение веков, было названо «апостольским», а православное вероучение разрослось «во всеобъемлющую теософию», основанную на убеждении, что «христианская религия, будучи абсолютной, должна давать ответы на все вопросы метафизики, космологии и истории» («Сущность христианства», лекции 12 и 13). Иными словами, виднейший протестантский богослов конца XIX — начала XX века был убежден в том, что Православная Церковь, несмотря на ее «традиционализм», то есть благоговейное, не допускающее новшеств, сохранение принятого наследия (лекция 13), в действительности считает за догматы большее число истин, чем надлежало бы.

С другой стороны, на Востоке иногда так рассуждали о западных вероисповеданиях, то есть о католицизме и протестантизме: католицизм умножает число догматов, на основе теории «догматического развития» и веры в непогрешимость верховного церковного учительства, протестантизм же, напротив, число догматов уменьшает. Эти мысли не без юмора были высказаны православными японцами в их письме в Россию по случаю 900-летия со времени крещения русского народа. Упомянув об известном сказании, как к великому князю Владимиру приходили из различных стран послы с целью убедить его в превосходстве своей веры и как князь Владимир показал, почему он предпочитает предлагаемое греками Православие, авторы письма пишут далее следующее: «Вот мы имеем перед собой одну партию посланников, которые предлагают нам принять их веру. Но на вопрос, каковы же, собственно, их догматы, могут ли они ответить нам иначе, как так: «сегодня мы сохраним такие-то и такие-то учения, но что будет прибавлено к ним завтра, мы не знаем». Есть у нас проповедники и другого рода. Когда предлагают им тот же вопрос (т. е. «каких догматов держитесь вы?»), то они отвечают на него совершенно иначе, чем первые. «Сегодня, — говорят они, — у нас учение такое-то, но что мы выбросим из него завтра, — это мы и сами не знаем» (см. «Церковный вестник», 1895, №№ 47 и 48. Русская Церковь по взгляду англиканского богослова [то есть д-ра Биркбека], стр. 1492 и 1521).

Самый простой и естественный способ установить, какие вероучительные истины являются несомненными догматами, состоит в том, чтобы все без исключения христиане возвратились к догматическому наследию древней, неразделенной Церкви эпохи Вселенских Соборов. В процессе такого возвращения произошло бы естественное отделение догматов от отеческих *θεολογούμενα* и от так называемых частных богословских мнений. Иного пути возвращения к полному вероисповедному единству, по-видимому, не существует.

Заканчивая свою речь, я хочу пожелать вашей семинарии успеха в ее ученой и учебной деятельности. Церкви же Братьев, столь гостеприимно принявшей нас и оказавшей мне, представителю Русской Православной Церкви, высокую честь, от всего сердца желаю Божия благословения, твердой решимости неуклонно идти в направлении к достижению всехристианского единства и мужественно служить делу примирения на основе любви и братства.

БОГОСЛОВСКИЙ ОТДЕЛ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ГРЕЧЕСКОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

Как известно, паломникам Русской Православной Церкви в Святой земле представляется Иерусалимским Патриархатом возможность принимать участие в богослужениях. Весной 1967 года паломническая группа Московского Патриархата прибыла в Иерусалим в Великую среду и принимала участие во всех службах Страстной седмицы, в Святую Пасху и в последующие дни Светлой седмицы. В этой статье мы укажем основные богослужебные особенности, которые наиболее обращали на себя внимание.

В Великий четверг, по окончании литургии св. Василия Великого, которая совершалась в приделе св. апостола Иакова, на площади у входа в храм Воскресения совершался чин умовения ног. Здесь было устроено возвышенное место, на которое взошли облаченные в ризы священнослужители во главе с Блаженнейшим Патриархом Венедиктом, совершавшим это чинопоследование. Священнослужителей двенадцать — по числу учеников Господа. Вместе с Патриархом они воссели на свои места. Диакон, поднявшись на балкон дома, расположенного у этой предхрамовой площади, читал перед микрофоном по-гречески последование. В положенное время Патриарх, подходя к каждому священнослужителю, омыл всем ноги и отер лентием. Греческий чин этой службы, так сказать, более драматизован, чем наш чин умовения ног, совершаемый в кафедральных соборах.

После окончания чина, проходившего при большом стечении народа, епископы со всем духовенством, в преднесении светильника и Креста, в предшествии кавасов с жезлами, проводили облаченного Первосвященителя Иерусалимской Церкви в патриаршие покои, где он в тронном зале поздравил всех с праздником.

Служба Святых Страстей Господних (утреня Великого пятка) совершалась вечером в Великий четверг в храме Воскресения, в котором находится Святая святых всего христианского мира — Живоносный Гроб Господень, осеняемый большим куполом этого величественного храма, являющегося патриаршим кафедральным собором. К особенностям этого богослужения и утрени вообще следует отнести чтение шестопсалмия епископом, облаченным в мантию и стоящим на кафедре. Великую ектению произносит не диакон, а священник, который и молитвы утрени читает в алтаре, а не на амвоне, как принято у нас.

«Бог — Господь, и явися нам...» — первый раз поет епископ, произнося затем и стихи; певец же продолжает: «Бог — Господь...» Тропарь поется унисонно всем клиросом.

Заметим, что в греческом обиходе принято не партесное пение, но унисонное, которое хранит в себе своеобразную мелодичность, задушевность и молитвенность.

Хвалитную стихирю на «И ныне...» обычно поет архиерей; он же читает и вседневное славословие.

Двенадцать Евангелий читались в алтаре, лицом к народу, с колокольным звоном, сливавшимся со своеобразными звуками деревянных бил, подвешенных внутри храма. Четвертое Евангелие читал епископ Волоколамский Питирим на церковнославянском языке. Во время богослужения на престоле была икона Распятия Господа Иисуса Христа, которую в конце службы диакон подносил епископам и всему духовенству в алтаре для прикладывания.

Утром в Великую пятницу совершался особый крестный ход по Скорбному пути. Среди собравшейся в Патриархии братии старейший архимандрит поднимает на себя большой деревянный крест, поддерживаемый архиереями и прочими священнослужителями, и все несут крест на Голгофу по Скорбному пути, по которому шел на распятие Христос Спаситель, неся Крест Свой. Заметим, что Скорбный путь (*Via dolorosa*) начинается от бывшего Антониевого замка, который был выстроен Иродом Великим в честь его друга Марка Антония. В этот замок («в претор» — Ин. 18, 28) привели старейшины иудейские Иисуса Христа к римскому прокуратору Иудеи Понтию Пилату, осудившему Христа на крестную смерть. Отсюда Скорбный путь пролегает по улице между строениями и домами по направлению к Патриархии, где поворачивает влево, и продолжается мимо Авраамиевского монастыря, между торговыми рядами, и выходит к храму Воскресения. Следовательно, расстояние от Патриархии и до храма Воскресения — это, собственно, предконечная часть Скорбного пути, по которой и совершался крестный ход.

Многолюдное шествие с крестом, сопровождаемое плачем и воздыханиями скорбных человеческих сердец, сострадающих как бы сейчас невидимо грядущему на Страсти Христу, неоднократно останавливается в воспоминание того, что Спаситель изнемогал под тяжестью Креста Своего, и потому воины «заставили... кириинеянина Симона... идущего с поля, нести крест Его» (Мк. 15, 21). При этом один из епископов произнес три прошения из сугубой ектении, а народ пел по трижды *Κύριε, ἐλέησον* («Господи, помилуй»). Внеся крест в храм Воскресения, его несут далее на Голгофу, где был распят Христос.

В приделе Голгофы, расположенном вправо от входа в храм Воскресения, на четырехметровой высоте, священнослужитель читает Евангелие. Затем все прикладывают к Святой Голгофе — священному месту, где совершилось наше спасение драгоценною Кровию Христа. Целуя коленопреклоненно это святое место, невозможно удержаться от слез, вызываемых сознанием собственного недостойнства и греховности человеческой, послужившей причиной страшных Крестных страданий нашего Спасителя и Господа. Мы здесь вознесли молитвы за свою Церковь, за народ нашего Отечества, за нашу священную Родину, а также и за те народы, которые все еще несут тяжелое бремя своих крестов из-за попрания заветов Христовых врагами мира и благополучия человечества.

В 2 часа дня в Великую пятницу служилась вечерня, на которой принятого у нас выноса плащаницы не бывает.

По прибытии в храм Воскресения архиереев с клириками, которые, заметим, перед началом каждого богослужения собираются в Патриархии и отсюда попарно следуют в храм в сопровождении кавасов с жезлами, возглавляющий богослужение епископ занимает место на возвышенном троне, являющемся архиерейской кафедрой и находящемся по левую сторону храма. По правую сторону храма такой же трон — патриарший.

В начале вечерни епископ на кафедре читает предначинательный псалом. Великую ектению произносит на амвоне священник. Во время пения стихир на «Господи, воззвах», после каждения двумя диаконами всего храма, священнослужители выходят северной дверью из алтаря к кафедре и принимают от епископа благословение, после чего царскими вратами входят в алтарь, прикладываются к престолу и облачаются в епитрахили и фелони для входа.

На входе несет Евангелие не диакон, а старший архимандрит, который перед амвоном произносит: «Премудрость, прости». Епископ на кафедре запевает «Свете тихий...» Священнослужители на середине храма громко продолжают петь это песнопение, входят в алтарь и, не прикладываясь к престолу, сразу разоблачаются; епископ же в алтарь не входит, а по-прежнему остается на кафедре.

Евангелие читает в алтаре архимандрит, обратясь лицом к народу. Первую стиховную стихирю поет сам епископ, который также читает и «Ныне отпускаеши...». После вечерни совершается прикладывание к Голгофе.

Утренняя Великой субботы, которая совершалась вечером в Великий пяток, главным образом отличалась тем, что на ней совершался крестный ход с плащаницей внутри храма Воскресения. На первой статии 17-й кафизмы, клиросно исполняемой с похвалами, диаконы облачают старшего епископа перед престолом, на котором лежит заранее приготовленное архиерейское облачение. Облачаются и прочие епископы с клириками, становятся по сторонам престола и идут попарно с крестным ходом к кувуклии (часовне Гроба Господня). Епископы поднимаются на Голгофу и здесь берут плащаницу, представляющую собой тканый парчовый большой плат с изображением лежащего во гробе Господа. Один из епископов в этот момент читает на Голгофе соответствующее место из Евангелия о снятии Пречистого Тела Господа Иисуса Христа со Креста. Плащаницу несут на уровне рук, а не на голове, как принято у нас, обносят ее трижды вокруг Камня помазания, на месте которого Иосиф с Никодимом обвивали пеленами с благовониями Тело Иисусово после снятия со Креста, полагают на этот Камень и возливают на нее благовония. Здесь, у Камня помазания, тоже читается Евангелие. Затем с крестным ходом плащаница три раза обносится вокруг кувуклии, вносится через низкий вход в пещеру кувуклии, где справа находится Гроб Господень, на который плащаница и полагается.

У кувуклии продолжается пение канона Великой субботы, во время которого все прикладываются к плащанице, лежащей на Гробе Господнем.

Трудно передать словами то дивное, благодатное умиление, которое наполняет душу человека, находящегося в освещенной светом лампад таинственной пещере, в которой Живоносный Гроб Господень, омытый за два тысячелетия морем людских слез, каждому припадающему к нему как бы говорит: примиришь душой и возрадуешься, ибо Христос воскрес; утешься, ибо «Господь близко» (Флп. 4, 5).

После прикладывания к плащанице несут ее в алтарь храма Воскресения и полагают на престол. После пармии и Апостола архиерей лицом к народу в митре читает Евангелие.

Заканчивает это богослужение сам епископ, произнося отпуст лицом к престолу, а не к народу, и затем осеняя народ одним трикирием.

Исключительной особенностью богослужения Великой субботы является в Иерусалиме раздаяние благодатного огня, совершаемое в 12 часов дня перед литургией.

Облаченные священнослужители во главе с епископом трижды обходят с крестным

ходом вокруг кувуклии. В это время все светильники в храме остаются незажженными. Когда крестный ход остановится между кувуклией и приделом Воскресения, греческий и армянский епископы, держащие в руках незажженные пучки свечей, вместе входят в пещеру Гроба Господня и отсюда через некоторое время выходят с уже зажженными свечами. У самого входа кувуклии их ждут клирики — греки и армяне, готовые взять от своего епископа огонь и первыми зажечь им светильник в храме Воскресения. На этот раз такая честь выпала на долю армян.

Богомольцы, приготовив пучки свечей, тут же зажигают их друг от друга, и через несколько минут море огня заливаает весь храм, до отказа заполненный народом.

Подержав свечи несколько минут горящими, их тут же гасят и затем уносят с собой по домам как памятную святую.

Этим, собственно, и кончается традиционное торжество раздаяния благодатного огня, сопровождаемое особым, радостным воодушевлением молящихся, после которого они друг с другом уже христосуются, как у нас в самую Пасху.

С нами, паломниками, участниками этого торжества, многие греческие епископы и клирики тоже христосовались, произнося: *Χριστός ἀνέστη!* («Христос воскрес!»), а мы им отвечали: *Ἀληθῶς ἀνέστη!* («Воистину воскрес!»).

После раздаяния святого огня начинается в храме Воскресения Божественная литургия св. Василия Великого, к особенностям которой прежде всего следует отнести совершение проскомидии на одной — пятичастной — просфоре, из которой вынимаются Агнец, частица в честь и память Пресвятой Богородицы и все прочие частицы.

Для молитвенного поминовения живых и усопших берется часть антидора, на которой надрезается крест и по его начертанию вынимаются крошечные частицы. Приготовленные Дары не покрываются на проскомидии, а остаются открытыми до великого входа, на котором их покрывает и кадит епископ или другой предстоятель, совершающий литургию.

После малого входа, на «Господи, спаси благочестивыя, и услыши ны», произносится диаконом и затем поется клиросом многолетие, подобно принятому у нас по отпуске, Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому и всея Палестины Венедикту. На сей раз пелось многолетие и Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию нашими паломниками, участвовавшими в совершении литургии.

Принятой у нас при архиерейском служении литургии диаконской «выклички» на «И всех и вся» не бывает.

Большой омофор, снятый с епископа в начале чтения Апостола, полагается на край престола и здесь остается до окончания литургии; малый же омофор от Херувимской песни и до конца службы с епископа не снимается.

В конце чтения Апостола священнослужитель, совершавший проскомидию, полностью открывает антиминс. После чтения Апостола, когда поется «Воскреси, Боже, суди земли...», епископу приносится блюдо с цветами, которыми он осыпает вокруг престола всех участвующих в литургии, что должно символизировать духовную радость, в соответствии с содержанием этого стиха.

После Евангелия, которое читает диакон на амвоне, сугубой ектении не бывает, а сразу поется Херувимская песнь или в данном случае — «Да молчит всякая плоть человека...». В это время каждое совершает не диакон, а сам епископ.

Великий вход имеет ту особенность, что совершается он через весь храм, до притвора, и обратно на солею, где епископ в царских вратах принимает Дары, произнося положенное поминовение. После поставления Даров на престол все участвующие в богослужении клирики подходят к архиерею под благословение.

После преложения Святых Даров, на «Изрядно о Пресвятей...», епископ или другой предстоятель берет приготовленное блюдо с нарезанным хлебом и благословляет его, крестообразно знаменуя этим блюдом над Святыми Дарами и касаясь им края диска и потира. Этот благословенный хлеб раздается всем присутствующим в храме.

Заамвонную молитву читает сам епископ, а Символ веры и Молитву Господню — чтец.

Это основные особенности греческого богослужения Страстной седмицы, которые замечались нами, паломниками, в Святом Граде Иерусалиме. Особенности пасхального богослужения читатель найдет в описании прот. А. Казновецкого («К Живоносному Гробу». «ЖМП». 1965, № 9, стр. 5—6).

Особое благоговение наполняло наши сердца при литургическом общении с клиром Матери христианских Церквей, которая в лице своего Первосвятителя Блаженнейшего Патриарха Венедикта и других иерархов проявила к нам, паломникам Московского Патриархата, свои любовь и заботу.

Пребывая в Иерусалиме и посещая его окрестности, мы видели самое доброе отношение к нам как со стороны духовенства, так и всего местного населения, везде радушно нас встречавшего.

Да, поистине большое счастье побывать у Иерусалимских общехристианских святынь, производящих незабываемое впечатление своим живым свидетельством о жизни, смерти и Воскресении Господа нашего Иисуса Христа!

Протоиерей Василий Мисков,
настоятель Успенского собора г. Владимира

МОЛИТВА И ЖИЗНЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Молитва означает для меня личные отношения. Я не был верующим, затем внезапно открыл Бога, и сразу же Он предстал передо мной как высшая ценность и весь смысл жизни,— но в то же время и как личность. Думаю, что молитва ничего не означает для того, для кого нет объекта молитвы. Вы не можете научить молитве человека, у которого нет чувства живого Бога; вы можете научить его вести себя в точности так, как если бы он верил, но это не будет живым движением, каким является подлинная молитва. Поэтому в качестве введения к этим беседам о молитве я именно хотел бы передать свою убежденность в личной реальности такого Бога, с Которым могут быть установлены отношения. Затем я попрошу читателя относиться к Богу, как к живому лицу, к соседу, и выражать это свое знание в тех же категориях, в каких он выражает свои отношения с братом или другом. Думаю, что это самое главное.

Одна из причин, почему молитва, общественная или частная, кажется столь мертвой или столь формальной, в том, что слишком часто отсутствует акт богопоклонения, совершающийся в сердце, которое общается с Богом. Каждое выражение, словесное или в действии, может быть помощью, но все это лишь выражение главного, а именно — глубокого безмолвия общения.

Из опыта человеческих взаимоотношений все мы знаем, что любовь и дружба глубоки тогда, когда мы можем молчать друг с другом. Если же для поддержания контакта нам необходимо говорить, мы с уверенностью и грустью должны признать, что взаимоотношения все еще остаются поверхностными; поэтому, если мы хотим молитвенно поклоняться Богу, то должны прежде всего научиться испытывать радость от молчаливого пребывания с Ним. Это легче, чем может показаться сначала; для этого нужно немного времени, немного доверия и решимость начать.

Однажды Кюре д'Арс — французский святой девятнадцатого века — спросил одного старого крестьянина, что он делает, часами сидя в церкви, по-видимому даже и не молясь; крестьянин ответил: «Я гляжу на Него, Он глядит на меня, и нам хорошо вместе». Этот человек научился говорить с Богом, не нарушая тишины близости словами. Если мы это умеем, то можем употреблять любую форму молитвы. Если же мы захотим, чтобы сама молитва состояла в словах, которые мы употребляем, то безнадежно устанем от них, потому что без глубины молчания эти слова будут поверхностны и скучны.

Но какими вдохновляющими могут быть слова, когда за ними стоит безмолвие, когда они наполнены духом правым:

«Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою» (Пс. 50, 17).

I. СУЩНОСТЬ МОЛИТВЫ

Евангелие от Матфея почти с самого начала ставит нас лицом к лицу с самой сущностью молитвы. Волхвы увидели долгожданную звезду; они немедленно пустились в путь, чтобы найти Царя; они пришли к яслям, пали на колени, поклонились и принесли дары; они выразили молитву в ее совершенстве, т. е. в созерцании и трепетном поклонении.

В более или менее популярной литературе о молитве часто говорится, что молитва — это захватывающее путешествие. Нередко можно услышать: «Учитесь молиться! Молиться так интересно, так увлекательно, это открытие нового мира; вы встретитесь с Богом, вы найдете путь

к духовной жизни». В каком-то смысле это, разумеется, верно; но при этом забывается нечто гораздо более серьезное: что молитва — это путешествие опасное и мы не можем пуститься в него без риска. Апостол Павел говорит, что страшно впасть в руки Бога живого (Евр. 10, 31). Поэтому сознательно выйти на встречу с живым Богом — значит отправиться в страшное путешествие: в каком-то смысле каждая встреча с Богом — это Страшный суд. Когда бы мы ни являлись в присутствии Бога, будь то в таинствах или в молитве, мы делаем нечто очень опасное, потому что, по слову Писания, Бог есть огонь. И если только мы не готовы без остатка предаться божественному пламени и стать горячей в пустыне купиной, которая горела, не сгорая, это пламя опалит нас, потому что опыт молитвы можно познать лишь изнутри и шутить с ним нельзя.

Приближение к Богу всегда бывает открытием и красоты Божией и расстояния, которое лежит между Ним и нами. «Расстояние» — слово неточное, ибо оно не определяется тем, что Бог свят, а мы грешны. Расстояние определяется отношением грешника к Богу. Мы можем приближаться к Богу, только если делаем это с сознанием, что приходим на суд. Если мы приходим, осудив себя; если мы приходим, потому что любим Его, несмотря на нашу собственную неверность; если мы приходим к Нему, любя Его больше, чем благополучие, в котором Его нет, тогда мы для Него открыты и Он открыт для нас, и расстояния нет; Господь приходит совсем близко, в любви и сострадании. Но если мы стоим перед Богом в броне своей гордости, своей самоуверенности, если мы стоим перед Ним так, как будто имеем на это право, если мы стоим и требуем от Него ответа, то расстояние, отделяющее творение от Творца, становится бесконечным. Один писатель высказывает мысль, что в этом смысле расстояние относительно: когда Денница предстал пред Богом, вопрошая Его, — в тот самый миг, когда он задал свой вопрос не для того, чтобы в смиренности понять, но чтобы принудить Бога к ответу, он оказался на бесконечном расстоянии от Бога. Бог не двинулся, не двинулся и Сатана, но и безо всякого движения они оказались бесконечно отдалены друг от друга (C. S. Lewis. *Screwtape Letters*. Letter XIX).

Когда бы мы ни приближались к Богу, контраст между тем, что есть Он и что представляем собой мы, становится ужасающе ясным. Мы можем не сознавать этого все то время, что живем как бы вдали от Бога, все то время, когда Его присутствие и Его образ остаются тусклыми в наших мыслях и в нашем восприятии; но чем больше мы приближаемся к Богу, тем острее выступает контраст. Не постоянная мысль о своих грехах, а видение святости Божией позволяет святым познать свою греховность. Когда мы смотрим на себя без благоуханного фона Божия присутствия, грехи и добродетели кажутся чем-то мелким и, в каком-то смысле, несущественным; только на фоне Божественного присутствия они выступают со всей рельефностью и обретают всю свою глубину и трагичность.

Всякий раз, когда мы приближаемся к Богу, мы оказываемся перед лицом либо жизни, либо смерти. Это — жизнь, если мы приходим к Нему в надлежащем духе и обновляемся Им; это — гибель, если мы приближаемся к Нему без благоговейного духа и сокрушенного сердца; это — гибель, если мы приносим гордость или самонадеянность. Поэтому перед тем, как отправиться в так называемое «захватывающее путешествие молитвы», нельзя ни на минуту забывать, что не может случиться ничего более значительного, более в трепет повергающего, чем встреча с Богом, на которую мы вышли. Мы должны сознавать, что в этом процессе мы потеряем жизнь: ветхий Адам в нас должен умереть. Мы крепко держимся за ветхого человека, боимся за него, и так труд-

но, не только в начале пути, но и годы спустя почувствовать, что мы полностью на стороне Христа, против ветхого Адама!

Молитва — это путешествие, которое приносит не волнующие переживания, а новую ответственность. Пока мы пребываем в неведении, ничего не спрашивается с нас, но как только мы что-то узнали, мы отвечаем за то, как употребляем свое знание. Пусть оно дано нам в дар, но мы ответственны за каждую частицу истины, нами узnanную, и как только она становится нашей собственной, мы не можем оставлять ее бездействующей, но должны проявлять ее в своем поведении, и в этом смысле от нас требуется ответ за всякую правду, нами понятую.

Только с чувством страха, богопочитания, глубочайшего благоговения можем мы приступать к риску молитвенного делания, и мы должны дорасти до него в своей внешней жизни как можно более полно и определено. Недостаточно, устроившись удобно в кресле, сказать: «вот, я приступаю к богопоклонению, перед лицом Божиим». Мы должны понять, что если бы Христос стоял перед нами, мы держали бы себя иначе, и мы должны научиться так держаться в присутствии невидимого Господа, как держались бы в присутствии Господа, ставшего для нас видимым.

Прежде всего это предполагает определенное состояние ума, которое отражается и на состоянии тела. Если бы Христос был здесь, перед нами, и мы стояли совершенно прозрачными, умом и телом, для Его взгляда, то мы испытывали бы благоговение, страх Божий, любовь, может быть даже ужас, но мы не держали бы себя так вольно, как делаем это обычно. Современный мир в большой мере утратил молитвенный дух, и дисциплина тела стала в представлении людей чем-то второстепенным, тогда как она далеко не второстепенна. Мы забываем, что мы — не душа, обитающая в теле, а человек, состоящий из тела и души, и что, по апостолу Павлу, мы призваны прославлять Бога и в телах наших и в душах наших; наши тела, как и наши души, призваны к славе Царствия Божия (1 Кор. 6, 20).

Слишком часто молитва не имеет для нас в жизни такого значения, чтобы всё остальное отходило в сторону уступая ей место. Молитва у вас — добавление ко множеству других вещей; мы хотим, чтобы Бог был здесь не потому, что нет жизни без Него, не потому, что Он — высшая ценность, но потому, что было бы так приятно вдобавок ко всем великим благодеяниям Божиим иметь еще и Его присутствие. Он — добавление к нашему комфорту. И когда мы ищем Его в такой настроенности, то не встречаем Его.

Однако, несмотря на все сказанное, молитва, как она ни опасна, всё же лучший путь для того, чтобы идти вперед, к исполнению нашего призвания и стать до конца человеческими, т. е. войти в полное единение с Богом и сделаться в конце концов тем, что апостол Петр называет причастниками Божеского естества.

Любовь и дружба не возрастают, если мы не готовы жертвовать ради них многим; и точно так же мы должны быть готовы отрешиться от многого для того, чтобы первое место отдать Богу.

«Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем помышлением твоим» (Лк. 10, 27). Это как будто очень простая заповедь, и, однако, в этих словах содержания гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Все мы знаем, что значит любить кого-нибудь всем сердцем. Мы знаем, как радостно не только встретиться с любимым, но даже только подумать о нем, какую это дает отраду. Именно так нам надо стараться любить Бога, и каждый раз, когда упоминается Его имя, оно должно наполнять наше сердце и душу бесконечным теплом. Бог всегда должен быть в нашем уме, тогда как на самом деле мы думаем о Нем лишь от случая к случаю.

Что же до того, чтобы любить Бога всей нашей крепостью, то мы можем это только, если сознательным намерением отторгаем от себя всё, что в нас не Божие; усилием воли мы должны постоянно обращать себя к Богу: и когда мы молимся — тогда это легче, потому что в молитве мы уже сосредоточены на Боге, и когда мы что-нибудь делаем — что требует тренировки, ибо в этом случае мы сосредоточены на каком-то материальном достижении, которое должны посвящать Богу особым усилием.

Волхвы проделали долгий путь, и никто не знает, какие трудности им пришлось преодолеть. Каждый из нас так же путешествует, как и они. Они несли дары: золото для Царя, ладан для Бога и смирну для человека, которому предстояло претерпеть смерть. Где нам взять золото, ладан и смирну, — нам, которые за всё должны Богу? Мы знаем, что всё, что имеем, дано нам Богом и даже не является нашим навсегда или надежно. Всё может быть отнято у нас, кроме любви, и это делает любовь тем единственным, что мы можем давать. Всё остальное — члены нашего тела, разум, имущество — можно отнять у нас силой, но любовь — нет средства добиться ее от нас, если только мы сами не дадим ее. В отношении нашей любви мы столь же вольны, сколь не вольны ни в одном из прочих проявлений нашей души или тела. И хотя в основе даже и любовь — дар Божий, потому что мы не можем сами вызвать ее в себе, однако же, когда имеем ее, это единственное, в чем мы можем отказать или что можем дать.

В «Дневнике сельского священника» Бернанос говорит, что мы можем отдать Богу и свою гордость: «Отдай свою гордость вместе со всем остальным, отдай всё». Гордость, отданная таким образом, превращается в дар любви, а всякий дар любви приятен Богу.

«Любите врагов ваших, благословляйте ненавидящих вас» (Мф. 5, 44) — заповедь, выполнение которой может быть для нас более или менее легким; но простить людям, причиняющим страдания тому, кого мы любим, — дело совсем иное. Тут может показаться, что ты словно бы совершаешь предательство. И, однако, чем больше наша любовь к тому, кто страдает, тем более мы способны разделить страдание и простить, и в этом смысле наибольшая любовь достигнута тогда, когда мы вместе с раввином Егел Микаэлем можем сказать: «Я и мой любимый — одно» (I am my beloved). Пока мы говорим «я» и «он», мы не разделяем страдания и не можем принять его. У подножия Креста Матерь Божия стояла не в слезах, как часто изображается в западной живописи; Она достигла такой полноты единения со Своим Сыном, что Ей нечему было противиться. Она проходила через распятие вместе со Христом; Она переживала собственную смерть. Мать завершала то, что начала в день принесения Христа во храм, когда Она отдала Своего Сына. Один из всех сынов Израилевых, Он был принят как кровавая жертва. И Она, принесшая Его тогда, принимала последствия совершенного Ею обряда, ставшего действительностью. И как Он тогда был един с Ней, так теперь Она была полностью едина с Ним, и Ей нечему было противиться.

Любовью мы становимся едины с тем, кого любим, и любовь позволяет нам разделять без остатка не только страдание, но и отношение к страданию и к тем, кто его причиняет. Невозможно представить себе Божию Матерь или ученика Иоанна протестующими против того, что было явной волей распинаемого Сына Божия. «Никто не отнимает жизни Моей у Меня, но Я Сам отдаю ее» (Ин. 10, 18). Он умирал добровольно, по Своему согласию, за спасение мира; смерть Его была этим спасением, и поэтому те, кто верил в Него и хотел быть с Ним единым, могли разделять страдание Его смерти, могли проходить через страсти вместе с Ним, но не могли их отвергнуть, не могли обратиться

против толпы, распявшей Христа, потому что это распятие было волей Самого Христа.

Мы можем противиться чьему-то страданию, мы можем восставать против чьей-то смерти или тогда, когда человек сам, будь это правильно или нет, противится им, или же когда мы не разделяем его намерений и его отношения к страданию, но в таком случае любовь наша к этому человеку — любовь недостаточная и создает разделение. Это такая любовь, какую проявил Петр, когда Христос по дороге в Иерусалим сказал Своим ученикам, что идет на смерть; Петр, «отозвав Его, начал прекословить Ему», но Христос ответил: «Отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мк. 8, 32). Мы можем представить себе, что жена разбойника, распятого слева от Христа, была полна того же протеста против смерти своего мужа, как и он сам; в этом смысле они были вполне едины, но и оба неправы.

Разделять же со Христом Его страдание, распятие, смерть — значит принять безоговорочно все эти события в той же настроенности, как и Он, т. е. принять их добровольно, страдать вместе с Мужем скорбей, пребывать здесь в безмолвии, безмолвии Самого Христа, нарушенном лишь немногими решающими словами, в безмолвии истинного общения; не в жалостливом молчании, но в безмолвии сострадания, которое делает нас способными вырасти в полное единство с другим так, что уже нет одного и другого, но одна жизнь и одна смерть...

II. МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Молитва Господня, хотя она очень проста и употребляется так часто, — большая проблема и трудная молитва. Это единственная молитва, которую дал Господь. В каком-то смысле это не только молитва, но и путь жизни, изложенный в форме молитвы: это образ постепенного восхождения души от рабства к свободе. Молитва построена с поражающей точностью. Подобно тому, как круги, расходящиеся от падения камешка на поверхности пруда, можно наблюдать или от места падения камешка все дальше и дальше до берегов, или в обратном направлении — от берегов к источнику движения, так же и Молитву Господню можно разбирать, начиная либо с первых слов, либо с последних. Несравненно легче начинать это, идя снаружи к центру, хотя для Христа и Церкви правилен другой путь.

Это молитва сыновства — «Отче наш». И хотя в известном смысле ее может произносить всякий, кто приближается к Господу, вполне точно она выражает отношение только тех, кто находится в Церкви Божией, кто во Христе нашел путь к своему Отцу, потому что только через Христа и в Нем мы становимся сынами Божиими.

Это научение духовной жизни можно лучше понять, если рассматривать его параллельно с рассказом об Исходе и в контексте опыта Заповедей блаженства. Когда мы начинаем с последних слов молитвы и идем к первым, то видим, что это путь восхождения: наша исходная точка — в конце молитвы — определяет состояние пленения, вершина восхождения — первые слова молитвы — определяет наше состояние сыновства.

Народ Божий, пришедший в землю Египетскую свободным, постепенно впал в состояние рабства. Условия его жизни непрестанно напоминали ему о его порабощении: работа становилась все тяжелее и тяжелее, положение — все более нищенским; но этого было недостаточно, чтобы заставить евреев устремиться к подлинной свободе. Если бедственное состояние переходит какие-то пределы, оно может повести к бунту, к насилию, к попытке избавиться от тяжкого, невыносимого положения; но, по существу, ни восстание, ни бегство не делают нас

свободными, потому что свобода есть прежде всего состояние внутреннее по отношению к Богу, к самому себе и к окружающему миру.

Каждый раз, как евреи пытались покинуть страну, на них налагали новые и все более тяжкие работы. Когда надо было делать кирпичи, им отказывали в необходимой для этого соломе, и фараон говорил: «Пусть они сами ходят и собирают себе солому» (Исх. 5, 7). Он хотел, чтобы они дошли до такого истощения, так были задавлены своим тяжким трудом, что мысль о бунте или избавлении не приходила бы им больше в голову. Точно так же и для нас нет надежды, пока мы поработены князем мира сего, дьяволом, со всеми силами, которыми он располагает для пленения человеческих душ и тел, чтобы удерживать их вдаль от живого Бога. Если только Бог Сам не придет освободить нас, освобождения не будет, но будет вечное рабство; и первые слова, которые мы находим в Молитве Господней, как раз об этом: «Избавь нас от лукавого». Избавление от лукавого — это именно то, что было сделано в земле Египетской чрез Моисея и что совершается в крещении силой Божией, данной Его Церкви. Слово Божие звучит в этом мире, призывая всех к свободе, подавая надежду, сходящую с небес, тем, кто потерял надежду на земле. Это слово Божие проповедуется и встречает отклик в человеческой душе, делая человека учеником Церкви: он стоит у входных дверей, словно тот, кто услышал зов и подошел послушать (Рим. 10, 17).

Когда ученик решается стать свободным человеком в Царствии Господнем, Церковь совершает определенные действия. Что пользы спрашивать у раба, всё ещё остающегося во власти своего господина, хочет ли он стать свободным? Он знает, что если осмелится просить о предлагаемой свободе, то будет жестоко наказан, как только останется снова наедине со своим господином. От страха и привычки к рабству человек не может просить о свободе, пока не будет освобожден от власти дьявола. Поэтому прежде чем спрашивать что-либо у того, кто стоит здесь с новой надеждой на божественное спасение, его освобождают от власти сатаны. В этом смысл закликательных молитв, которые читаются в начале чина крещения как в Православной, так и в Римско-Католической Церквях. Только когда человек стал свободным от уз рабства, его спрашивают, отрекается ли он от дьявола и хочет ли соединиться со Христом. И лишь после свободного ответа Церковь принимает его, делает членом Тела Христова. Дьявол хочет рабов, а Бог хочет свободных людей, воля которых была бы согласна с Его волей. В терминологии Исхода «лукавым» был Египет, фараон и всё, связанное с ними, а именно — пропитание и сохранение жизни при условии рабской покорности. И для нас акт молитвы, являющийся более существенным, более окончательным актом восстания против рабства, чем вооруженный бунт, есть в то же время как бы восстановление чувства ответственности перед Богом и родства с Ним.

Итак, первое положение, с которого начинается Исход — и начинаем и мы, — это осознание своего рабства и того, что невозможно покончить с ним путем бунта или бегства, ибо бежим мы или восстаем, — мы продолжаем оставаться рабами, если только не изменим всего своего отношения к Богу и ко всем обстоятельствам жизни, так, как нас тому учит первая заповедь блаженства: «Блаженни нищие духом, яко тех есть Царство Небесное». Само по себе нищенство, состояние рабства, не есть пропуск в Царство Небесное; раба можно лишить не только земных благ, но и благ небесных; такое нищенство может быть более удручающим, чем простое лишение того, в чем мы нуждаемся для земной жизни. Св. Иоанн Златоустый говорит, что беден не так тот, у кого ничего нет, как тот, кто хочет того, чего у него нет.

Бедность коренится не в том, что мы имеем или не имеем, но в том, насколько мы жаждем иметь то, чего получить не можем. Думая о на-

шем человеческом существовании, мы легко можем убедиться, что мы крайне бедны и обездолены, ибо что бы мы ни имели — это никогда не наше, как бы богаты мы ни казались. Когда мы стараемся ухватиться за что-либо, то очень скоро убеждаемся, что не можем этого удержать. Наша жизнь не коренится ни в чем, кроме державного творческого слова Божия, вызвавшего нас из полного, радикального отсутствия в Его присутствии. Не в нашей власти удержать нашу жизнь и здоровье или хотя бы психосоматические свойства: достаточно разорваться в голове мельчайшему сосуду, чтобы человек великого ума превратился в слабоумного старика. В области наших чувств, по разным причинам, которые мы в состоянии или не в состоянии объяснить, например, от гриппа или усталости, мы не можем в нужную минуту испытать к другому человеку то сочувствие, которое так хотели бы найти в себе; или же мы идем в церковь — и чувствуем себя каменными. Это нищета в чистом виде, но делает ли она нас детьми Царствия? Нет, потому что с горечью видя в каждое мгновение жизни, что всё ускользает от нас, замечая только, что ничем не обладаем, мы от того не делаемся радостными детьми Царствия Божией любви, но остаемся жалкими жертвами обстоятельств, над которыми мы не властны и которые ненавидим.

Это возвращает нас к словам «нищета духом». Нищета, открывающая Царство Небесное, заключается в знании, что если ничто из моего по-настоящему, не моё, значит всё, что моё — это дар любви, Божией или человеческой любви, — и тогда всё совершенно меняется. Если мы сознаём, что мы не самобытны и всё же существуем, то можем сказать, что здесь проявляется непрестанное действие Божией любви. Если мы видим, что никакими усилиями не можем сделать своей собственностью то, чем мы только обладаем, значит всё — Божия любовь, конкретно являемая в каждом мгновении; и тогда бедность становится источником совершенной радости, потому что всё, что мы имеем, есть доказательство любви. Мы никогда не должны стремиться к присваиванию, потому что называть что-либо «своим», а не неизменным даром Божиим, будет лишением, а не приобретением. Если это мое, оно чуждо отношениям взаимной любви; если это — Его, и я обладаю этим изо дня в день, из мгновения в мгновение, — это непрестанно обновляющийся акт Божественной любви. И тогда мы приходим к радостной мысли: «Благодарение Богу, это не мое; будь оно моим, это было бы обладанием, но, увы, без любви». Строй отношений, к которому эта мысль приводит нас, и есть то, что Евангелие называет Царствием Божиим. Лишь те принадлежат к Царству, кто имеет всё от Царя во взаимоотношениях любви и кто не хочет быть богатым, потому что быть богатым — значит быть лишенным любви и находиться во власти вещей. Как только мы открываем Бога в этой перспективе, обнаруживаем, что всё Божие и всё от Бога, мы начинаем входить в Божественное Царство и обретать свободу.

Лишь когда евреи, под руководством Моисея и просвещаемые им, осознали, что их состояние рабства имеет какое-то отношение к Богу, а не является просто человеческим делом, когда они обратились к Богу, когда они возвратились к отношениям Царства, что-то смогло измениться; и это верно в отношении всех нас, так как только когда мы осознали, что мы — рабы обездоленные, но осознали также, что это происходит по Божественной премудрости и что всё — во власти Божией, мы можем повернуться к Нему и сказать: «Избавь нас от лукавого».

Как Моисей призвал евреев покинуть Египет, последовать за ним в темноте ночи, перейти Красное море, так и каждый отдельный человек попадает в пустыню, где начинается новый этап. Он свободен, но еще не вошел в славу Земли обетованной, потому что из Египта он вынес с собой душу раба, привычки раба, искушения раба. А для вос-

питания свободного человека требуется несравненно больше времени, чем для осознания своего рабского положения. Дух рабский еще так привычен, его нормы продолжают существовать и сохраняют свою огромную власть: рабу есть где приклонить голову, раб обеспечен пищей, у раба есть общественное — хотя и низкое — положение, он под защитой, потому что за его существование отвечает хозяин. Быть рабом, — как бы тяжело, унижительно и горестно это ни было, — это все же какая-то форма защищенности, тогда как состояние свободного человека — состояние предельной незащищенности; мы берем свою судьбу в свои собственные руки, и только когда наша свобода коренится в Боге, мы обретаем иную защищенность, уверенность совершенно нового порядка.

Это чувство незащищенности, неуверенности показано в Книге Царств, в рассказе о том, как евреи просили Самуила дать им царя. На протяжении веков их вел Бог, т. е. люди, которые в своей святости знали пути Божии; как говорит Амос (3, 7), пророк — это тот, с кем Бог делится Своими помыслами. И вот, во времена Самуила евреи увидели, что быть лишь под Божиим водительством означает, в земном смысле, полную ненадежность, потому что тогда все зависит от святости, от самоотречения, от нравственных свойств, которые трудно приобрести; и они обратились к Самуилу с просьбой дать им царя, потому что «мы хотим быть как прочие народы», хотим той же надежности, какая есть у прочих народов.

Самуил не хочет соглашаться, он видит, что это отступничество, но Бог говорит ему: «Послушай голоса народа... ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними» (I Цар. 8, 7). Затем следует целая картина того, чем будет их жизнь: «Вот, какие будут права у царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его... И дочерей ваших он возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы». «Но народ не согласился послушать голоса Самуила и сказал: нет, пусть царь будет над нами» (I Цар. 8, 19). Они хотят купить внешнее благополучие ценой свободы. Но не этого хочет для нас Бог. Здесь происходит как раз обратное событиям Исхода: Божия воля — в том, чтобы защищенность рабов была оставлена и заменена незащищенностью свободных людей в становлении. Это трудно, потому что, пока мы в стадии становления, мы еще не умеем быть свободными и не хотим больше быть рабами. Вспомните, что происходило с евреями в пустыне, как часто они жалели о времени, когда были в Египте — рабами, но накормленными. Как часто они плакались, что теперь у них нет крова, нет пищи, что зависят они только от Божией воли, на которую они еще не научились полагаться полностью: потому что Бог дает нам благодать, но становится новой тварью предоставляет нам самим.

Как и евреи в Египте, мы прожили всю свою жизнь рабами; своей душой, своей волей, всем существом своим мы еще не стали подлинно свободными людьми: предоставленные собственным силам, мы можем впасть в искушение. И эти слова — «Не введи нас во искушение», не подвергай нас суровому испытанию — должны напоминать нам о сорока годах, которые понадобились евреям на то, чтобы пересечь небольшое пространство, лежащее между землей Египетской и Землей обетованной. Они шли так долго потому, что каждый раз, как они отворачивались от Бога, путь их поворачивал вспять от Земли обетованной. Единственный путь, которым мы можем достичь Земли обетованной, — это идти по следам Господа. Как только наше сердце обращается назад, к земле Египетской, мы возвращаемся по своим следам, сбиваемся с пути. Мы все были освобождены милостью Божией, все мы стоим на

должном пути, но кто скажет, что он не возвращается беспрестанно по своим следам или не сворачивает с правильного пути? «Не введи нас во искушение», не дай нам снова впасть в состояние рабства.

Как только мы осознали свое порабощение и от простых сетований, чувства бедственности, пришли к чувству сокрушения сердечного и нищеты духа, наше пленение в земле Египетской получает ответ в словах следующих Заповедей блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся», «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Этот плач, порождаемый тем, что мы открыли Царствие, открыли свою ответственность, трагедию своего рабского состояния, — плач более горький, чем тот, какой является уделом простого раба. Раб плачет о внешних обстоятельствах; тот же плачущий, которого Бог называет блаженным, не жалуется, — он сокрушается сердцем и сознает, что его внешнее рабство есть выражение чего-то гораздо более трагического: его внутреннего порабощения, его отлучения от близости Божией. И избавиться от этого положения нет никакой возможности, пока не достигнута кротость.

«Кротость» — трудное слово, приобретающее целый ряд оттенков. Поскольку она крайне редко встречается в жизни, мы не можем обратиться к собственному опыту и, вспомнив известных нам кротких людей, найти ключ к пониманию этого слова. В английском переводе Дж. Б. Филлипса мы находим: «Счастливы те, кто ничего не требует», что означает «Блаженны те, кто не стремится обладать». С момента, как мы перестали стремиться к обладанию, мы становимся свободными, потому что чем бы мы ни обладали, мы находимся во власти этого. Другое толкование находим в переводе греческого слова славянским, означающим «укрошенный», «прирученный». Укрошенный, прирученный человек или животное не просто боится наказания и покоряется власти своего хозяина; процесс этот пошел в нем дальше, он приобрел новое свойство, и эта прирученность избавляет его от насилия и принуждения.

На пороге нашего спасения от египетского рабства стоит условие, чтобы мы сделались «прирученными», иными словами, чтобы в том положении, в котором мы находимся, мы признали глубину, значительность, присутствие в нем Божественной воли. И наше избавление должно быть не бегством или бунтом, но движением, которым руководит Бог, которое начинается с Царствия Небесного внутри нас и развивается в Царствие на земле. Это период колебаний и внутренней борьбы: «Не введи нас во искушение, Господи, защити нас в испытании, помоги нам в начавшейся для нас борьбе». И вот тут мы достигли той точки, когда становится возможным сдвиг. Вернемся к Исходу: евреи осознали, что они не только рабы, но и народ Божий, попавший в порабощение из-за своей нравственной слабости. Они должны были пойти на риск, потому что никто никогда не получает свободы от рабовладельца, и им надо было перейти Красное море; но и за Красным морем лежала еще не Земля обетованная, а палящая пустыня, и они сознавали это и знали, что им придется переходить ее, борясь с огромными трудностями. В таком же положении оказываемся и мы, когда решаемся начать движение, которое освободит нас от рабства: мы должны сознавать, что окажемся под натиском насилия, обольщения, внутренних врагов — наших старых привычек и прежней жажды благополучия, и что ничего нам не предложено, кроме пустыни. Впереди — Земля обетованная, но далеко впереди, и мы должны принять риск путешествия.

Между Египтом и пустыней, между рабством и свободой лежит разграничительная черта: это момент, когда мы действуем решительно и становимся новыми людьми, поставляя себя в совершенно новые нравственные отношения. В географической терминологии это Красное море, в словах Молитвы Господней это «прости нам долги наши, как и мы прощаем». «Как и мы прощаем» — это тот момент, когда мы берем наше спасение в свои руки, ибо что бы ни делал Бог, всё зависит от того,

что делаем мы; и это имеет огромное значение в плане нашей повседневной жизни. Если люди, выходящие из Египта в Землю обетованную, возьмут с собой из земли Египетской свои страхи, свои обиды, свою ненависть, свои жалобы, они и в Земле обетованной будут рабами. Они даже не начнут становиться свободными. И вот почему на разграничительной линии между огненным испытанием и соблазном старых привычек стоит это непреложное условие, которого Бог никогда не ослабляет: как вы прощаете. Мерой, которой вы мерите, отмерится и вам; и как вы прощаете, простят и вас; всё, чего вы не простите, будет удержано против вас. Это не значит, что Бог не хочет простить; но если мы приходим, не прощая, мы сводим на нет тайну любви, мы отвергаем ее, и нет нам места в Царствии. Мы не можем идти дальше, если мы не прощены, и мы не можем быть прощены, пока сами не простили каждого, кто погрешил против нас. Это совершенно категорично и реально и определено, и никто не имеет права думать, что он в Царствии Божиим, что он принадлежит к Царству, если в сердце его продолжает жить непрощение. Прощение врагов — первая, самая элементарная отличительная черта христианина; без этого мы еще вовсе не христиане, но все еще блуждаем в палящей пустыне Синайской.

Но прощение — нечто очень для нас трудное. Простить в момент сердечного смягчения, в эмоциональном порыве, сравнительно легко; не взять прощения назад — мало кто умеет. То, что мы называем прощением, — это часто просто испытание прощенного, и счастье его, если это только испытание, а не отвержение. Мы нетерпеливо ждем признаков раскаяния, мы хотим быть уверенными, что кающийся уже больше не тот, каким был. Но такое положение может длиться всю жизнь, и наше поведение как раз обратно всему, чему учит Евангелие и как оно велит поступать. Итак, закон прощения — не маленький ручей на границе между рабством и свободой: он имеет ширину и глубину, это Красное море. Евреи преодолели его не своими силами, не в обычных, человеческими руками построенных лодках — Красное море расступилось силой Божией; Бог провел их через море. Но для того, чтобы быть водимыми Богом, надо приобщиться Божиему свойству — Его умению прощать. Бог «не забывает» в том смысле, что если мы когда-то поступили неправильно, Он всегда, пока мы не изменимся, будет помнить, что мы слабы и хрупки; но Он никогда не будет помнить в категориях обвинения или осуждения; это никогда не будет возведено против нас. Господь Сам понесет наше иго вместе с нами, войдя в нашу жизнь; и Ему придется нести больше, крест Его будет тяжелее, Он снова пойдет на Голгофу, если мы не хотим или не способны это сделать.

Для того, чтобы быть в состоянии произнести первую фразу, которую мы рассмотрели — «Избавь нас от лукавого», — требуется такая переоценка ценностей и настолько новое ко всему отношение, что вначале мы едва ли можем произносить ее иначе, чем в крике, которому еще не соответствует внутреннее изменение нашего существа. Мы жаждем, но жажда эта еще не может быть утолена; просить Бога защитить нас в испытании — значит просить о коренной перемене нашего положения. Но быть способным сказать: «прости, как я прощаю», — еще труднее; это одна из величайших проблем жизни. Так, если вы не готовы оставить всякое чувство обиды против тех, кто был вашим господином или рабовладельцем, вы не можете идти на другую сторону. Если вы способны простить, т. е. оставить в земле порабощения всю свою рабскую психологию, всю свою жадность, стяжательность и горечь, вы способны перейти на другой берег. После этого вы окажетесь в палящей пустыне, потому что превращение раба в свободного человека требует времени.

Мы лишены всего, чем обладали, когда были рабами в земле Еги-

петской: крова, приюта, пищи,— у нас нет ничего, кроме пустыни и Бога. Земля не способна более питать нас; мы не можем более рассчитывать на естественную пищу, поэтому мы молимся: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». Бог дает его даже когда мы сбиваемся с пути, потому что если бы Он не давал, мы умерли бы, не достигнув границы Земли обетованной. Сохрани нам жизнь, Боже, дай нам время, потерпи, пока мы заблуждаемся, раскаиваемся, пока найдем правильный путь.

«Хлеб насущный» — один из возможных переводов греческого текста. Этот хлеб, который по-гречески назван *ἐπιβίσιον*, может быть насущным, но может быть также хлебом сверхприродным. Отцы и учителя Церкви, начиная с Оригена и Тертуллиана, всегда относили эти слова не только к нашим земным нуждам, но и к таинственному евхаристическому хлебу. И если мы не питаемся этим новым образом, таинственно, Хлебом Божественным (ибо теперь наше существование зависит только от Бога), мы не выживем (Ин. 6, 53). Бог посылал Своему народу манну и давал ему воду из скалы, по которой ударял жезл Моисеев. Оба дара — образ Христа: «Не хлебом единым будет жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих». Это изречение из Ветхого Завета (Втор. 8, 3), которое Христос привел, чтобы посрамить диавола. Это «слово» — не просто слова, но прежде всего Слово, звучащее вечно, всегда, Слово, которым держится всякая тварь, а затем также Слово воплощенное, Иисус из Назарета; далее — это хлеб, прообразом которого была манна, хлеб, получаемый нами в причащении. Вода, потекшая и наполнившая ручьи и реки по слову Моисея, — прообраз той воды, что была обещана самарянке, и Крови Христовой, которая есть жизнь наша.

Исход, если его рассматривать в словах Молитвы Господней, — сложная картина; в Заповедях блаженства мы находим то же постепенное продвижение вперед: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, потому что они насытятся», «Блаженны милостивые, потому что они будут помилованы». Сначала просто телесные голод и жажда, лишение всего, чем мы обладали и что было даром неправды, даром земным, от господина, печатью рабства, а затем, точно так же, как плач второй заповеди блаженства возрастает в момент, когда мы обращаемся к Богу, эти жажда и голод становятся жаждой праведности. Перед людьми раскрывается новое измерение, измерение жажды, неодолимого стремления к тому, что в одной из тайных молитв литургии определяется как «грядущее Царство» — когда мы благодарим Бога за то, что Он даровал нам Свое Царство, по которому мы тоскуем. В литургии Царство уже здесь, но в путешествии через пустыню оно впереди, все еще вне пределов досягаемости, это еще только зачаток. Оно внутри нас как некая установка, отношение, но безусловно не как что-то, что уже является жизнью, которой мы можем питаться и которая может сохранять нас в живых. Есть телесный голод, возникший из нашего прошлого и нашего настоящего, и есть голод духовный, рождаемый нашим будущим и нашим призванием.

«Блаженны милостивые». Путешествие это совершается не в одиночестве. В рассказе об Исходе весь народ Божий вместе, как одно целое, отправился в путь; в плане Молитвы Господней и нашего призвания — это Церковь, это человечество, это каждый, кто участвует в путешествии; и здесь бесконечно важно научиться одному, а именно — милосердию к братьям, путешествующим вместе с нами. Если мы не готовы нести бремя друг друга, выносить всю тяжесть друг друга, принимать друг друга, как Христос принимает нас, в милосердии, — нам нет пути через пустыню. Это путешествие по палящему зною, в жажде и голоде, в напряженном усилии стать новым человеком есть время милосердия, взаимной милосердной любви; иначе никто не придет к месту,

где провозглашается закон Божий, где преподаются скрижали закона.

Жажда праведности и свершения неотделимы от милосердия и спутникам, которые странствуют бок о бок через зной и страдания; и эти жажда и голод получают теперь более глубокий смысл, чем простое отсутствие пищи. Когда евреи подходят к подножию Синая, они уже в какой-то мере обладают способностью понимать и быть самими собой; они уже «приручены» и стали единым народом, с единым сознанием, единой устремленностью, единым намерением. Они — народ Божий, направляющийся в Землю обетованную. Сердца их, бывшие потемненными, стали прозрачнее, чище. У подножия горы им будет дано, каждому соответственно его силам и способностям, как-то увидеть Бога (ибо «блаженны чистые сердцем, потому что они увидят Бога»), каждому по-своему, точно так же, как ученики увидели преобразившегося Христа на горе Фаворской соответственно тому, что они могли вместить.

Здесь происходит новая трагедия: Моисей обнаруживает, что евреи изменили своему призванию, и разбивает скрижали закона; те, которые даны ему впоследствии, — такие же, но не те самые: разница, может быть, указана в том, что когда Моисей принес заповеди во второй раз, лицо его сияло так, что никто не мог вынести этого сияния (Исх. 34, 30); они не могли вынести также и Господа, открывшегося во всей Своей славе и сиянии. Им дается то, что они могут вынести: это закон, написанный Моисеем (Исх. 34, 27), а не божественное откровение любви, «начертанное перстом Божиим» (Исх. 31, 18). Закон стоит на полпути между беззаконием и благодатью; здесь можно четко выявить три восходящих ступени: в Бытии мы видим неистового Ламеха, который говорит, что если будет оскорблен, то отомстит за себя в семьдесят раз всемеро (Быт. 4, 24); когда мы приходим к Синаю, нам говорится — око за око и зуб за зуб; а Христос говорит: до седмижды семьдесят раз прощай брату своему. Это три меры человеческого восстания против справедливости и против благодати.

Русский богослов девятнадцатого столетия Хомяков говорит, что воля Божия — гибель для демонов, закон для рабов Божиих и свобода для сынов Божиих. Насколько это верно, мы видим, когда рассматриваем постепенное продвижение евреев из Египта в Землю обетованную. Они вышли рабами, только что осознавшими, что могут стать детьми Божиими; им надо было перерасти психологию рабов и обрести дух и меру возраста сынов; это происходило постепенно, в длительном и крайне мучительном процессе. Мы видим, как они медленно созидаются в общину рабов Божиих, народа, признавшего, что господин его больше не фараон, а Господь духов и что они должны оказывать Ему верность и безусловное послушание; они могли ожидать от Него и наказания и награды, зная, что Он ведет их за пределы того, что им известно, к чему-то, что является их конечным призванием.

В творениях ранних христианских подвижников часто повторяется мысль, что человек должен пройти три эти стадии — раба, наемника и сына. Раб — это тот, кто повинуется из страха, наемник — тот, кто оказывает послушание за плату, а сын — тот, кто действует по любви. Мы можем видеть в Исходе, как постепенно народ Божий стал более, чем рабом и наемником, и закон стоит на пороге Земли обетованной, выражаясь географически.

На этом пороге люди обнаруживают, каждый в меру своей способности и глубины духа, Божью волю и Божий Промысл, потому что закон можно рассматривать по-разному: если подойти к нему формально, фраза за фразой, — это ряд приказаний: «Поступай так, не делай этого»; это закон в мышлении Ветхого Завета. Но, с другой стороны, если посмотреть на него глазами Нового Завета, глазами наше-

го человеческого призвания, так, как все большее число людей умело смотреть на него во времена, последовавшие за Исходом, мы видим, что эти различные заповеди, эти приказания сливаются в две заповеди: любви к Богу и любви к человеку. Первые четыре из десяти — любовь к Богу, выраженная конкретно; в шести остальных — любовь к человеку, также ставшая конкретной, осязаемой, выполнимой. Закон — это дисциплина и правило для того, кто все еще в становлении, кто все еще находится в процессе обращения в сына, но это уже и закон Нового Завета. Проблема отношений между человеком и человеком и между человеком и Богом — это проблема утверждения божественного мира, мира во имя Бога, мира, основанного не на взаимной привязанности или симпатии, а на более существенной основе: нашем общем сыновстве, нашем общем Господе, нашей человеческой солидарности и нашей более тесной церковной солидарности. Любовь к Богу и людям должна прежде всего сводиться к установлению правильных взаимоотношений, — правильных взаимоотношений с Богом, с людьми, а также и с самим собой.

Мы видели, что категорическим предварительным условием для существования в пустыне является взаимное прощение; затем надо сделать следующий шаг, и вот в Исходе мы видим непреложный закон, выражающий разум и волю Божию, а в Молитве Господней — слова «да будет воля Твоя». «Да будет воля Твоя» — это не покорная готовность терпеть Божию волю, как мы часто воспринимаем. Это положительная настроенность тех, кто прошел через пустыню, вступил в Землю обетованную, кто готов трудиться для того, чтобы воля Божия была реальной и присутствующей на земле, как и на небе. Ап. Павел говорит, что мы — небесная колония (Флп. 3, 20, в английском переводе Моффата) *. Он имеет в виду группу людей, чья родина — на небе и кто находится на земле для того, чтобы завоевать ее для Бога и принести Царствие Божие хотя бы на малую часть земли. Это особое завоевание, состоящее в том, чтобы склонить людей принять царство мира, сделаться подданными Начальника мира и войти в гармонию, которую мы называем Царством Божиим. И это завоевание, это миротворчество делает нас овцами посреди волков, семенем, разбросанным сеятелем, которое должно умереть для того, чтобы принести плод и напитать других.

Слова «да будет воля Твоя», рассмотренные таким образом, изнутри нашего сыновства, — нечто совершенно отличное от того послушания — в покорности или в сопротивлении, — которое мы видели в начале Исхода, когда Моисей старался подвигнуть своих соплеменников на поход к свободе. Теперь у них, у нас, разум Христов, теперь мы знаем волю Божию, мы более не рабы, а друзья (Ин. 15, 15). Это не взаимоотношения неопределенного благожелательства, а нечто чрезвычайно глубокое, связывающее нас вместе. Это и есть то состояние, в каком мы идем в Землю обетованную, когда так, по-новому говорим «да будет воля Твоя» — не как чуждая воля, не как воля крепкая и нас сломить способная, но как воля, с которой мы стали полностью согласными. И мы должны, произнося эти слова, принять все, что связано с состоянием богосыновства, с состоянием членов единого тела. Как Он пришел в мир, чтобы умереть за спасение мира, так и мы избраны для того же; и ценой, может быть, собственной жизни мы должны приносить мир вокруг себя и насаждать Царствие.

Есть разница между тем, как мы видим Бога-Царя в земле Египетской, в палящей пустыне или в новых условиях Земли обетованной. Вначале воля Его восторгается так или иначе, всякое сопротивле-

* В русском синодальном переводе: «наше жительство — на небесах». — Прим. перев.

ние, оказываемое ей, будет сломлено: послушание означает подчинение. Затем, в постепенном научении нам открывается, что этот Царь — не повелитель, не надсмотрщик над рабами, но Царь благоволения и что послушание Ему преобразует все; что мы можем быть не просто подданными, а Его народом, Его действующим воинством. Наконец, мы открываем Царя во всем значении этого слова, как сказано у Василия Великого: «Каждый правитель может править, но только царь может умереть за своих подданных». Здесь происходит такое отождествление Царя с его подданными, т. е. с его Царством, что всё, что бы ни случилось с Царством, происходит и с Царем; и это не только отождествление, но и акт любви, принимающий удар на себя, когда Царь становится на место Своих подданных. Царь становится человеком, Бог воплощается. Он входит в историческую судьбу человечества. Он принимает на Себя плоть, которая делает Его частью, частицей всего космоса, с его трагедией, вызванной человеческим падением. Он входит в человеческую судьбу, до самых ее глубин, вплоть до суда, неправедного осуждения и смерти; Он опытно познаёт утрату Бога и потому становится способным умереть. Царство, о котором мы говорим в этом прощении, и есть Царство этого Царя. Если мы не с Ним и со всем духом Его Царства, понимаемого теперь по-новому, мы не способны ни называться детьми Божиими, ни говорить «да придет Царствие Твое». Но мы ясно должны осознать, что Царство, о котором мы просим, — это Царство последних заповедей блаженства: «Блаженны гонимые». «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Для того, чтобы пришло Царство, мы должны заплатить цену, определенную этими заповедями. Царство, о котором мы говорим, — это Царство любви, и, при поверхностном взгляде, кажется таким удовольствием попасть в него. Но это совсем не «удовольствие», потому что любовь обрела трагический аспект; она означает смерть для каждого из нас, полное вымирание нашего самолюбивого, эгоцентрического «я», и умирание не такое, как цветы увядают: это умирание жестокой смертью, смертью крестной.

Только в Царствии имя Божие может святиться и прославляться нами; потому что не словами нашими или жестами, даже и литургическими, воздается слава имени Божию, а тем, что мы стали Царством, которое есть сияние и слава нашего Творца и Спасителя. И имя это — Любовь, Единый Бог в Троице.

Как мы теперь видим, Молитва Господня имеет абсолютно всеобщее значение и смысл, выражая — хотя и в обратном порядке — восхождение каждой души от порабощения греху к полноте жизни в Боге; это не просто молитва, это по существу своему молитва христиан. Первые слова «Отче наш» — собственно христианские. Господь говорит в Евангелии от Матфея (11, 27): «Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отец не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть». Знать в Боге своего отца в каком-то общем смысле дано не только христианам, но и многим: но знать в Нем такого Отца, какого открыл нам Христос, дано только христианам во Христе. Помимо библейского откровения Бог предстает перед нами как Творец всего существующего. Внимательная молитвенная жизнь открывает нам, что это Творец милостивый, любящий, мудрый; такая жизнь может привести нас к тому, что мы будем по аналогии поворить о Творце всяческих, как об отце; Он обращается с нами так, как отец обращается со своими детьми.

Еще до откровения Христова мы находим в Священном Писании пример человека, который, строго говоря, был язычником, но стоял на грани этого ведения Бога в категориях сыновства и отцовства; это Иов. Он называется язычником, потому что не принадлежит к роду Авраамову, не является наследником обетований, данных Аврааму. Из-за спора его с Богом он — одна из самых поразительных фигур

Ветхого Завета. Три человека, убеждающие его, знают Бога, как своего Владыку: Бог вправе делать то, что Он сделал с Иовом, Бог прав во всем, что бы Он ни делал, потому что Он — Господь всего. Но именно этого-то Иов и не может принять, потому что он знает Бога иным. По своему духовному опыту он уже знает, что Бог не просто властелин. Он не может согласиться, что Бог обладает произвольным могуществом, что это всесильное существо, которое может и имеет право делать все, что Ему нравится. Но потому, что Бог еще ничего не сказал о Себе Самом, все это — область надежды, пророческое прозрение, а не само откровение Бога в Его отцовстве.

Когда Господь является Иову и отвечает на его вопросы, Он говорит в понятиях языческого откровения, для которого типичны слова псалма: «Небеса поведают славу Божию, творение же рукú Его возвещает твердь» (Пс. 18, 1). Иов понимает, потому что, как говорит вслед за Иеремией (31, 33) ап. Павел: «Закон Божий написан у нас в сердцах» (Рим. 2, 15). Бог ставит Иова перед лицом всего тварного мира и рассуждает с ним; затем, несмотря на то, что, по-видимому, Иов оказывается неправым, Бог объявляет, что он более прав, чем те, кто увещевал его, чем те, кто смотрит на Бога как на земного властелина. И хотя ему недостает подлинного знания о Божественном отцовстве, он знает о Боге больше, чем его друзья. Можно сказать, что в Ветхом Завете у Иова мы находим первое пророческое видение отцовства Божия и того спасения человечества, которое может быть осуществлено только кем-то, кто равен и Богу и человеку. Когда Иов с обличением обращается к Богу и говорит: «Нет между нами посредника, который положил бы руку свою на нас обоих» (Иов 9, 33), мы видим в нем человека, превзошедшего своих современников в понимании, но у него еще нет почвы для утверждения своей веры и своего знания, потому что Бог еще не говорил во Христе.

Тайна сыновства и тайна отцовства взаимосвязаны: ты не можешь знать отца, если не знаешь сына, и не можешь знать сына, если ты не отец; познание извне невозможно. Наша связь с Богом основана на акте веры, восполняемом Божиим ответом, который делает этот акт веры плодотворным. Членами Христовыми мы становимся в акте веры, полноту которого Бог подает в крещении. Путем, известным только Богу и тем, кто был призван и получил обновление, мы становимся по приобщению тем, чем Христос является по рождению; только став членами Христа, становимся мы сынами Божиими. Мы не должны забывать, что отцовство Божие — это больше чем отношения теплой привязанности, это нечто более реальное и нечто предельно истинное. Бог во Христе становится отцом тех, кто делается членами тела Христова, но не какая-то неопределенная сентиментальность нас связывает со Христом, а подвиг, который может продолжаться всю жизнь и стоять гораздо больше, чем мы предполагали вначале.

То, что Христос и мы становимся едино, означает, что всё, относящееся ко Христу, относится и к нам, и мы можем, неведомым прочему миру образом, называть Бога своим отцом — уже не по аналогии, уже не по предвосхищению или как пророчество, а так же, как Сам Христос. Это имеет прямое отношение к Молитве Господней: с одной стороны, ею может пользоваться всякий, потому что это молитва всеобщая, это лестница нашего восхождения к Богу; с другой стороны, это совершенно особая и исключительная молитва — молитва тех, кто во Христе являются детьми вечного Отца и могут обращаться к Нему как сыны.

Когда эта молитва рассматривается в ее всеобщем значении, удобнее изучать и анализировать ее как восхождение; но не в таком виде дал ее Христос тем, кто в Нем и вместе с Ним — чада Божии, потому что для них речь идет уже не о восхождении; для них это данность,

существующее положение; мы, в Церкви — дети Божии, и первые слова: «Отче наш» утверждают этот факт и обязывают нас занять то место, которое мы должны занимать. Бесплезно говорить, что мы недостойны этого звания. Мы его приняли, и оно наше. Мы можем быть блудными детьми, и нам придется отвечать за это, но совершенно очевидно, что никакая сила не может превратить нас снова в то, чем мы перестали быть. Когда блудный сын вернулся к своему отцу и хотел сказать: «Я недостойн больше называться сыном твоим, сделай меня одним из твоих наемников» (Лк. 15, 19), отец дал ему произнести первые слова: «Я согрешил против неба и перед тобою и уже недостойн называться сыном твоим», но здесь прервал его. Да, он недостойн, но он сын, несмотря на свое недостойнство. Ты не можешь перестать быть членом своей семьи, что бы ты ни сделал достойного или недостойного. Чем бы мы ни были, какова бы ни была наша жизнь, как мы ни недостойны называться сынами Божиими или называть Бога своим отцом, нам некуда уйти. Это неотъемлемо. Он наш Отец, и мы несем ответственность за отношение сыновства. Он создал нас Своими детьми, и, лишь отвергая права своего рождения, мы становимся блудными сынами. Представьте себе, что не вернулся блудный сын, но остался и женился в чужой земле, — дитя, родившееся от этого брака, будет органически связано с отцом блудного. Если бы ребенок вернулся на родину своего отца, он был бы принят как член семьи; если бы не вернулся — был бы ответственен за это, как и за то, что предпочел остаться чужаком для семьи своего отца.

Возвращением в дом отца для детей многих поколений является крещение. И мы крестим ребенка точно так же, как лечим младенца, родившегося больным. Другое дело, если позже он станет неправильно думать, что лучше было бы ему сохранить свой недуг, быть бесполезным для общества и избавленным от бремени общественных обязанностей. Крестя младенца, Церковь исцеляет его, чтобы сделать ответственным членом единственного реального общества. Отвержение собственного крещения равносильно отвержению излечения. В крещении мы не только становимся здоровыми, но и органически делаемся членами Тела Христова.

На этой ступени, называя Бога «Отче наш», мы восходим на Сион, на вершину горы, и на вершине горы находим Отца, любовь Божественную, откровение Троицы; и тут же, за стенами — небольшой холм, который мы зовем Голгофой, где сливаются воедино история и вечность. Здесь мы можем обернуться и посмотреть назад. Именно отсюда должен христианин начинать свою христианскую жизнь, завершив восхождение, и начать произносить Молитву Господню в той последовательности, в какой дает ее нам Господь как молитву Единородного Сына, как молитву Церкви, молитву каждого из нас в нашей общности со всеми, как молитву того, кто является сыном в Сыне. И только тогда можем мы начать спускаться с горы, шаг за шагом, навстречу тем, кто еще в пути или кто даже не начинал идти.

**Антоний,
митрополит Сурожский**

О ПЕНИИ НА УТРАНИ НЕДЕЛИ КРЕСТОПОКЛОННОЙ ИРМОСОВ ПАСХАЛЬНОГО КАНОНА

На утрени Недели Крестопоклонной положены каноны: воскресный с ирмосом на 4, Богородичный с ирмосом на 2 и Триоди на 8, причем при каждой песни канона Триоди надписаны начальные слова пасхального канона, начиная с первой песни, «Воскресения день, просветимся людие». Что это значит: указание ли на пение пасхальных ирмосов в Неделю Крестопоклонную или же какая-то условность, может быть, символичность? Казалось бы, что этот вопрос должен был заинтересовать наших литургистов и найти отклик в нашей литургической литературе, духовной журналистике. Нам удалось найти только две статьи по данному вопросу. Первая статья была опубликована в старейшем духовном журнале, издававшемся при Киевской духовной академии, «Воскресное чтение» (Богослужение третьей седмицы святого поста. 1840/1841, № 47, стр. 436—456), а вторая статья была напечатана в «Церковном вестнике» (Зарницкий Я. Следует ли на утрени Недели Крестопоклонной петь ирмосы пасхального канона? «Церковный вестник», 1898, № 11). В обеих статьях вопрос о пении пасхального канона решается в положительном смысле. На статью из «Воскресного чтения» тотчас же последовал отклик со стороны известного церковного писателя прот. Г. С. Дебольского, который вполне согласился с мнением журнала и почти дословно повторил его доводы, но без указания источника (Дебольский Г. С., прот. Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. Изд. 8, т. II, СПб., 1887, стр. 103. 1-е изд. вышло в 1840 году). Статья Я. Зарницкого ему не была известна: прот. Г. С. Дебольский скончался в 1872 году.

Прот. К. Т. Никольский решает этот вопрос в отрицательном смысле и упоминает о нем в связи с опубликованной статьей Я. Зарницкого, каковую он оставляет, однако, без надлежащего разбора: «Не входя в обсуждение данной статьи,— пишет он,— должно заметить, что в большинстве храмов не поются пасхальные ирмосы в Неделю Крестопоклонную. Хотя каждый канон содержит в себе ирмосы, но ирмосы не всякого канона положено петь». Далее он приводит несколько уставных указаний: «В 9 главе Типикона читаем: на утрени «поем каноны три: во Октоихе два, первый со ирмосом на 6, и другой без ирмоса на 4, и Миней святого на 4, да будут вси на 14». Но прот. К. Никольский не вник с достаточным вниманием в данное место Типикона, из которого никак не следует вывода, что один канон должно петь с ирмосом, а другой без ирмоса. Здесь главное в уставном требовании «да будут вси на 14». Чтобы соблюсти это требование, то есть петь канон на 14, в первом каноне включается в число 14-ти и ирмос, в другом каноне ирмос не включается. Наконец, о. Никольский допускает явную уставную ошибку, когда пишет: «В Крестопоклонную Неделю указаны для пения ирмосы не пасхальные, а особые: «Божественнейший прообраз...». Но в Триоди ирмосы «Божественнейший прообраз...» указаны в качестве катавасии. Следовательно, пасхальные ирмосы в данном случае являются ирмосами Триодного канона в Неделю Крестопоклонную.

При указании общеизвестных песнопений богослужебные книги приводят их неполностью, ограничиваясь только их начальными словами. Например, во вторую неделю Святой Четыредесятницы указан канон Триоди, глас 8, и начальные слова воскресного канона 8-го гласа: «Колеснигонителя фараона погрузи». В Неделю Крестопоклонную видим указание Триоди: «...Триоди... творение господина Феодора Студита, глас 1... Ирмос: «Воскресения день, просветимся людие». Почему же здесь составитель службы указал на пасхальный ирмос, а не на ирмос 1-го гласа Октоиха: «Твоя победительная десница». Мы считаем, что это сделано преднамеренно — указать на пение пасхальных ирмосов на утрени в Неделю Крестопоклонную.

Прот. К. Т. Никольский приводит еще один довод против пения пасхальных ирмосов, формально ссылаясь на аналогичный случай. Он пишет: «Пасхальные ирмосы, находящиеся не при пасхальном каноне, в Крестопоклонную Неделю, не поются, подобно тому, как не поются ирмосы праздника Рождества Христова «Христос раждается, славите», находящиеся, кроме канона праздника Рождества Христова, еще в каноне недели первого гласа Октоиха. Но этот канон поется несколько раз в году и поется без ирмосов «Христос раждается, славите» (Никольский К. Константи, прот. Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. Изд. 7. СПб., 1907, стр. 590—591). Сравнение неубедительно, поскольку ирмос «Христос раждается» в данном случае указан не для воскресного, первого канона, а для второго канона, крестовоскресного. И поскольку канон здесь читается на 14, то второй ирмос поэтому и не поется (сравни выше). (Вопрос этот еще требует особого исследования.)

Рассмотрим другие доводы против пения пасхальных ирмосов на утрени в Неделю Крестопоклонную. «Ирмосы «Воскресения день...» петь не следует: они указаны лишь для образа напева» («Богослужебные указания на 1951 год для священно-церковно-служителей». Изд. Московской Патриархии. М., 1951, стр. 155). И в «Богослужебных указаниях на 1958 год» приводится подобная же мотивировка против пения пасхальных ирмосов на утрени Крестопоклонной Недели: «В некоторых храмах, основываясь на том, что перед тропарями канона Триоди стоят первые слова ирмосов пасхального канона, поют эти ирмосы как катавасию. На это нет никаких оснований. Церковный Устав укажет иную катавасию на сей день и полный текст всех ирмосов

ее помещает полностью в Триоди. Ирмосы, обозначаемые в начале каждой песни, называют музыкальный размер данной песни и имеют то же значение, что надписания «подобны» над стихирами». Так ли это? Можно ли в данном случае начальные слова пасхального канона относить к «подобным»? Нет, конечно. Уж одно то, что в данном случае нет надписания «подобен», не дает никакого основания говорить здесь о «подобях».

Рассмотрим теперь доводы тех, кто считает правильным пение пасхальных ирмосов на утрени в Неделю Крестопоклонную. Автор статьи, опубликованной в «Воскресном чтении», пишет: «Служба в Неделю Крестопоклонную... представляет одну непрерывную, торжественно-победную песнь во славу Животворящего Древа — одно светлое изображение тех спасительных плодов, которые процвели и прозябли всему миру от древа Креста. «Радуйся, Живоносный Кресте, Церкви красный раю, древо нетления, прозябшее нам вечных славы наслаждение!.. Радуйся... благочестия непобедимая победа, дверь райская, верных утверждение, Церкви ограждение, имже тля разорися и... попрося смертная держава, и вознесохомся от земли к небесным, оружие непобедимое, бесов спротивоборца, славо мучеников, преподобных воистину удобрение, пристанище спасения, даруяй миру велию милость!» К большому утешению нашему, — продолжает автор, — страдания Спасителя изображаются у святых песнописцев совокупно с радостным Воскресением Спасителя, так что в сем последнем отношении тон их творения сближается с духом службы пасхальной. Видимую печать сего сходства, столько отрадного для верующих, составляют пасхальные ирмосы, положенные в каноне на утрени Крестопоклонной Недели. К сожалению, сия важная особенность, имеющая, по намерению Святой Церкви, цель высокую, остается почти незамеченною, так как и самые ирмосы пасхальные редко где в это время поются».

Я. Зарницкий в статье о пении пасхальных ирмосов на утрени в Неделю Крестопоклонную пишет: «У нас вообще поются только ирмосы первого канона, ирмосы же других канонов, надписываемые при тропарях для целостности самостоятельного канона, обыкновенно пропускаются, если на пение их нет особенных указаний, как это бывает в великие праздники, имеющие два канона (например, на Рождество, на Богоявление). Не поются обыкновенно и триодные ирмосы при воскресных канонах. Вследствие этого некоторым даже ревнителям и знатокам Церковного Устава представляется странным, неуместным новшеством слышать в храме, среди поста, в Неделю Крестопоклонную, пение торжественных пасхальных ирмосов. Но если и согласиться, что пропуск означенных ирмосов оправдывается аналогичною практикою по отношению к триодным ирмосам других воскресных канонов, то, с другой стороны, есть еще более оснований сделать для данного случая исключение, которое не будет противоречить уставному исполнению канона». Я. Зарницкий также против того, чтобы придавать пасхальным ирмосам значение только «подобных», так как это было бы особо оговорено. Он высказывается за исполнение пасхальных ирмосов и там, где они не исполнялись, на что побуждает его «то соображение, что они по своему содержанию и характеру вполне соответствуют как значению всей службы Недели Крестопоклонной, так, в частности, и тропарям триодного канона». Пение их, несомненно, представило бы выдающуюся особенность утреннего богослужения Недели Крестопоклонной. Возвезая о приближении великого праздника Пасхи, оно резко отделило бы намерение Святой Церкви — богослужением этой Недели ободрить и поддержать слабеющие силы верующих в пригласительном к этому празднику подвиге. Поклоняясь Святому Кресту, мы славим и Святое Воскресение».

Я. Зарницкий приводит и некоторые уставные данные в пользу пения пасхальных ирмосов в Неделю Крестопоклонную. Так, в современных греческом (1888) и болгарском (1890) Типиконах в эту Неделю положен один канон Триоди на 8, причем к первому тропарю каждой песни канона указан припев «Слава, Господи, Святому Воскресению Твоему», к остальным же тропарям — «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Я. Зарницкий указывает также на литургику, изданную во Львове в 1863 году (автор — о. Маркелл Попель), в которой говорится, что все богослужение Недели Крестопоклонной является особым торжеством церковным и в него берутся некоторые песнопения из Святой Пасхи (например, ирмосы «Воскресения день»), ибо Святая Церковь укажет нам на Крест Христов, как на знамение победы Господа над

* Если мы обратимся к триодным тропарям, то увидим, как они созвучны пасхальным тропарям. Первый триодный тропарь 1-й песни канона: «Торжества день! Встанем Христовым смерть безвестна показася, жизни возсия заря, Адам, встав, ликует радостно: темже воскликнем, победную поюще». Второй тропарь: «Поклонения день Честнаго Креста! Приидите к сему вси: востаня бо Христова заря, светосияя, предлагает ныне. Того облобызаим, душевно радующеся». Первый тропарь 3-й песни: «Приидите, песнь поим нову, разрушение адово торжествующе: из гроба бо Христос воскрес, смерть пленив, и спасе всяческая». Первый тропарь 4-й песни: «Се, воскресе Христос, мироносицам женам ангел рече: не рыдайте, шедше рците апостолом: радуйтеся, днесь спасение миру, мучительство врага смертию разрушися». Первый тропарь 8-й песни: «Миро в руках что держит всяко? Кого же възскуете? Ныне явлейся юноша во гробе вопия: воскресе Христос и Бог наш, возставивый естество человеков от адовых сокровищ». По смыслу и по словесному выражению триодный канон Крестопоклонной Недели перекликается с канонам пасхальным.

смертью и адом. Пение пасхальных ирмосов, утверждает Я. Зарницкий, не может быть названо новшеством; исключение их не оправдывается и всеобщностью такой практики; в некоторых же старинных обителях пение пасхальных ирмосов неизменно сохранилось.

Церковное сознание и богословское умозрение утверждают тесную, неразрывную связь между Крестом и Воскресением, что находит всюду отражение и в богослужении. Не об этом ли говорит, например, установленное Церковью в праздник Воздвижения Креста Господня пение после Евангелия песнопения «Воскресение Христово видевше»? И, безусловно, об этом говорит тропарь «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим». А отсюда и надписание над каждой песнью канона Троицы в Неделю Крестопоклонную начальных слов пасхального канона не есть условность или символичность, а указание на исполнение пасхального канона в Неделю Крестопоклонную.

В. Талин

БОГОСЛОВИЕ СВЕТА В УЧЕНИИ СВ. ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ

I

Мистическое богословие св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, вызвало на Западе бурную полемику, не затихшую и через шесть веков. Поднимая вновь одно из тех вероучительных положений, которые разделяют западных и восточных христиан, я отнюдь не намереваюсь возобновлять старые конфессиональные споры. Но мне кажется, что для того, чтобы лучше узнать друг друга, уместно изложить со всей откровенностью то, что особенно дорого нам в наших духовных традициях, а не обходить молчанием те характерные особенности нашей духовной жизни, которые, оставаясь часто непонятыми как с той, так и с другой стороны, породили столько споров в прошлом.

Я прекрасно отдаю себе отчет, сколько странного и непривычного связывается с именем Григория Паламы для большинства западных богословов. Его учение встретило на Западе бурную критику. Достаточно напомнить страницы, посвященные ему Дени Пето¹. Даже при чтении чисто исторических исследований (например, трудов о Жюжи и Гишардана² создается впечатление, что их авторы видят в человеке, мысль которого они изучают, только своего противника. Отсюда — многочисленные недоразумения, препятствующие правильной оценке того, что на Западе принято называть «паламизмом», и, осмелюсь сказать, пониманию самого существа Предания христианского Востока. Действительно, для нас св. Григорий Фессалоникийский — отнюдь не автор какого-то нового учения: он лишь один из свидетелей Предания, точно так же, как, например, свв. Афанасий Великий, Василий Великий, Григорий Богослов или Максим Исповедник. Своеобразие его учения обуславливается главным образом тем, что он особо подчеркивает некоторые вероучительные положения, которые встречаются, однако, и у других отцов, а также, может быть, его смелой и определенной постановкой проблем, превышающих человеческое разумение. Поэтому мне будет довольно трудно выделить мысль Паламы из общей сокровищницы Православной Церкви. Но именно потому нас и должно интересоваться его богословием, как одно из подлинных выражений вероучительных основ православной духовной жизни — византийской, русской и любой другой.

Есть люди, чья жизнь и деятельность так тесно связаны с великими событиями их эпохи, что невозможно отделить их биографию от общей истории их века. Немыслимо, например, говорить о жизни того же св. Афанасия Великого, не затрагивая истории арианских споров, истории всех Соборов и соборщ, всех религиозных и политических смут IV века. То же самое следует сказать и о св. Григории Паламе. Вот почему, не

касясь всей его биографии, — для этого нам пришлось бы слишком далеко уклониться от нашей темы, — я ограничусь здесь лишь несколькими данными порядка главным образом хронологического. Св. Григорий Палама родился в конце 13-го столетия (возможная дата — 1296 г.) в Константинополе или в Малой Азии. Семья его принадлежала к знати императорского двора, что дало ему возможность глубоко изучить философию и богословие. В возрасте около 20 лет Палама принял монашеский постриг на Святой Афонской Горе, которую покинул в 1340 году в связи с необходимостью принять деятельное участие в догматической борьбе. В 1347 году он стал архиепископом Фессалоникийским. Последние годы его жизни (он умер в 1359 г.) протекли между Константинополем, где на протяжении пятнадцати лет собиралось несколько Соборов и синодов, Фессалоникийской кафедрой и Афонской Горой, куда он, будучи расположен главным образом к жизни молитвенно-созерцательной, постоянно возвращался³.

Несомненно, св. Григорий Палама теснейшим образом связан с духовной средой Афонской Горы. Но было бы грубой ошибкой видеть в нём всего лишь защитника аскетической и мистической практики монахов-исихастов⁴. Правда, полемика, заставившая Паламу покинуть тишину монастыря, началась с его апологии молитвенного метода исихастов, подвергшейся бурной критике со стороны калабрийского монаха Варлаама. Последний, обращая внимание исключительно на некоторые внешние приемы афонских делателей созерцательной молитвы (например, недвижимое и наклонное положение тела, удерживание дыхания и другие технические приемы, рекомендуемые для облегчения сосредоточенности ума во время умной молитвы), пытался высмеять афонских монахов, изображая их какими-то невеждами, воображающими, будто духовные способности сосредоточены в пупке и что путем механических действий можно достигнуть созерцания Бога. На этом Варлаам не остановился: основываясь на утверждении исихастов, что некоторые делатели созерцательной молитвы сподобляются видеть нетварный Свет, он обвинил их в мессалианстве⁵. Спор перешел на самую природу этого Света, и Варлаам в пылу полемики заявил, что Свет, в котором Христос явился ученикам в момент Своего Преображения на горе Фаворской, был не чем иным, как тварным феноменом, порядка, так сказать, чисто атмосферического, т. е. низшего по своей природе, чем человеческое мышление. Это привело в смятение всю Византийскую империю.

На Соборе, созванном в Константинополе в 1341 году, Палама поставил вопрос в догматическом плане⁶. Для него речь шла о реальности мистического опыта, о возможности познания Бога, о природе этого познания-видения и, наконец, о природе благодати и опытном восприятии ее. Такова была тема учения, исповеданного св. Григорием Паламой — выразителем голоса Соборов своей эпохи⁷. Перейдем теперь к рассмотрению некоторых основных моментов этого мистического богословия⁸.

В. Лосский

(Продолжение следует)

(Примечания будут даны в конце статьи)

ГОДИШНИК НА ДУХОВНАТА АКАДЕМИЯ «СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИЙ» Том XV (XLI), 1965—1966

Том XV «Ежегодника Софийской духовной академии св. Климента Охридского» содержит восемь работ, принадлежащих видным представителям болгарской богословской и церковно-исторической науки — профессорам и доцентам Софийской духовной академии. Работы снабжены обширным научным аппаратом и являются серьезными исследованиями на основе анализа первоисточников и критического использования специальных трудов.

Том открывается работой проф. **Тодора Събева** «Проникновение христианства в Болгарию до 865 года». Автор рассматривает дискуссионный вопрос о наличии и состоянии христианства на территории современной Болгарии до официального принятия христианства при св. Борисе в 865 году. Он критически изучает результаты научных изысканий по этому вопросу и говорит о его важности. В первой главе автор дает обзор распространения христианства на Балканах с I до VI века, т. е. до начала христианизации славян и праболгар. Вторая глава посвящена вопросу проникновения христианства в болгарское государство с VII по IX век. Здесь говорится о процессе заселения славянами балканских земель, о праболгарах и их упрочении на Балканском полуострове, о губительных «нашествиях варваров», всецело дезорганизовавших церковную жизнь, о христианстве среди болгарских славян.

Автор считает, что к IX веку христианство было сравнительно широко распространено между племенами болгарских славян. Продолжение работы следует.

Далее помещена статья доцента-протоиерея д-ра **Симеона Нанкова** «Перевод церковно-богослужбных книг в Болгарии». С принятием христианства в Болгарии новообращенный народ благодаря трудам славянских просветителей свв. Кирилла и Мефодия получил возможность слушать и читать Священное Писание, богослужение и проповедь на понятном ему языке. Свв. Кирилл и Мефодий перевели Евангелие, Апостол, Псалтирь и такие богослужбные книги, как Октоих, Минея, Триодь, Типикон, чины литургий св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и Преждеосвященных Даров, а также последования святых таинств. В дальнейшем дело переводов церковно-богослужбных и других книг продолжали св. Климент, св. Наум, Константин Преславский, Экзарх Иоанн, царь Симеон, черноризец Храбр, Тодор Досков и другие.

Автор отмечает большое культурно-историческое значение переводов на славянский язык церковно-богослужбных книг, послуживших становлению староболгарской литературы и национальной культуры болгар. Болгарские переводы скоро распространились и за пределами Болгарии, именно в Сербии и в Киевской Руси, где также не в малой степени способствовали развитию национальных культур.

Затем следует работа проф. **Ивана Панчовского** «Нравственные воззрения староболгарских писателей». Принятие болгарскими славянами христианства было не только чисто религиозным актом, — оно отразилось на всех сторонах жизни страны и народа. Особенно важным было его благотворное влияние в моральной области. В старой Болгарии господствовали грубые, даже жестокие языческие нравы и нравственный уровень всех слоев населения был весьма низок. Борьба за улучшение нравов являлась тогда первоочередной задачей, и в староболгарской письменности, возникшей под влиянием христианства, нравственные проблемы занимают важное место. Проф. И. Панчовский дает изложение основывающихся на евангельском учении нравственных воззрений свв. Кирилла и Мефодия (820—885), св. Климента Охридского (840—916), епископа Преславского Константина (IX—X в.), Экзарха Иоанна (ок. 857—927), черноризца Храбра (IX—X в.) и пресвитера Космы (X в.).

Проф.-свящ. **Радко п. Тодоров** в работе «Устройство и управление Болгарской Православной Церкви в IX—X веках» отмечает исключительное значение создания на первых же порах после принятия христианства национальной Болгарской Церкви и национального славянского клира для самобытного развития Болгарии. Далее он говорит об образовании и состоянии первоначальной Болгарской Церкви — сначала автономной (архиепископия), затем автокефальной (патриархат) — и о древних резиденциях ее предстоятелей (Плиска, Преслав, Доростол, Средец, Преспа, Ох-

рид). Затем он рассматривает епархиально-административное деление и организацию староболгарской Церкви, организацию и круг ведения органов церковной власти, финансовую сторону церковной жизни. Большое внимание уделено староболгарскому монашеству, в частности просветительной роли монастырей. Говорится также о взаимоотношениях Церкви и государства в старой Болгарии в духе средневековой византийской системы симфонии обоих этих институтов.

Доцент-протоиерей **Васил Николов** поместил работу «Св. Климент Охридский как пастырь душ», в которой говорит о подготовке св. Климента к пастырству, о служении его в Моравии (Паннонии), затем в Болгарии и, особенно, в Кутмичевце (территория современных Западной Македонии и Южной Албании), о непреходящей памяти св. Климента как архипастыря, который может служить образцом пастырей душ и примером служения Богу и людям.

В эпоху старой Болгарии, в «золотой век» староболгарской письменности переносит нас и работа доцента-протоиерея **Николая Шиварова** «Экзарх Иоанн как толкователь Священного Писания (на основании его «Шестоднева)». Автор отмечает, что Экзарх Иоанн был одним из виднейших представителей староболгарских писателей и образованнейшим человеком своего времени. Он проявил себя выдающимся богословом, экзегетом и проповедником, поэтом, филологом и библейским историком, философом. Биографические сведения о нем, к сожалению, скудны. Скончался он, по всей вероятности, около третьего десятилетия X века. Из его богатейшего литературного наследия важнейшим, по мнению автора, является «Шестоднев». Это поистине замечательное творение в течение нескольких веков усердно читалось и переписывалось в Болгарии, в Сербии и на Руси. Прот. Шиваров отмечает, что до сих пор и это произведение и вообще литературное творчество Экзарха Иоанна недостаточно полно и всесторонне исследованы, и свою работу он рассматривает как попытку частичного восполнения этого пробела.

Используя источники, автор «Шестоднева» проявил, однако, полную самостоятельность и оригинальность. С глубокими герменевтическими познаниями в его трудах сочетаются твердая вера и любовь к своему народу.

Доцент-протоиерей **Н. Шиваров** подчеркивает особое значение разносторонней деятельности Экзарха Иоанна для его времени и для дальнейшего религиозного и культурного развития болгарского народа.

К обрисовке эпохи, следовавшей за принятием в Болгарии христианства, относится и работа доцента-архимандрита д-ра **Серафима** (Алексиева) «Богомилская ересь с точки зрения православных догматических воззрений пресвитера Космы и православной догматики вообще». По принятию христианства в Болгарию проникла богомилская ересь. Архимандрит Серафим разбирает свою еретическую систему богомилства на основании строго церковных положений ее главного противника и энергичного борца с нею пресвитера Космы и православной догматики вообще.

Автор подчеркивает, что пресвитер Косма, неустанно и страстно боровшийся с богомилством, оставался всегда строго объективным. Опровергая на основе учения Церкви еретические заблуждения богомилов, он обличал и православных собратьев за нравственные недостатки; в самом распространении в Болгарии этой ереси он считал во многом повинным и духовенство, не всегда и недостаточно ясно разъяснявшее новообращенному народу истины христианства.

Последним произведением в данном томе является работа проф. д-ра **Тодора п. Тодорова** «Проповедь в Болгарии в эпоху принятия христианства». В первой главе автор говорит о развитии проповеди на территории современной Болгарии до принятия христианства, приводя данные, свидетельствующие, что проповедь здесь ведет начало от апостольских времен. По преданию, ученики святых апостолов Ерм, Карп, Амплий и другие были первыми епископами на земле современной Болгарии, возвестившими здесь Евангелие Христово. Далее автор говорит о постепенном развитии этой проповеди вплоть до середины IX века. Вторая глава посвящена проповеди в эпоху принятия христианства. Автор выясняет условия, способствовавшие развитию и расцвету проповеди того времени. Продолжение работы следует.

Как видим, все содержание данного тома относится к эпохе принятия Болгарией христианства. Эта тематика обусловлена тем, что в 1965 году болгарская общественность торжественно отметила 1100-летие этого, одного из важнейших событий болгарской истории. Данный том является юбилейным.

С удовлетворением отметим, что, как и предыдущие, XV том «Ежегодника Софийской духовной академии» свидетельствует о плодотворной исследовательской деятельности академии в области богословия и церковной истории.

И. Х.

СОДЕРЖАНИЕ

К положению в Греции и Элладской Церкви	1
Указы Святейшего Патриарха Алексия о возведении в сан митрополита и архиепископа	3
Определения Священного Синода	3
Обмен приветствиями между императором Эфиопии и Патриархом Алексием Хроника	4

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

Служения Святейшего Патриарха Алексия	6
<i>В. Пономаренко.</i> Праздник Рождества Христова в женевском патриаршем приходе	6
<i>Протоиерей Максимилиан Никонюк-Оренбургский.</i> Церковь Святителя Николая в Вильнюсе	9
<i>В. Овсянников.</i> Архиепископ Дионисий (Некролог)	12
Из жизни епархий	14
Вечная память почившим!	15

ПРОПОВЕДЬ

Беседа святого Василия Великого о посте	17
<i>Митрополит Никодим.</i> Слово после вечерни в Прощеное воскресенье	20
<i>Протоиерей Владимир Тимаков.</i> Поучение в Неделю мясопустную	23
<i>Михаил, архиепископ Казанский.</i> Поучение в Неделю 2-ю Великого поста	24

В ЗАЩИТУ МИРА

Коммюнике заседания Рабочего комитета Христианской Мирной Конференции	26
Заявление Рабочего комитета Христианской Мирной Конференции	27
Телеграммы Рабочего комитета ХМК У Тану, Ким Ир Сену и Л. Джонсону	27
Международный colloquium о Великом пятидесятилетии	28
<i>Г.-Д. Дёпман и А. С. Буевский.</i> Значение Великой Октябрьской социалистической революции в борьбе за мир, человечность и социальный прогресс (рефераты, прочитанные на colloquium в Магдебурге)	29
<i>Протоиерей Павел Соколовский.</i> Богословы Африки о построении справедливого общества	37

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВИЯ

<i>Священник Иоанн Христов.</i> Св. благоверный Петр, царь Болгарский	41
---	----

ЭКУМЕНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Второй визит делегации Русской Православной Церкви Церкви Братьев (США)	
<i>Митрополит Никодим.</i> Речь при посещении центра служения Церкви Братьев	44
<i>Митрополит Никодим.</i> Речь на официальном приеме в штаб-квартире Церкви Братьев	46
<i>Митрополит Никодим.</i> Речь на специальном собрании в Вифанской богословской семинарии	48

БОГОСЛОВСКИЙ ОТДЕЛ

<i>Протоиерей Василий Мисков.</i> О некоторых особенностях греческого богослужения	55
<i>Митрополит Антоний.</i> Молитва и жизнь	58
<i>В. Талин.</i> О пении на утрени Недели Крестопоклонной ирмосов Пасхального канона	74
<i>В. Лосский.</i> Богословие Света в учении св. Григория Паламы	76

БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. Х.</i> Годишник на духовната академия «Св. Климент Охридский», т. XV	78
--	----

Ответственный редактор—председатель Издательского отдела Московской Патриархии
епископ Волоколамский ПИТИРИМ
Секретарь редакции Е. А. КАРМАНОВ

Адрес редакции «Журнала Московской Патриархии»: Москва Г-435, Новодевичий пр., 1
Подписано в печать 5/III 1968 г. Сдано в набор 6/III 1968 г.
По оригинал-макету. Зак. 75

Московская типография № 20
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

ХРАМ ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ В ВИЛЬНЮСЕ

